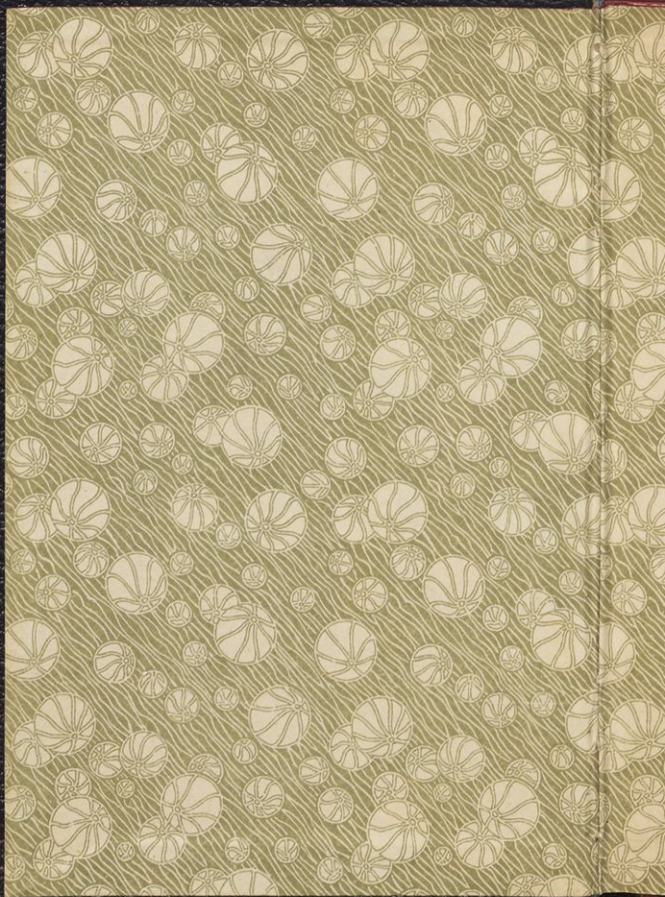

III
M, 38982
h.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ФРАНЦА ПРЕШИРНА.

СО СЛОВѢНСКАГО И НѢМЕЦКАГО ПОДЛИННИКОВЪ

ПЕРЕВЕЛЪ

Е. ЮРИШЪ.

Москва.

ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И А. ГЕШЕЛЯ,

ПРЕЕМН. Э. ЛИСНЕРА И Ю. РОМАНА.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

1901.

III, M, 38.982, L

030004794

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Такъ, творчествомъ занятъ,
Всѣмъ чуждый, поэтъ
По смерти возстанетъ
Во славу на свѣтъ.

Прешмригъ, „Писни“ 12 ст. 29—32.

I.

21 ноября (3 декабря н. ст.) текущего года исполняется ровно сто лѣтъ со дня рожденія Преширна, лучшаго изъ словѣнскихъ и одного изъ лучшихъ славянскихъ поэтовъ вообще.

Такъ какъ предлагаемый переводъ его стихотвореній, въ качествѣ юбилейнаго дара въ память и честь тому, кѣмъ могутъ гордиться всѣ славяне, разсчитанъ не на ученыхъ славистовъ, а на любителей поэзіи, независимо отъ круга ихъ познаній и занятій, переводчикъ счелъ своимъ долгомъ облегчить по мѣрѣ силъ пониманіе своего труда читателямъ не только посредствомъ примѣчаній при текстѣ, но также путемъ предварительнаго сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣній о поэтѣ, объ окружавшей его средѣ и объ его произведеніяхъ.

Словѣнцы, иначе словинцы*), которыхъ те-

*) Такъ ихъ называютъ многіе слависты по примѣру чеховъ, которые такимъ образомъ отличаютъ въ терминологіи языкъ словѣнцевъ, „словинскій“, отъ языка словаковъ, называющихъ свой языкъ „словѣнскимъ“. Прежніе слависты называли словѣнцевъ иногда хорутанами, что такъ же неверно, какъ если бы кто всѣхъ поляковъ называлъ мазурами.

перъ насчитывается около 1¹/₂ миллиона, принадлежатъ къ юго-славянской вѣтви, къ которой относятся также сербо-хорваты, болгары и то племя, которое говорило на церковно-славянскомъ языкѣ. Словѣнцы живутъ въ юго-западной части Австріи и въ сѣверо-восточномъ углу Италіи, а именно въ Крайнѣ (Верхней, т.-е. горной, Нижней, т.-е. равнинной, и Внутренней, орографически менѣе опредѣленной, откуда дѣленіе жителей на горѣнцевъ и долѣнцевъ), Хорутаніи, Штиріи, Истріи, юго-западной Венгріи и во Фріулѣ (резьяне)^х. Но и въ этихъ мѣстностяхъ они отчасти перемѣшаны съ нѣмцами, мадьярами и итальянцами, не говоря уже о хорватахъ. Особенно крѣпко засѣли нѣмцы въ главномъ городѣ Штиріи, Градцѣ (по-нѣмецки Gratz), съ его университетомъ. Плотнѣе всего словѣнское населеніе въ Крайнѣ, главный городъ которой, Любляна (по-нѣмецки Laibach), представляетъ собою средоточіе умственной дѣятельности и гражданственности словѣнцевъ.

Въ Крайнѣ, именно въ Верхней, родился и Францъ Ксаверій Преширнъ (France Ksaverij Prešérin, какъ онъ писалъ самъ, или Prešeren, Preširen, какъ пишутъ его фамилію теперь, произнося ее также двойко — съ é или съ í въ среднемъ слогѣ). Родомъ онъ былъ крестьянинъ изъ горенскаго села Вербы (Vrba). Ква-

соты его родного края, прелестнѣйшаго уголка всей словѣнской земли, воспѣты имъ въ поэмѣ „Крещеніе при Савицѣ“ (ст. 33—40). Семья Преширновъ состояла изъ отца (Симона, прозвищемъ Рыбака), матери, пяти дочерей и трехъ сыновей; изъ нихъ двѣ дочери были старше Франца, а два сына моложе его. Такъ какъ мать знала по-нѣмецки, Францъ познакомился съ этимъ языкомъ, вѣроятно, еще дома. Благодаря денежной помощи своего дѣда (брата матери отца), Иосифа Преширна, священника въ Нижней Крайнѣ, онъ поступилъ семи лѣтъ въ народную школу въ мѣстечкѣ Рыбницѣ, верстахъ въ 35 на ю.-в. отъ Любляны. Такимъ образомъ Преширнъ и по происхожденію и по первоначальному образованію — чистый горенецъ, и притомъ стоявшій близко къ народу. То и другое отразилось на его творчествѣ: въ языкѣ — значительной примѣсью горскихъ словъ, грамматическихъ формъ и особенностями горскаго выговора, которыми объясняются у него нѣкоторыя ударенія и рѣзкія, но также глубокимъ знаніемъ народной рѣчи во всѣхъ ея отѣнкахъ — отъ трогательной нѣжности (въ лирикѣ) до грубоватаго юмора съ весьма крупной солью (въ сатирѣ), а въ содержаніи — любовью къ народнымъ формамъ поэзіи и реализмомъ изображенія, не тѣмъ вымученнымъ, искусственнымъ и потому преувеличеннымъ и умышленно

грязнымъ, который теперь встрѣчается въ литературахъ романскихъ народовъ и заклеимъ еще въ древности Гораціевымъ „*incredulus odi*“ (возмущаюсь, не вѣря), а тѣмъ здоровымъ, естественнымъ, состоящимъ въ вѣрности тому, что есть, а не тому, что бываетъ, который свойственъ особенно славянамъ и нашелъ себѣ превосходное выраженіе не только у русскихъ, но и у поляковъ, при всей ихъ склонности къ мистицизму и фантастичности.

Любознательность, соединенная съ необыкновенными способностями, которыя Преширъ обнаружилъ уже въ сельскомъ училищѣ, искушала его, какъ „хитрая змѣя“ (см. сонетъ 21), къ приобщенію высшей наукѣ, и вотъ въ 1811 г. онъ поступилъ въ Люблянскую гимназію. Несмотря на недостатокъ времени, значительную часть котораго онъ долженъ былъ посвящать урокамъ для добыванія средствъ къ жизни, онъ и тамъ шелъ однимъ изъ первыхъ. По окончаніи курса въ гимназій, онъ отправился въ 1822 г. въ Вѣну для занятія юридическими науками. Выборъ этой специальности былъ обусловленъ, вѣроятно, тою же заботой о хлѣбѣ насущномъ. А пока онъ еще приобреталъ тѣ познанія, изъ которыхъ рассчитывалъ извлечь со временемъ матеріальную пользу, онъ и въ Вѣнѣ долженъ былъ поддерживать свое существованіе уроками латинскаго и греческаго языковъ. На

этотъ разъ обученіе молодежи повлекло къ знакомству, которое внесло имя словѣнца Преширна въ исторію нѣмецкой литературы: между его учениками въ Клиновстрѣмовомъ институтѣ оказался люблянскій нѣмецъ, Антонъ Александръ графъ Ауэрсбергъ, впослѣдствіи весьма извѣстный нѣмецкій поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ Анастасія Грюна (Зелѣнца, какъ перевелъ Преширнъ въ заглавіи своей мастерской передачи его стихотворенія „Три желанія“). Такъ какъ разни́ца въ годахъ между ученикомъ и учителемъ не достигала шести лѣтъ (графъ Ауэрсбергъ родился 31 марта = 12 апрѣля 1806), взаимныя отношенія двухъ земляковъ, при одинаковости наклонностей, скоро перешли въ дружбу, которая, правда, по различію условій жизни того и другого поддерживалась позже лишь издали и, кажется, довольно слабо, однако по смерти учителя была увѣковѣчена благодарнымъ ученикомъ въ стихотвореніи въ память Преширна (Nachruf an Preschiren). Уже въ то время Преширнъ писалъ стихи по-нѣмецки и, конечно, по-словѣнски, но изъ нихъ обнародовано было тогда же лишь одно, „Дѣвицамъ“, появившееся одновременно въ словѣнскомъ подлинникѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ автора въ 1827 г. въ люблянскомъ нѣмецкомъ „Иллирійскомъ Листкѣ“.

Вѣнѣ же былъ Преширнъ обязанъ и другимъ

М!

знакомствомъ, также самымъ дружескимъ, но противоположнымъ первому по распредѣленію ролей: этотъ другъ былъ извѣстный чешскій филологъ, поэтъ и патріотъ Франць-Ладиславъ Челаковскій (1799—1852), который оказалъ сильное вліяніе на молодого Преширна, ознакомивъ его на мѣстѣ, въ Прагѣ, куда свозилъ его на вакаціяхъ, съ тогдашнимъ движеніемъ чеховъ во имя подъема народнаго духа и на пользу сближенія съ прочими славянами на почвѣ науки и дѣятельнаго сочувствія между соплеменниками. Что проповѣдь Челаковскаго не пропала въ этомъ случаѣ даромъ, тому очевиднымъ доказательствомъ служатъ многія стихотворенія Преширна изъ разныхъ эпохъ его жизни. Челаковскій, какъ поэтъ, первый изъ славянъ оцѣнилъ Преширново дарованіе, а Преширнъ до конца жизни сохранилъ почти-тельное отношеніе не только къ Челаковскому, но и къ чехамъ вообще, что засвидѣтельствовало — правда, вскользь — отзывомъ „ученика“ въ сатирѣ „Новая литературная школа“. Благодаря чехамъ, Преширнъ ознакомился съ трудами отца славянской филологіи, Іосифа Добровскаго, (1753—1823), въ которомъ признавалъ своего учителя и знаменитый славистъ изъ Преширновыхъ земляковъ, Вареоломей Копытаръ (1780—1844), строгій судья первыхъ его поэтическихъ опытовъ, посовѣтовавшій ему отло-

жить ихъ на время въ сторону. Изъ того же источника Преширнъ заимствовалъ, вѣроятно, свои познанія по другимъ славянскимъ языкамъ. Насколько онъ былъ силенъ въ нихъ, судить трудно, но во всякомъ случаѣ онъ сумѣлъ въ 1837 г. перевести съ польскаго (почему-то на нѣмецкій языкъ) стихотворенія Мицкевича „Покорность судьбѣ“ (Rezignacya) и Корытка „Люблянскимъ красавицамъ“, не считая замѣчаній „ученика“ въ той же сатиры объ иноязычныхъ примѣсахъ у сербовъ, русскихъ, поляковъ и чеховъ. Возможно, что Корытко, сосланный въ 30-хъ годахъ изъ Галиціи въ Любляну и тамъ сблизившійся съ Преширномъ, помогалъ ему въ этихъ двухъ переводахъ.

Въ 1828 г. Преширнъ приобрѣлъ степень доктора правъ и причислился въ Люблянѣ къ прокуратурѣ въ качествѣ практиканта, не получающаго вознагражденія. Не добившись платной должности, онъ въ 1831 г. вышелъ въ отставку. Это была первая и послѣдняя его попытка на поприщѣ казенной службы. Можетъ-быть, въ поискахъ за мѣстомъ, онъ попалъ въ слѣдующемъ году въ Цѣловець (Klagenfurt), гдѣ вошелъ въ близкія сношенія съ двумя литераторами—священниками Урбаномъ Ярникомъ и Антонъ Сломшекомъ, въ послѣдствіи епископомъ. Около того же времени онъ выдержалъ

испытаніе на присяжнаго повѣреннаго, послѣ чего, уже снова въ Люблянѣ, его землякъ-пріятель, докторъ Хробать, предложилъ ему въ своей адвокатской конторѣ мѣсто писмоводителя. Хробать, высоко цѣня Преширна, такъ хорошо умѣлъ ладить со своимъ чудаковатымъ, подчиненнымъ, къ тому же не очень уживчивымъ, что могъ не только держать его у себя на службѣ нѣсколько лѣтъ, но даже извлечь значительную пользу своему дѣлу изъ его выдающихся способностей.

Къ этому времени, именно къ 1830 г., относится рѣшительное выступленіе Преширна на писательское поприще. Исторія словѣнской искусственной поэзіи въ связи съ разработкой языка состоитъ приблизительно въ слѣдующемъ.

До XIX в. словѣнская интеллигенція говорила и писала почти только по-нѣмецки. Словѣнская письменность за это время, впрочемъ очень скудная, находилась въ рукахъ духовенства, которое, стоя близко къ народу, не забывало родного языка и старалось на немъ поучать народъ устно и письменно. Такимъ составомъ писателей и читателей опредѣляются и содержаніе и форма тогдашней словѣнской литературы: это были молитвы, рассказы изъ священной исторіи, нравоучительныя повѣствованія и размышленія въ прозѣ и отчасти въ сти-

хахъ, также популярныя сочиненія по сельскому хозяйству, лѣчебники и т. п. книжки, чисто прикладныя, написанныя на простонародномъ языкѣ по говору той мѣстности, въ которой проповѣдывало данное духовное лицо. Между духовными были люди, искренне преданные своей народности и языку и по мѣрѣ силъ и умѣнья отстаивавшіе ихъ отъ нѣмецкаго вліянія. Этимъ „родолюбьемъ“, какъ выражаются словѣнцы, въ значительной степени объясняется могущество тамошняго духовенства среди народа. При обособленности дѣйствій каждаго сельскаго священника и при низменности духовнаго уровня ихъ паствы образованіе единого письменнаго языка, годнаго для выраженія всевозможныхъ отвлеченныхъ и культурныхъ понятій, было немислимо, какъ и развитіе разнообразной и умственно свободной литературы. А между тѣмъ духовенство считало родную письменность, и не безъ причины, своимъ созданіемъ и потому своею собственностью. Отсюда понятно, почему не малая часть его впоследствии отнеслась къ переходу литературы въ свѣтскія руки и къ новому, болѣе или менѣе искусственному, языку далеко не дружелюбно, особенно духовныя лица янсенистскаго направленія, отличавшагося преувеличенной строгостью по части нравственности.

Первымъ самостоятельнымъ поэтомъ словѣн-

цевъ былъ Валентинъ Вѣдникъ*) (1758—1819), по общественному положенію священникъ и директоръ училищъ въ Крайнѣ и въ Приморѣ, по призванію — литераторъ и филологъ, знаменитый и до сихъ поръ не только своимъ значеніемъ въ родной письменности, но и глубоко прочувствованнымъ поэтическимъ привѣтомъ Наполеону за его попытку созданія новой, относительно свободной, Иллирии, въ составъ которой должны были войти и словѣнскія земли (1809). Каковы бы ни были слабыя стороны Вѣдника, онъ возбуждалъ интересъ къ поэтическому творчеству на родномъ языкѣ, что имѣло тѣмъ болѣе важныя послѣдствія, что почти совпало по времени съ духовнымъ возрожденіемъ прочихъ австрійскихъ славянъ, и даже указалъ тѣ три образца, которыхъ держалось большинство послѣдующихъ словѣнскихъ поэтовъ: прежде всего — поэзію народную, потомъ — древне-классическую и нѣмецкую (ср. его „Мой памятникъ“, ст. 21—24). Онъ же установилъ въ общемъ и стихотворныя формы. Объ авторитетности его еще въ 30-хъ годахъ можно заключить хоть бы изъ послѣдней „газели“ Преширна. Его памяти посвящены

*) Съ такимъ удареніемъ произносили его имя Преширнъ (Газель 7 ст. 6), Вилхаръ („Вѣднику“ ст. 17) и др., но говорятъ, кажется, и „Вѣдникъ“ по нарицательному = 1) во-
жакъ, 2) мельничный ларь.

Преширномъ сочувственная „пѣсня“ 12 и добродушная „эпиграмма“ 12, напоминающая совсѣмъ недобродушный отзывъ о немъ Копытаря: „краснощекий, упитанный попикъ“.

Въ началѣ XIX в. вмѣстѣ съ интересомъ къ литературѣ между словѣнцами пробудился интересъ къ языку, замѣтный впрочемъ еще съ конца XVIII в.: Копытарь еще въ 1808 г. составилъ словѣнскую грамматику на научной (по-тогдашнему) основѣ, а въ 20-хъ годахъ Петръ Дайяко (Danjko) и Франць Метелко, также авторы грамматикъ (1825 и 1830 гг.), пытались преобразовать, каждый по-своему, словѣнское правописаніе, остававшееся безъ измѣненія со временъ Адама Бѣхорича, автора первой грамматики словѣнскаго языка (1584 г.). Возгорѣлась „азбучная война“, въ которой принималъ участіе и Преширъ сонетомъ 18.

Что касается чисто литературнаго движенія, то въ немъ не послѣднее мѣсто занимали двое Прешириновыхъ друзей, Матвѣй Чопъ и Андрей Смоле (Smole род. Smoléta, т.-е., по-русской фонетикѣ, *Смолѣ*, род. *Смолѣти*). Первый, другъ Преширна съ отрочества, обладавшій обширными познаніями по части языковъ и литературы, особенно поэтической (см. у Преширна въ „Разныхъ стихотвореніяхъ“ 2, въ посмертныхъ 11, въ нѣмецкихъ 5), имѣлъ сильное вліяніе на Преширна особенно тѣмъ, что по-

знакомилъ его съ итальянской поэзіей и, можетъ-быть, также съ испанской, изъ которыхъ онъ и заимствовалъ стихотворныя формы сонета, терцина, октавы, глоссы и романса (о чемъ см. ниже), бывшія въ то время въ ходу у нѣмецкихъ романтиковъ, вліяніе которыхъ на Преширна сказалось и въ отдѣлѣ „Баллады и романсы“, гдѣ онъ помѣстилъ между прочимъ свой поистинѣ художественный переводъ Бюргеровой „Леноры“. Кружокъ литераторовъ, примыкавшихъ къ Чопу, стараясь о соединеніи писательскихъ силъ, пришелъ къ мысли объ изданіи журнала. Осуществителемъ ея явился Михаилъ Кастелецъ въ своей „Краинской Пчелкѣ“ (Kranjska Čebélica или, по тогдашнему правописанію, Zhbeliza), первая книжка которой вышла въ 1830 г. Преширнъ привѣтствовалъ это событіе сонетомъ, полнымъ надеждъ и благодарности Кастельцу (см. въ посмертныхъ 9), и значительно содѣйствовалъ успѣху новаго изданія, помѣщая въ немъ свои стихотворенія. О первыхъ четырехъ книжкахъ „Пчелки“, какъ о складѣ родной поэзіи, онъ говоритъ во второй строфѣ своей глоссы (Разныя стих. 6). Однако здѣсь его ждали разочарованія: съ одной стороны, Кастелецъ оказался — по крайней мѣрѣ, въ глазахъ Преширна — не совсѣмъ на высотѣ своей задачи, да и сотрудники его по стихотворной части нерѣдко грѣ-

шили то въ формѣ, то въ содержаніи, что вызывало болѣе или менѣе рѣзкія насмѣшки поэта (см. эпиграммы 4, 5, 6, 7, 8 и 11); съ другой стороны, собственные стихотворенія Преширна навлекали на себя осужденія, преимущественно отъ литературныхъ старообръ, смотрѣвшихъ враждебно на вводимыя имъ въ отечественную поэзію новыя формы и находившихъ какъ эти нововведенія, такъ и содержаніе его произведеній, по большей части эротическихъ, безнравственными. Были, повидимому, и такіе критики, которые находили, что лучше было бы ему писать по-нѣмецки, какъ нѣкоторые другіе словѣнцы (ср. „Сонетный вѣнокъ“ 6, въ посмертныхъ 9, особенно въ нѣмецкихъ 4). На эти обвиненія Преширнъ откликался не разъ, и на двухъ языкахъ (см. „Разныя стихотворенія“ 3, гдѣ нападки литератора направлены именно на тѣ роды поэзіи, которые Преширнъ старался привить на словѣнской почвѣ, не исключая трагедіи, о чемъ ниже; также „Газели“ 7, нѣм. 1, I—III и, можетъ-быть, „Пѣсни“ 17 и „Баллады и романсы“ 12). Не одобрилъ его и Копытарь, авторитетъ котораго онъ признавалъ въ дѣлѣ языка (эпигр. 18), но не поэзіи (ср. сонетъ 20). Самоувѣренность этого ученаго отмѣчена также въ эпиграммѣ 17. Но онъ притѣснялъ Преширна и „Пчелку“, между прочимъ, также въ качествѣ главнаго цензора въ Вѣнѣ,

куда злосчастный журналъ отсылался на просмотръ послѣ придирчивой рецензіи люблянскаго цензора, каноника Паушка, „ограниченнѣйшаго янсениста“, какъ его называетъ Преширнъ въ письмѣ къ Челаковскому 1833 г., и послѣ критики Чопы, по мнѣнію Паушка, слишкомъ слабой. Эти цензурныя преслѣдованія кончились тѣмъ, что въ 1833 г. послѣ четвертой книжки „Пчелка“ прекратилась до 1848 г., и Преширну осталось удовольствоваться „Иллирійскимъ Листкомъ“, гдѣ онъ иногда и прежде помѣщалъ свои стихотворенія. Огорчало Преширна и равнодушіе большинства словѣнцевъ къ поэзіи вообще (см. „Разныя стихотворенія“ 6 и „Сонеты“ 7 VII), а еще болѣе — къ родному краю и своей народности (см. „Сонеты“ 7 VIII и 7 IX), которымъ онъ былъ преданъ всею душою. Тѣмъ сильнѣе раздражили его такъ называемые иллирійцы, желавшіе объединенія всей наполеоновской Иллиріи въ отношеніи письменнаго языка, при чемъ словѣнцы, по ихъ мнѣнію, должны были отказаться отъ своей литературной самостоятельности въ пользу хорватовъ, какъ болѣе многочисленныхъ. Во главѣ этого направленія стоялъ кайкавецъ (хорватъ) Людевитъ Гай (1809—1872), который съ 1834 г. началъ проводить его въ основанномъ имъ журналѣ „Хорватскія Вѣдомости“ (Novine Horvatzke), переименованномъ имъ

въ 1836 г. въ „Иллирскую Денницу“ (Danica Pirska), гдѣ онъ употреблялъ искусственный языкъ, „иллирскій“, на далматинской (дубровницкой) основѣ и мало-по-малу ввелъ чешское правописаніе, принятое теперь одинаково какъ хорватами, такъ и словѣнцами. Особенно чувствителенъ былъ для Преширна переходъ его друга, даровитаго словѣнскаго поэта Станка Вразы (1810—1851), къ хорватамъ. И Гаю за его языкъ и Вразу за его измѣну досталось отъ Преширна въ двухъ язвительныхъ эпиграммахъ 19 и 21*). Не забудемъ и Прешир-

*) Нельзя не сознаться, что послѣдняя несправедлива: Станко Вразъ былъ восторженный идеалистъ и къ иллирійцамъ присталъ по убѣжденію, въ виду слабости юго-славянскихъ племенъ сравнительно съ могуществомъ и численностью ихъ враговъ, что онъ подробно излагаетъ въ истинно дружескомъ письмѣ къ Преширну отъ 1 августа (нов. ст.) 1838 г. (Děla Stanka Vraza. U Zagrebu 1877. V, стр. 428—432). Доводы иллирійцевъ были такъ убѣдительны и проновѣдь ихъ должна была такъ сильно дѣйствовать на угнетенныхъ славянъ южныхъ провинцій Австріи, что къ нимъ можно было примкнуть и помимо личныхъ расчетовъ. Преширнъ, какъ и многіе изъ его кружка, вполне сочувствуя идеѣ славянскаго возрожденія, не счелъ однако нужнымъ присоединиться къ иллирійцамъ не только по вышеуказанной причинѣ, но, вѣроятно, и потому, что признавалъ такой шагъ „въ чужомъ пиру похмельемъ“, такъ какъ иллирійское движеніе было направлено противъ мадьяръ, угрожавшихъ непосредственно хорватамъ, а не словѣнцамъ, которые должны были бояться другого врага, несравненно болѣе

новыхъ неудачъ по службѣ: четыре раза добивался онъ казеннаго мѣста и всѣ четыре раза получалъ отказъ,— вѣроятно, за вольнодумство, которое приписывалось ему многими.

могущественнаго, чѣмъ мадьяры, и одинаково опаснаго всѣмъ австрійскимъ славянамъ. И онъ былъ правъ: австрійское правительство поддерживало иллирійскую агитацію лишь для того, чтобы воспользоваться ея плодами въ 1848 и 1849 гг. Не даромъ въ этомъ случаѣ Преширъ сошелся до нѣкоторой степени съ Копытаремъ, который въ своемъ изслѣдованіи „Hesychii glossographi discipulus“ (1839) при разборѣ Гаева преобразования языка и правописанія въ заключеніе выражается такъ: „Мы не оспариваемъ у латинскихъ (т.-е. католическихъ) сербовъ дубровницкихъ и далматскихъ ни славы, которую они себѣ нѣкогда стяжали (своей литературой съ конца XV по начало XVIII в.), ни расположенія, которымъ они пользуются теперь (у иллирійцевъ), но мы сожалѣемъ о томъ, что провинціальная (т.-е. австрійская, по языку кайкавская) Хорватія, которой столица есть Загребъ, становится жертвой измѣны со стороны своихъ сыновей, предпочитающихъ таскать дрова въ дубровницкій лѣсъ (т.-е. обогащать богатаго), чѣмъ поддерживать свою несчастную родину, подавая тѣмъ самый прискорбный примѣръ другимъ“. Такимъ образомъ иллирійцы являются не меньшими врагами Хорватіи, чѣмъ турецкіе янычары, какъ выразилъ мысль Копытара Преширъ въ эниграммѣ 18, въ которой трудно отрицать сочувствіе къ такому взгляду. Съ той же точки зрѣнія Преширъ возставалъ и противъ теоріи четырехъ языковъ въ славянской письменности (энигр. 19). Стоя, какъ, повидимому, и Копытарь, за права мѣстныхъ языковъ, онъ осуждалъ иллирійцевъ и за многочисленные заимствованія изъ языковъ другихъ славянъ, особенно изъ русскаго (сонетъ 19).

Къ этимъ причинамъ недовольства условіями жизни и ближними присоединялось и служило имъ удобной почвою то живое представленіе идеала и невольное исканіе его воплощенія во ви́шнемъ мірѣ, о которомъ обстоятельно и краснорѣчиво говоритъ Іосифъ Стритаръ въ своей статьѣ о Преширновомъ творествѣ, помѣщенной впереди изданія 1866 г. Разочарованіе Преширна въ этомъ направленіи, относящееся уже ко всему роду человѣческому, копилось и росло, конечно, съ годами, но въ 1833 г. случилось одно событіе, которое, хотя, можетъ-быть, само по себѣ и не было безусловной причиной его послѣдующаго пессимистическаго міросозерцанія, т.-е. едва ли имѣло такое важное значеніе въ жизни поэта, что, если бы дѣло пошло иначе, онъ оказался бы пѣвцомъ жизненныхъ радостей, но въ его глазахъ было какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ развитіи его отношенія къ міру, людямъ и человѣческой участи или послѣднею каплей, переполнившей чашу его разочарованія. То была несчастная любовь, о которой Стритаръ говоритъ именно въ указанномъ смыслѣ, что „то былъ бы ребяческій вопросъ, что было бы, если бы Преширнова любовь была услышана“. Предметомъ этой любви была дочь любянскаго купца Примца, Юлія. Есть преданіе, что Преширнъ влюбился въ нее еще гимназистомъ,

когда давалъ ей уроки. Но это извѣстіе находится въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ показаніями самого Преширна, что свидѣтельствуется только о томъ, какъ мало словѣнцы знали своего лучшаго поэта. Прежде всего— онъ самъ заявляетъ въ сонетѣ 6, что влюбился въ Юлію, увидавъ ее тогда чуть ли не въ первый разъ, въ Страстную субботу 1833 г. Далѣе: если бы онъ училъ ее еще во время своего пребыванія въ гимназій, разница въ годахъ между ними не могла бы быть велика, а въ газетѣ 5, написанной во всякомъ случаѣ не позже 1833 г., т.-е. когда Преширну было около 33 лѣтъ, ясно сказано, что Юлія едва вышла изъ дѣтскаго возраста. Если стихотвореніе 3 въ „Балладахъ и романсахъ“ относится къ Юліи (въ чемъ, кажется, нѣтъ сомнѣній), это свидѣтельство о возрастѣ Юліи подтверждается самымъ рѣшительнымъ образомъ. Указаніе на недавнее ея появленіе въ свѣтъ даетъ и газетѣ 4, любопытная также въ томъ отношеніи, что въ ней есть намекъ на увлеченіе Преширна другими дѣвицами, очевидно, предшествующее его любви къ Юліи. Впрочемъ эти соображенія и не нужны теперь, послѣ изысканій проф. Лѣвца, который добылъ точную справку, что Юлія Марія Примецъ (или, по-словѣнски, Примчева) родилась 19 (31) мая 1816 года. Упомянутое преданіе мы можемъ смѣло отнести

на счетъ свойственнаго публикѣ стремленія къ вящему опоэтизированію всѣмъ извѣстной любви поэта посредствомъ обращенія ея въ первую, что, впрочемъ, дѣлають иногда и сами поэты, какъ Проперцій, который заявляетъ въ своей вступительной элегіи, что

Впервые Кинѳи плѣнилъ мнѣ сердце взоръ,
Неуязвленное любовью до тѣхъ поръ,

хотя въ другомъ мѣстѣ признается, что у Кинѳи была, по малой мѣрѣ, одна предшественница. Да и вообще та любовь поэта, которая составляетъ какъ бы средоточіе его духовной жизни, рѣдко бываетъ первая, и понятно, почему: самая наличность такого средоточія предполагаетъ сложность умственной и душевной дѣятельности, недоступную человѣку, очень юному и не успѣвшему потолкаться въ мірской суетѣ. Итакъ, когда Преширнъ влюбился въ Юлію, ей было лѣтъ 17, а онъ былъ какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда у большинства мужчинъ, еще одинокихъ, является въ душѣ трудно! преодолимое стремленіе къ пріобрѣтенію, такъ сказать, сердечнаго якоря, при помощи котораго всѣ страсти человѣка должны осѣсть и успокоиться, а мечты — кристаллизаться въ опредѣленную форму, послѣ чего только и можетъ начаться правильная, ничѣмъ не смущаемая дѣятельность, составляющая при-

звание мужчины. Преширнъ обратилъ вниманіе на Юлію, повидимому, однимъ изъ первыхъ, но не одинъ: она влекла къ себѣ сердца своей молодостью и красотою, особенно своими лучезарными взорами (см. „Пѣсни“ 4 и 9, „Балл. и ром.“ 3, „Сонеты“ 6, 7 V, 7 X, 7 XIII, 10; впрочемъ и до Юліи „Разныя стих.“ 1 и 4, ст. 12, сонетъ 3; ср. также „Балл. и ром.“ 4, ст. 9—12 и 33—34, и 11, ст. 127—128, что поучительно сопоставить съ „Разн. стих.“ 1). Глаза считаются чѣмъ-то въ родѣ оконъ, изъ которыхъ выглядываетъ душа; и это наблюденіе, пожалуй, вѣрно, но для надлежащаго примѣненія его необходимо, чтобы взоръ самого наблюдателя не былъ застланъ дымкою любви, пока еще безпредметной и находящейся въ состояніи возможности, но готовой вспыхнуть яркимъ и жгучимъ пламенемъ при первой встрѣчѣ съ „ней“, которая зачастую и бываетъ первой встрѣчной въ данную минуту. Само собою разумѣется, что эти соображенія нисколько не касаются чести избранницы Преширна: она, какъ говорятъ, была въ самомъ дѣлѣ красива, хотя нѣсколько мала ростомъ, и притомъ отличалась нѣкоторымъ остроуміемъ и присутствіемъ умственныхъ интересовъ, если только послѣднее показаніе не есть выводъ, отнюдь не обязательный, изъ ея предпочтенія мужского общества передъ

женскимъ. Мало того: при всемъ сочувствіи къ поэту несправедливо было бы заключить что-либо невыгодное для нея изъ того обстоятельства, что она предпочла геніальному Преширну обыкновеннаго смертнаго, его соперника еще по гимназіи, Антова фонъ-Шейхенштуэля (Scheuchenstuel), по внѣшности, вѣроятно болѣе привлекательнаго. Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ могъ Преширнъ плѣнить Юлію? своими стихами? но она, воспитанная, какъ всѣ современныя ей словѣнки изъ порядочнаго общества, на нѣмецкомъ языкѣ и по нѣмецкимъ образцамъ, смотрѣла на нихъ пренебрежительно, да едва ли ихъ вполнѣ и понимала (ср. „Сонеты“ 7 VI), кромѣ четырехъ относящихся къ ней нѣмецкихъ сонетовъ. Но и помимо того исторія литературы знаетъ очень мало примѣровъ любви, снисканной стихами, за исключеніемъ эпохъ, когда воспѣваніе красавицъ было поддерживаемо модой, какъ во времена трубадуровъ; а вообще женщины принимаютъ любовь поэтовъ съ инстинктивнымъ недоувѣріемъ, чувствуя, что она направлена не собственно на нихъ, а на что-то существенно иное. Это иное есть идеаль, и Преширнъ, самъ того не зная, въ своихъ жалобахъ на равнодушіе Юліи, былъ, какъ выражается тамъ же Стритаръ, „пѣвцомъ дисгармоніи между идеаломъ и жизнью въ образѣ несчастной любви“.

Что касается внѣшнихъ прелестей, весьма важныхъ на взглядъ такой свѣтской барышни, какъ Юлія (ср. сонетъ 14), то Преширнъ ими рѣшительно не обладалъ: онъ не былъ ни красивъ, ни ловокъ; въ обществѣ молодыхъ дамъ онъ терялъ много тѣмъ, что не получилъ салоннаго воспитанія. Относительно общественнаго положенія фонъ-Шейхенштуэль, сынъ бывшаго Преширнова начальника, стоялъ несравненно выше. Сверхъ того, при всей своей добротѣ, врожденной деликатности и тонкости пониманія всего, что касается ближняго, Преширнъ былъ, повидимому, нѣсколько тяжелъ въ отношеніяхъ, особенно такихъ близкихъ, какъ любовь, въ которой онъ долженъ былъ проявлять обидчивость, тѣмъ болѣе щекотливую, чѣмъ меньше онъ, какъ человѣкъ, очень умный и прямо смотрящій на предметы, признавалъ въ себѣ силъ для завоеванія сердца любимой женщины, въ то же время не поддаваясь внушеніямъ этой чувствительности настолько, чтобы удалиться разъ навсегда, потому что, помимо любви, его поддерживала въ исканіяхъ и надежда, неизмѣнно присущая всякому желанію и возрастающая вмѣстѣ съ нимъ, какъ замѣтилъ еще Петрарка (*al desio cresce la speme*). Однако Юлія, хотя уже въ 1833 г. была просватана своей всевластной дома матерью за фонъ-Шейхенштуэля, отдала сча-

стливцу предпочтеніе не съ разу: слѣды ея колебанія между двумя обожателями можно найти въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, особенно въ „Посмертн.“ 10, очевидно, одномъ изъ раннихъ, а замужъ вышла она только въ 1840 г. Въ газеляхъ нѣтъ даже намека на соперника, а видны только отговорки Юліи въ отвѣтъ на его ухаживанье. Но мало-по-малу, вѣроятно, уже тогда, когда Юлія начала склоняться къ другому ухаживателю, отношенія между нею и Преширномъ становились все натянутѣе, и съ ея стороны все яснѣе выказывалось желаніе отъ него отдѣлаться (см. „Пѣсни“ 4, 5, 6, 7, „Сонеты“ 7, 10, 12, 13, 14). При обзорѣ отдѣльныхъ стихотвореній мы увидимъ нѣсколько такихъ, которыя можно понять въ смыслѣ предостереженія Юліи отъ поспѣшнаго довѣрія къ другому ухаживателю, все болѣе оттиравшему бѣднаго поэта, но такое ихъ толкованіе представляется тѣмъ болѣе опаснымъ, что послѣдовательность Прешириновыхъ произведеній по годамъ во многихъ случаяхъ неизвѣстна, по крайней мѣрѣ тѣмъ, кому недоступны его бумаги (въ Люблянскомъ музеѣ), если только въ нихъ есть хронологическія указанія, относящіяся къ его поэтической дѣятельности; что касается опредѣленія хронологіи отдѣльныхъ стихотвореній по нумерамъ нѣмецкаго „Иллирійскаго Листка“, „Пчелки“, „Карніоліи“

и другихъ повременныхъ изданій, то не должно забывать, что „напечатано“ и „написано“ — не одно и то же, и что первое годится только для установленія времени, *послѣ* котораго данное стихотвореніе не могло быть написано. Такъ напр. „Пѣсню“ 2 было бы очень соблазнительно понять въ смыслѣ предостереженія Юліи отъ чрезмѣрной разборчивости въ женихахъ, но это стихотвореніе, какъ мы видѣли, предшествуетъ любви Преширна къ Юліи, по малой мѣрѣ, за шесть лѣтъ. Мало того: нѣкоторые стихотворенія, относящіяся несомнѣнно къ главной любви поэта, т.-е. къ 30-мъ годамъ, появились въ печати впервые въ его изданіи, незадолго до его смерти. Какъ бы то ни было, когда Преширнъ убѣдился окончательно въ любви Юліи къ его сопернику — что, какъ было замѣчено выше, при упрямствѣ надежды, совершилось, конечно, не скоро, напр., можетъ-быть, только послѣ подмѣченнаго имъ ея взгляда на избранника (см. сонетъ 14), — произошелъ рѣшительный разрывъ („Пѣсни“ 8), приблизительно въ 1836 г., и послѣдовало разочарованіе въ той, которая въ теченіе почти трехъ лѣтъ была его божествомъ („Пѣсни“ 9). Какъ безукоризненно порядочный человѣкъ, какъ настоящій мужчина въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ выразилъ въ своихъ стихахъ это разочарованіе только тѣмъ, что призналъ

ошибочнымъ свое идеализированіе обыкновенной дѣвушки, не выказывая никакого раздраженія противъ нея и не пытаясь оправдать свою ошибку какъ-нибудь ей въ ущербъ. Самая рѣзкая выходка у него въ этомъ направленіи — „Разныя стихотворенія“ 3 ст. 124—126 — относится къ болѣе раннему времени и направлена противъ крайнихъ дѣвицъ вообще, за которыхъ и обидѣлся, какъ это ни странно, цензоръ Копытарь.

Какъ противъ предположенной здѣсь послѣдовательности событій по вызваннымъ ими стихотвореніямъ, такъ и противъ заключеній изъ того же источника объ исторіи любви Преширна къ Юліи, изложенныхъ отчасти ниже, раздадутся, вѣроятно, возраженія, основанныя на трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей Преширновой жизни, особенно проф. Лѣвца. Эти ученые относятся съ большимъ недоверіемъ къ поэтическимъ показаніямъ самого Преширна, считая ихъ чуть не сплошь вымысломъ. Само собою разумѣется, строить біографію какого бы то ни было поэта по его стихотвореніямъ нельзя, если только онъ въ самомъ дѣлѣ поэтъ, а не простой перелагатель своей жизни въ стихи. Но поэтъ поэту рознь: только „поддѣльные“ поэты или, по крайней мѣрѣ, вдохновляющіеся не изъ дѣйствительности, а изъ книги, сознательно выдумываютъ предметы

для своихъ произведеній, но у поэтовъ истинныхъ, какъ бы скромно ни было ихъ дарованіе, особенно у лириковъ, каждое стихотвореніе есть, какъ говоритъ Гёте, стихотвореніе на случай (ein Gelegenheitsgedicht), потому что нѣтъ поэзіи безъ творческаго настроенія, а жизненные событія производятъ въ поэтическихъ душахъ такія настроенія, — конечно, не всегда, не всякія событія и не одни и тѣ же во всѣхъ поэтахъ. У Преширна нѣтъ ни одного стихотворенія, не коренящагося въ дѣйствительности. Хотя она, вѣроятно, является у него, какъ вообще у настоящихъ поэтовъ, претворенною свойствами поэтическаго настроенія, безсознательно приспособляющаго къ себѣ самое обстоятельство, которымъ оно вызвано, и потому тотъ, кто хочетъ извлечь изъ его стихотворенія біографическое данное, долженъ остерегаться именно съ этой стороны; но въ реальности повода ему нечего сомнѣваться. Итакъ, если Преширнъ кому-то говорилъ, что онъ, правда, одно время былъ „страшно влюбленъ“ въ Юлію, но никогда съ ней не говорилъ ни слова, а съ другой стороны, изъ его стихотвореній можно заключить, что онъ съ ней разговаривалъ не разъ, невольно припоминаются слова Гёте въ посвященіи An die Günstigen:

Niemand beichtet gern in Prosa;
Doch vertraun wir oft sub rosa
In der Musen stillem Hain.

Да и можно ли влюбиться хоть въ писаную красавицу сколько-нибудь прочно, не перекинувшись съ ней ни однимъ словомъ? Говорятъ также, будто самое имя Преширново никогда не упоминалось у Примцевъ кромѣ одного раза по поводу одного его стихотворенія („Пѣсни“ 15), да и то ни мать, ни дочь, выслушавъ эти стихи отъ посланнаго Преширномъ агента Мюллера, не сказали ничего, ни о нихъ ни объ ихъ сочинителѣ; но это прямо противорѣчитъ словамъ самого Преширна, слышаннымъ отъ него, по видимому, многими: „Я знаю, что чрезвычайно разсердилъ Примцевъ своими стихотвореніями“: отсюда слѣдуетъ, что о немъ тамъ говорили во всякомъ случаѣ не разъ, особенно если правда, что, узнавъ о гнѣвѣ Юліи на него, онъ написалъ и напечаталъ нарочно нѣсколько нѣмецкихъ сонетовъ о ней (въ 1834 г., т.-е. на второй годъ своей любви къ ней). На существованіе между нимъ и Юліей знакомства, болѣе близкаго, чѣмъ обожаніе издали, указываетъ и то, что нѣкоторые изъ относящихся къ ней стихотвореній онъ не обнародовалъ до 1847 г., когда она давно уже была замужемъ и жила не въ Люблянѣ, гдѣ многіе ее знали, а въ Новомъ Мѣстѣ (Rudolfswerth), въ Нижней Крайнѣ. Эти стихотворенія суть сонеты 6, 7 („Сонетный вѣнокъ“ изъ 15 сонетовъ), 8, 9, 12, 13 и 14. Вотъ нѣсколько соображеній о времени ихъ возникновенія. Прежде

всего — вѣроятно ли, чтобы эти 22 сонета были написаны незадолго до ихъ изданія? Очевидно, нѣтъ, да никто этого и не думаетъ. Но когда же они были написаны? Сонеты 1, 2 и 3 размѣщены Преширномъ въ сборникѣ его стихотвореній по порядку ихъ появленія въ „Пчелкѣ“, 4 (1832 г.) и 5 (1831) — въ обратной послѣдовательности, вѣроятно, по ихъ содержанію, а между тѣми (9 и 12) и дальше (за 14) поставлены остальные сонеты Юліина цикла, напечатанные прежде въ „Иллирійскомъ Листкѣ“: 10, 11, 15, 16 (въ 1836 г.) и 17 (1837). Въ виду такого расположенія сонетовъ, хронологическаго кромѣ одного случая, слѣдуетъ, кажется, предположить, что сонеты, обнародованные впервые въ 1847 г., были написаны въ 30-хъ годахъ, а именно 6, можетъ-быть, въ 1833 или 1834, „Сонетный вѣнокъ“ и прочіе — въ 1835 и 1836. Кромѣ того акростихъ съ именемъ Юліи въ послѣднемъ сонетѣ „Вѣнка“ сохранился лишь въ нѣкоторыхъ экземплярахъ изданія, а въ другихъ уничтоженъ посредствомъ перестановки словъ въ нѣсколькихъ стихахъ — почему? да потому, конечно, что „Сонетный вѣнокъ“ со скрытымъ въ немъ именемъ былъ извѣстенъ кое-кому вскорѣ послѣ того, какъ былъ написанъ, подобно „Небесной процессіи“, ходившей по рукамъ въ 1835 г., а напечатанной лишь въ 1848. Ясно, что поэтъ на этотъ разъ не хотѣлъ раздражать Юлію,

бывшую тогда еще не замужемъ и жившую въ Люблянѣ, гдѣ жилъ и онъ. Къ тому же ведутъ и нѣкоторыя другія стихотворенія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Все это естественноѣе при личномъ знакомствѣ, чѣмъ при безмолвномъ созерцаніи, до котораго другой сторонѣ нѣтъ дѣла. Что до ссылки на то, что Преширнъ въ своихъ письмахъ къ Чопу въ 1832 г., говоря о многихъ женщинахъ, не упоминаетъ о Юліи, то это обстоятельство объясняется вполнѣ заявленіемъ самого Преширна, что онъ влюбился въ Юлію въ 1833 г., когда она, какъ можно думать на основаніи „Доктора“ и „Газелей“, въ первый разъ появилась въ обществѣ.

Вообще біографы мало вѣрятъ Преширну въ его поэзіи, не вѣрятъ между прочимъ и самой его любви или, по крайней мѣрѣ, тому, что она длилась нѣсколько лѣтъ. Они говорятъ, что такой умный человѣкъ, какъ Преширнъ, не могъ такъ долго увлекаться мечтой, несостоятельность которой была ему хорошо извѣстна, тѣмъ болѣе, что съ 1836 г. онъ любилъ другую, и любилъ съ такимъ успѣхомъ, что въ 1842 г. у него было отъ нея уже двое дѣтей. Какова была эта любовь, кажется, въ точности неизвѣстно, но вѣрно иного рода, чѣмъ къ Юліи, какъ и Петрарка любилъ свою сожительницу, подарившую ему еще большее потомство, очевидно, не такую

любовью, какъ Лауру: эти возлюбленные обоихъ поэтовъ не оставили никакого слѣда въ ихъ поэзіи. Любовь платоническая (въ подлинномъ смыслѣ этого слова), которая живетъ и дышитъ въ твореніяхъ Петрарки и Преширна, можетъ продолжаться очень долго, потому что носящій ее въ себѣ поддерживаетъ ее безотчетно самъ, дорожа ею, какъ такимъ чувствомъ, которое непрестанно представляетъ его душѣ идеалъ, облеченный въ конкретную форму. Это свойство чистой, возвышенной любви должно было особенно сказаться въ Преширнѣ, который, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Лѣвецъ, такъ рано дошелъ до разочарованія въ осуществимости идеала на землѣ именно потому, что вступилъ въ жизнь съ чрезмѣрно идеалистическими требованіями отъ нея.

Возвратимся къ вопросу, насмѣшливо поставленному Стритаремъ: „что было бы, если бы Преширнова любовь была услышана?“. А было бы въ сущности то же самое: если бы Юлія вышла замужъ за Преширна, онъ, конечно, почувствовалъ бы себя на верху блаженства, но не какъ поэтъ, какимъ онъ влюбился, а какъ человѣкъ, почему это радостное состояніе его духа оставило бы въ поэзіи слѣдъ едва примѣтный, а затѣмъ, по удовлетвореніи человѣческой страсти, въ немъ опять проснулся бы поэтъ, и тогда точно такъ же яви-

лось бы разочарованіе въ женщинѣ, недавно его вдохновлявшей.

Выше было сказано, что неудачи повели Преширна къ разочарованію въ людяхъ и мірѣ; далѣе, при разборѣ его произведеній, мы найдемъ у него признаки пессимистическаго настроенія. Однако Преширна нельзя назвать пессимистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова: настоящій пессимизмъ, какъ бы величественъ и живописенъ ни былъ по внѣшности, какое бы участіе ни возбуждалъ къ одержимому имъ человѣку вслѣдствіе тѣхъ страданій, которыя онъ ему причиняетъ, все-таки бываетъ основанъ въ концѣ концовъ на эгоизмѣ и къ утвержденію, что все на свѣтѣ никуда не годится, прибавляетъ молча: „кромѣ меня“. Преширнъ могъ быть недоволенъ окружающимъ и подъ вліяніемъ своихъ личныхъ неудачъ относиться къ нему подъ часъ даже съ раздраженіемъ, но ни широта его ума, ни доброта его сердца не допускали его до узко-субъективной браковки всего сущаго за исключеніемъ собственной особы. Потому пессимистомъ онъ можетъ быть названъ только условно, такъ какъ 1) рядомъ съ мрачными нотами у него часто слышатся, если не радостныя, то производяція примирительное впечатлѣніе тѣмъ добродушіемъ, которымъ онъ, очевидно, внушены, 2) его пессимизмъ состоитъ не въ самодовольномъ осужденіи

этого міра, а въ скорби объ его несоотвѣтствіи идеалу, и 3) онъ вѣрилъ въ осуществленіе этого идеала въ будущей жизни и отчасти даже въ этой, только не теперь, а позже, когда люди поймутъ, въ чемъ состоитъ ихъ истинное благо. Если авторъ этихъ строкъ вѣрно опредѣлилъ романтизмъ, какъ исканіе готоваго воплощенія идеала на землѣ, а идеализмъ — какъ признаніе идеала трансцендентнымъ (см. „Римская элегія и романтизмъ“), то Преширнъ, отдавъ дань романтизму въ молодости, мало-по-малу, путемъ естественнаго развитія своего міросозерцанія, дошелъ до чистаго идеализма, который по отношенію къ этому міру имѣетъ у него нѣсколько пессимистическій характеръ только вслѣдствіе исторіи своего раскрытія въ его душѣ.

Потерявъ надежду на личное счастье, Преширнъ естественно съ тѣмъ большею страстностью мечталъ о счастіи общемъ. Памятникъ его желаніямъ въ этомъ направленіи представляетъ собою его пѣсня на новый 1844 годъ („По-смертн.“ 3). Но мечты оставались мечтами, а между тѣмъ его изнемогающій духъ лишился и послѣдней поддержки въ лицѣ стараго друга, названнаго выше Андрея Смолета: въ 1840 г. онъ умеръ, и Преширнъ окончательно осиротѣлъ. Тогда-то настало для него то безрадостное житіе, которое онъ предсказывалъ себѣ еще въ виду разрыва съ Юліей („Пѣсни“ 7

ст. 13—24): потянулся рядъ однообразныхъ, сѣрыхъ, прозаическихъ дней, исходъ изъ которыхъ ему представлялся одинъ — смерть. Онъ призывалъ ее уже раньше, еще въ первый годъ своей любви къ Юліи, призывалъ тѣмъ болѣе страстно, что, какъ человѣкъ вѣрующій, ожидалъ послѣ нея вознагражденія за то, что претерпѣлъ на землѣ. Утѣшеніе надеждой на соединеніе въ другомъ мірѣ приходило ему въ голову и тогда, когда онъ еще не совсѣмъ расстался съ грезами о взаимности со стороны Юліи (сонетъ 9). Весьма поучительно, что, несмотря на разочарованіе въ Юліи, онъ представлялъ себѣ райское блаженство, по видимому, не иначе, какъ вмѣстѣ съ предметомъ любви; по крайней мѣрѣ, таковъ выводъ изъ его поэмы „Крещеніе при Савицѣ“. Впрочемъ такъ онъ думалъ въ 1836 г., а продолжалъ ли онъ держаться того же взгляда и позже, на то, кажется, указаній у насъ нѣтъ. Къ сожалѣнію, нельзя скрыть того, что Прешеръ въ эту печальную пору своей жизни искалъ утѣшенія не только въ поэзіи, но и въ другомъ источникѣ, отнюдь не возвышенномъ, но къ которому однако нерѣдко прибѣгаютъ славяне въ его положеніи, да и не одни славяне: бѣдняга запилъ. Но пилъ онъ, по крайней мѣрѣ, сначала, не походя и не одинъ, а по вечерамъ послѣ работы, въ кругу прія-

телей, хотъ, можетъ-быть, только по выпивкѣ. Замѣчательно, что такую программу жизни онъ начерталъ себѣ еще въ сонетѣ 5, напечатанномъ въ 1831 г. Впрочемъ кромѣ упомянутыхъ тамъ тяжбъ и возліяній онъ продолжалъ заниматься и поэзіей и часто приносилъ свои стихотворныя новинки на вечернія засѣданія въ корчмѣ, гдѣ читалъ ихъ или пѣлъ своимъ собутыльникамъ. Что касается судебныхъ дѣлъ, то онъ до предсмертной своей болѣзни продолжалъ заниматься ими такъ добросовѣстно, что кліенты у него не переводились.

Въ 1847 г. онъ переѣхалъ изъ Любляны въ Кранъ (по-нѣмецки Krainburg) и жилъ тамъ адвокатурой. Въ этомъ городкѣ скоро всѣ его узнали и полюбили, а онъ, сверхъ постоянной помощи бѣднымъ деньгами, бѣльемъ и т. п., нашелъ себѣ еще одно развлеченіе, въ которомъ сказалось его доброе сердце и безхитрость его природы: во время своихъ прогулокъ по улицамъ онъ подружился съ дѣтьми и при встрѣчахъ съ ними одѣлялъ ихъ лакомствами. Конецъ его жизни оживился тѣми надеждами, которыя принесъ съ собою 1848 г. многимъ славянскимъ патріотамъ. „Казалось, говорить Стритаръ, что готово исполниться предсказаніе поэта:

Дождется Крайна своего призыва*).

*) „Сонеты“ 7 II ст. 9.

Судьба избавила его отъ того, чтобы дожить до прискорбнаго времени, когда бы онъ долженъ былъ пѣть:

Одинъ лишь мигъ сіять пришлось надеждѣ,
И стала ночь еще темнѣй, чѣмъ прежде“*).

Въ концѣ этого года мало-по-малу развившася въ немъ водяная усилилась до такой степени, что онъ засѣлъ въ своей комнатѣ и уже болѣе не покидалъ ея. Онъ умеръ 27 января (8 февраля н. ст.) 1849 г. на рукахъ своей старшей сестры, Катерины (1799—1874), исповѣдавшисъ и причастившисъ у тамошняго декана (протоіерея), Дагарина, напутствовавшего его въ лучшій міръ. Всѣ его бумаги остались въ рукахъ этихъ двухъ свидѣтелей его кончины. Писалъ онъ на четвертушкахъ и бросалъ ихъ въ сундукъ. Такихъ клочковъ тамъ должно было набраться много. Были тамъ, говорятъ, лирическія стихотворенія, трагедія (о которой говорится въ его письмахъ къ Чопу), повѣсть (о ней въ письмахъ къ Челаковскому), полный переводъ Байроновой „Паризины“; но извѣстно все это только по слухамъ, а послѣ смерти Преширна никакихъ его произведеній въ рукописяхъ не оказалось. Тѣ же слухи, и весьма упорно держащіеся, между прочимъ и между родней поэта (какъ я узналъ непосред-

*) Тамъ же 7 XI ст. 10—11.

ственно во время своего пребыванія въ Вѣнѣ въ 1869 и 1870 г.), рѣшительно утверждаютъ, что всѣ Преширновы рукописи литературнаго содержанія были сожжены. Кѣмъ? Если слухи вѣрны, то отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ, и можетъ быть поставленъ только другой вопросъ: почему? Вѣдь Преширнъ былъ не только нравственнымъ человѣкомъ, но даже нѣсколько ригористомъ (см. Посм. 5 и 12), не только вѣрующимъ христіаниномъ, но и добрымъ католикомъ (см. Баллады и ром. 8, Сонеты 9, 8, 9, 13, Крещеніе при Савицѣ, Посмертн. 6, 7 и 12). Все такъ, но 1) при всей нравственной чистотѣ Преширновыхъ произведеній кое-какія изъ нихъ, какъ мы уже видѣли, навлекли на себя негодованіе нѣкоторыхъ черезчуръ щепетильныхъ блюстителей цѣломудрія, 2) въ числѣ стихотвореній, не напечатанныхъ при жизни Преширна по цензурнымъ условіямъ, но, къ счастью, попавшихъ въ редакцію „Пчелки“ до его смерти, есть, по малой мѣрѣ, три такихъ, которыя могли появиться въ печати не ранѣе 1848 г., когда они и были обнародованы, а именно 3, могущее показаться неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи*), и 4 и 7,

*) Что, кажется, и случилось, если Преширнова рукопись, въ которой это стихотвореніе отнесено къ Пѣснямъ (напечатаннымъ въ 1847 г. безъ него), есть списокъ для цензуры, какъ думалъ Левстикъ.

содержащія въ себѣ кое-что, чѣмъ могло обидѣться духовенство; а кто же можетъ поручиться за то, что такихъ произведеній не было у Преширна и въ рукописяхъ на дому? если за что ручаться, такъ ужъ скорѣе за противоположное. Тому, что Преширнова сестра не воспротивилась безпощадному *auto da fe*, на которое Дагаринъ осудилъ творенія любимого ею брата, дивиться нечего: извѣстно, въ какомъ подчиненіи состоитъ большинство католичекъ у своего духовенства; она могла даже воображать себѣ, что, сжигая нечестивыя сочиненія своего брата, тѣмъ самымъ какъ бы приносить очистительную жертву за его грѣшную душу.

„Что имѣемъ, не хранимъ,
Потерявши, плачемъ —

эта истина, перешедшая даже въ заглавіе водевиля, оправдалась и на Преширнѣ. На похороны того, кѣмъ пренебрегали при жизни, стеклись изъ всѣхъ краевъ словѣнской земли и оплакивали покойнаго, какъ ея гордость и славу. Въ 1852 г. его почитатели воздвигли на его могилѣ въ Кранѣ памятникъ изъ мѣстнаго мрамора съ удачно выбранною надписью:

Ты лишь въ одной не ошибся надеждѣ:
Въ краѣ родимомъ твой трупъ погребли*).

*) Пѣсни 11 ст. 31—32.

Въ 1883 г. поставленъ ему памятникъ въ Бледѣ, недалеко отъ его родины. Можно ожидать, что скоро Преширнъ будетъ почтенъ въ Люблянѣ памятникомъ значительныхъ размѣровъ, надъ которымъ работаетъ теперь въ Вѣнѣ словѣнскій ваятель А. Заецъ.

Этотъ скудный очеркъ Преширновой жизни составленъ по біографіи поэта, написанной Іосифомъ Стритаремъ (при изданіи 1866 года), по книжкѣ Фр. Целестина „France Prešíren“ (u Zagrebu 1882) и по свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ мнѣ молодымъ словѣнскимъ филологомъ, г. Иваномъ Пріятелемъ, который и подаль мнѣ мысль объ изданіи по возможности полнаго перевода Преширновыхъ стихотвореній къ его юбилею. Въ отвѣтъ на мое письмо съ различными вопросами по поводу этой работы онъ, можно сказать, засыпалъ меня біографическими и литературными данными, для меня тѣмъ болѣе цѣнными, что источники, изъ которыхъ они извлечены, были мнѣ недоступны. Ему я обязанъ многими свѣдѣніями, вошедшими въ историко-литературную часть этого введенія, и чуть ли не большею частью своихъ примѣчаній къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ. Другія свѣдѣнія этого рода, рассчитанныя на русскихъ читателей, собраны мною изъ различныхъ, отчасти случайныхъ источниковъ и потому не могутъ предъявлять никакихъ при-

тизаній на полноту. Впрочемъ, хотя со смерти Преширна протекло 52 года — періодъ, ничтожный для исторіи, но довольно значительный для ея разработки, — всякому, кто вздумаетъ заняться вопросами, касающимися жизни и произведеній геніальнаго словѣнца, приходится сплошь да рядомъ вспахивать цѣлину, встрѣчая иногда неодолимые препятствія — въ забвеніи. Нѣтъ надежнаго его портрета, нѣтъ даже изданія, вполне удовлетворительнаго: первое, редактированное самимъ поэтомъ (1847), неполно; второе, Юрчича и Стритаря (1866), испытало на себѣ тяжесть руки грамматика Левстика; третье, Пинтаря, юбилейное, самое полное (1900), хотя приближено къ первоначальному тексту, но, судя по предисловію, непоследовательно. Нѣмецкія стихотворенія Преширна не собраны. И опять вспомнишь слова Стритаря, что Преширна „плохо знали, слишкомъ мало читали, а еще меньше ему подражали“.

II.

Изъ написаннаго Преширномъ (кромѣ переписки, также не собранной, какъ должно, съ присовокупленіемъ писемъ другихъ лицъ къ нему) сохранилось стихотвореній словѣнскихъ оригинальныхъ 135 и переводныхъ 4, нѣмецкихъ оригинальныхъ около 20 и переводныхъ 11, въ томъ числѣ 9 своихъ, на-

писанныхъ первоначально по-словѣнски (хотя относительно нѣкоторыхъ допустимо, кажется, и обратное). Изъ этого литературнаго наслѣдства нашего славнаго западнаго соплеменника настоящій трудъ содержитъ въ себѣ переводъ всего, что было издано самимъ Преширномъ, какъ по-словѣнски, такъ и по-нѣмецки (кажется, кромѣ одного), и почти всего, напечатаннаго по его смерти; не вошли сюда изъ словѣнскихъ стихотвореній только поздравленіе Ивану Храдецкому съ 25-лѣтіемъ его служенія въ должности люблянскаго городского головы, сонетъ-эпиграмма на Мурко, издателя Волкмеровыхъ стихотвореній, шесть эпиграммъ, четыре эпитафій, одно альбомное четверостишіе, одно гномическое трехстишіе (которое неправильно печатается въ четыре стиха), одна надпись и двѣ загадки, а изъ нѣмецкихъ — напутствіе члену судебной палаты Антону Чопу по случаю его перевода изъ Любляны въ Цѣловецъ и всѣ, не находящіяся въ единственномъ источникѣ, доступномъ переводчику, книжкѣ Радича (P. v. Radics) „Anastasius Grün's Lehrer und Freund, der slovenische Dichter France Preschiren als deutscher Poet“ (Leipzig 1882). Перечисленные выше мелочи оставлены безъ вниманія какъ потому, что онѣ не только не представляютъ никакого интереса русскому читателю, но и мало ему понятны (а теперь и словѣнцу), а нѣкото-

рыя изъ нихъ, можетъ быть, даже не принадлежать Преширну. На основаніи перваго соображенія можно было бы исключить кое-какія стихотворенія и изъ тѣхъ, которыя приняты самимъ поэтомъ въ первое изданіе, но у переводчика просто не поднялась рука на то, что авторъ призналъ достойнымъ обнародованія, хотя и весьма вѣроятно, что, если бы онъ издавалъ свои творенія теперь, да еще для иностранныхъ читателей, кое-что изъ одобреннаго имъ къ выходу въ свѣтъ было бы откинуто.

Какъ въ видахъ литературной характеристики Преширна, такъ и для выясненія истиннаго смысла его произведеній въ связи съ его жизнью рассмотримъ тѣ 127 стихотвореній, переводъ которыхъ читатель найдетъ въ этомъ сборникѣ. Порядокъ ихъ и дѣленіе по родамъ удержаны тѣ же, которые указаны самимъ авторомъ, — конечно, кромѣ посмертныхъ, напечатанныхъ вполнѣ только въ текущемъ году Пинтаремъ, и нѣмецкихъ, которыя расположены такъ же, какъ у Радича, хотя его распределеніе отчасти произвольно. Для хронологическихъ соображеній отмѣчены въ скобкахъ года, когда впервые было обнародовано данное стихотвореніе. Многочисленные, иногда повторяющіяся ссылки на параллельныя мѣста читатели легко могутъ приписать извѣстной слабости филологовъ къ этой приправѣ изложенія,

и, во всякомъ случаѣ, они до нѣкоторой степени будутъ правы; но при началѣ изслѣдованія лучше излишекъ, чѣмъ недостатка.

ПѢСНИ.

Эпиграфъ появился сначала въ видѣ особаго стихотворенія „Свободное сердце“ по-словѣнски и по-нѣмецки (въ 1838 г.).

33
2.
1. *Струнамъ* (напечатано чуть ли не впервые въ изданіи 1847 г.) — общее введеніе къ этому отдѣлу, указывающее на то, что, во всякомъ случаѣ, главное его содержаніе есть любовь поэта къ Юліи, почему и въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя съ перваго взгляда кажутся не имѣющими къ ней никакого отношенія, мы можемъ искать нѣкотораго соприкосновенія съ ней, хотя бы только по настроенію, ихъ вызвавшему. Впрочемъ трудно предположить, что это вступительное стихотвореніе написано именно въ видѣ предисловія къ „Пѣснямъ“, т.-е. позже остальныхъ (о чемъ см. къ 2): Преширнъ не написалъ бы такого въ 40-хъ годахъ. Неустанное хожденіе за нею ср. Балл. и ром. 3 ст. 2, 12 и 24—26, блѣдность, померкшій взоръ и слезы ср. Разныя стих. 4 ст. 25 и 27—28.

27
3. *Дъвицамъ* (и по-нѣмецки) — написано до любви къ Юліи (см. выше стр. IX), можетъ-

быть, по поводу одного изъ увлеченій, упомянутыхъ въ газети 4, но, будучи включено въ сборникъ, посвященный Юліи, легко получаетъ смыслъ предостереженія и ей противъ чрезмѣрной разборчивости относительно жениховъ, на которую направлено и Посм. 2. Итакъ это стихотвореніе есть самое раннее, въ этомъ отдѣлѣ, а слѣдующія 3—9, несомнѣнно относящіяся къ Юліи, расположены, очевидно, въ хронологической послѣдовательности, и притомъ такъ, что охватываютъ собою всю исторію внутреннихъ отношеній Преширна къ любимой, потомъ почти презираемой женщиной. Отсюда ясно, что порядокъ этого отдѣла основанъ на строго обдуманномъ планѣ, что еще болѣе подтверждаетъ высказанную выше догадку о связи всѣхъ „Пѣсенъ“ съ этой любовью поэта, — конечно, по его чисто субъективному толкованію своего мрачнаго міросозерцанія (ср. выше стр. XXI и XXV)*).

3. *Подъ окномъ* (въ изданіи 1847) — серенада, подобная тѣмъ, о которыхъ рѣчь въ Посм. 10 ст. 19—22, очевидно, изъ того періода знакомства съ Юліей, когда сопернику еще не было отдано рѣшительно предпочтеніе, но

*) Если вѣрна догадка о планѣ, сомнительно, чтобы подходило къ нему Посм. 3, которое въ рукописи, признанной Леветикомъ за цензурный экземпляръ, находится между 11 и 12, гдѣ и помѣщено въ изданіи Пинтара.

окончательно отдѣланное, можетъ-быть, только для изданія. Впрочемъ, если эта пѣсня и прочія, изданныя въ 40-хъ годахъ, были и написаны тогда же, во всякомъ случаѣ онѣ такъ или иначе воспроизводятъ тѣ настроенія, которыя поэтъ переживалъ лѣтъ 10—15 до того времени, — можетъ-быть, по тогдашнимъ наброскамъ.

4. *Просьба* тамъ же — о томъ, чтобы Юлія не лишала его своихъ взоровъ, изъ чего можно заключить, что она стала уже избѣгать его. О лучезарномъ взорѣ Юліи, вдохновляющемъ поэта и повергающемъ его въ восторгъ или уныніе (и таковы, говорятъ, были въ самомъ дѣлѣ ея голубые глаза), ср. 9 ст. 1—2. Сон. 6 ст. 11, 7 V ст. 2—4, 7 X ст. 10, 7 XIII ст. 1—4, 10 ст. 9—14, Посм. 10 ст. 1, нѣм. 2 III ст. 9—11. Не столько на свѣтѣ цвѣтовъ, птицъ, рыбъ, сколько у поэта мыслей, — ср. у Петрарки сестину I 7*). Что до очей возлюбленной, то и Петрарка говоритъ о нихъ часто, посвящая имъ иногда цѣлыя стихотворенія, напр. канцону I 8, сонеты I 47, 58, 64, 61, 100 и др.

5. 4. *Куда?* (и по-нѣмецки, 1836 г.) — поэту закрыть доступъ къ ней, однако не окончательно, если вѣрно предположеніе хронологическаго плана. Жалобы на то, что возлюбленная не хо-

*) Параллели изъ Петрарки подобраны отчасти уже Стритаремъ. Здѣсь цитаты по изданію Леонарди (Firenze, F. Le Monnier. 1854).

четъ его видѣть, также въ 6 ст. 9—10, 7 ст. 1—2, Сон. 7 IV ст. 6—11. Начало ср. Платена Romanzen und Jugendlieder XVI: Ich schleich' umher Betrübt und stumm, Du fragst, o frage Mich nicht, warum?

6. *Приказы* (1843) — возрастающій рядъ ограниченій общенія поэта съ возлюбленной до предписанія полного ея забвенія, откуда впрочемъ видно, что было время, когда онъ не только ходилъ къ ней, но и говорилъ ей о своей любви. Ср. 7.

7. *На прощанье* (1841) — поэтъ, видя ея все рѣзче выказывающееся отвращеніе отъ него, самъ предлагаетъ ей отказать ему разъ навсегда. Ср. Посм. 10 ст. 43—46.

8. *Сила памяти* (и по-нѣмецки, 1843) — послѣ разрыва. Здѣсь упомянуты прежнія нѣсни поэта о несчастной любви — какія? сюда можно отнести Пѣсни 3—7, почти все словѣнскіе и нѣмецкіе сонеты, касающіеся Юліи, Разн. 1 и 4, Посм. 8 и 10. Въ послѣднемъ, какъ уже сказано, можно найти замѣтные и здѣсь признаки колебанія Юліи между двумя обожателями.

9. *Утраченная вѣра* (и по-нѣмецки, 1842 г., но написано, говорятъ, вслѣдъ за 15 и въ связи съ нимъ) — утрата Юліей того обаянія, которое въ глазахъ поэта давало ей сверхчеловѣческую прелесть.

10. *Морякъ* (и по-нѣмецки, 1843) — жертва

измѣны возлюбленной, вышедшей замужъ за другого, желаетъ ей счастья съ нимъ, какъ самъ Преширнъ въ Посм. 10, и удаляется, уступая ему мѣсто, какъ въ Балл. и ром. 8 ст. 33. Сравни также выше къ 7. Говорять, что въ этой пѣснѣ иносказательно изображается неудача Андрея Смолета, которая упомянута въ 13. Впрочемъ есть и у Платена *Matrosenlied* (*Romanzen und Jugendlieder VI*), правда, иного смысла и настроенія, но заключающая въ себѣ между прочимъ стихи: *Denkst du der heil'gen Eide noch im stillen, Und hieltst du, Theure, das beschwor'ne Wort?*

11. *Рекрутская* (1832) — безшабашное житье съ постоянной переменой мѣста и возлюбленныхъ — прямая противоположность жизни и настроенія Преширна, котораго при такихъ условіяхъ постигла бы участь рыбака въ Балл. и ром. 10. Ср. къ 2.

12. *Въ память Валентина Водника* (1843) — утѣшеніе поэта въ одиночествѣ, связанномъ съ его призваніемъ; ср. 17 и Разныя стих. 6.

13. *Въ память Андрея Смолета* (1843) — изображеніе жизни человѣка, претерпѣвшаго разочарованіе въ мечтахъ о счастіи какъ личномъ, такъ и общемъ, подобно Преширну, который говоритъ о томъ же въ Разн. стих. 5, Сон. 7 XI, 21, 22, 24, 25, 26, 28, нѣм. 1 II. О смерти, какъ отдыхъ, Сон. 24 ст. 12—14 и

нѣм. 3 ст. 69. О славѣ предковъ — вѣроятно, изъ чешскихъ источниковъ, каковы Челаковский, Колларъ и др. — ср. Посм. 3 ст. 17—18 и 22—28. О бодрящемъ дѣйствии вина ср. тамъ же ст. 1—7. Эта пѣсня представляетъ собою почти несомнѣнный примѣръ того, что Преширнъ, согласно съ совѣтомъ Копытаря, даннымъ ему въ Вѣнѣ, держалъ свои стихотворенія, по крайней мѣрѣ, иногда болѣе или менѣе долго подъ спудомъ, а это важно для хронологіи пѣсенъ 3, 4, 6 и 9.

14. *Желѣзная дорога* (1843) — „милые бранятся — только тѣшатся“, а въ заключеніе бракъ съ мѣщанской (бюргерской) обстановкой, какъ Преширнъ представлялъ себѣ, можетъ-быть, и собственное семейное счастье. Съ художественно-психологической стороны стоить отмѣтить поворотъ въ настроеніи молодого человѣка, какъ только его невѣста упомянула о своихъ надеждахъ на веселое препровожденіе времени со всякимъ, кто ей приглянется, втайнѣ отъ стараго мужа.

15. *Покинутая* (1841) и 16 *Незамужняя мать* (1847) — могутъ быть поняты какъ предостереженіе отъ довѣрія къ первому встрѣчному любезнику. Предостереженіе Юліи, въ томъ смыслѣ, какъ 2, заключаетъ въ себѣ и газель 5. Впрочемъ такая связь этихъ стихотвореній съ Юліей мыслима только въ планѣ, а не

въ дѣйствительности, такъ какъ 15 завѣдомо касается Юліи иначе, а именно оно написано по поводу предстоявшаго брака одной изъ ея подругъ съ молодымъ человѣкомъ, соблазвившимъ дѣвушку изъ простонародья и прожившимъ съ ней два года. Оно-то и было прочитано Юліи и ея матери (см. выше стр. XXXI). Относится ли сюда и 16, неизвѣстно.

17. *Поэту* (1838) — душевныя муки суть неизбѣжный удѣлъ этого призванія.

Баллады и романсы

всѣ возвращаются около любви.

1. *Совѣтъ отъ дочери* (1831) — при взаимности всякія препятствія такъ мало дѣйствительны, что лучше ихъ и не ставить. Сравниваютъ этотъ романсъ со Шлегелевымъ романсомъ же „Die Erhörung“.

2. *Школьникъ* (1832, нѣсколько иначе 1833) — горе влюбленнаго юноши вслѣдствіе брака возлюбленной съ другимъ. Фигура школяра могла быть навѣяна отчасти извѣстнымъ типомъ испанскаго студента, что естественно въ романсѣ (см. ниже стр. LXXIX—LXXX), отчасти воспоминаніями Преширна о своемъ житіи въ Люблянѣ гимназистомъ и въ Вѣнѣ студентомъ.

3. *Докторъ* (1833) — любовь доктора правъ, каковымъ былъ самъ Преширнъ. Предметъ его любви здѣсь такъ же юнъ, какъ не задолго до газелей 4 и 5, напечатанныхъ тогда же.

4. *Турьяцкая Розамунда* (1832) — наказаніе самоувѣренной красавицы; ср. Посм. 2.

5. *Еврейская двѣвушка* (1845) — любовь не признаетъ общественныхъ перегородокъ, даже такихъ, какъ различіе вѣры и племени (слѣдовательно нечего и говорить о сословныхъ или имущественныхъ, какъ между Преширномъ и Юліей). Изложеніе чисто народное; возможно, что и содержаніе было навѣяно народной, именно крайнской пѣснюю объ языческой двѣвухѣ и о Христѣ: см. Slovenske narodne pesne iz tiskanih in pisanih virov zbral in vredil Dr. Karol Štrekelj. V Ljubljani 1895—1898, № 513.

6. *Люкарство отъ любви* (1837) — мужчину отъ любви избавляетъ только смерть (такъ же у Гейне въ Die Wallfahrt nach Kevlaar и въ крайнской народной пѣснѣ, записанной редакторомъ „Пчелки“, Кастельцемъ: см. у Штрекеля № 836); ср. сонетъ 12 ст. 10—11. Въ изложеніи не мало народныхъ элементовъ, особенно повторяющіяся формулы.

7. *Водяной* (1830, но написано не позже 1826 г.) — наказаніе кокетки водянымъ, увлекающимъ ее въ вальсѣ въ воду, т.-е., по устраненіи

аллегоріи, прельстителемъ, кружащимъ ей голову и увлекающимъ къ погибели. По преданію, записанному Вальвасоремъ въ XVII в.; сравни крайнюю пѣсню у Штрекеля № 81.

8. *Вторичное погребеніе* (и по-нѣмецки, 1836) — жертва несчастной любви, хоть и великодушная (ср. къ Пѣсн. 10), не находитъ себѣ покоя даже по смерти.

9. *Нетлѣнное сердце* (1847) — не найдетъ себѣ покоя по смерти и поэтъ, искусственно подавлявшій въ себѣ порывы вдохновенія. Средство, къ которому прибѣгъ поэтъ Доброславъ для борьбы съ тоской послѣ выхода возлюбленной замужъ за другого, напоминаетъ тотъ источникъ, изъ котораго Преширнъ черпалъ забвеніе своихъ душевныхъ мукъ (см. выше стр. XXXVII).

10. *Рыбакъ* (1838) — человѣкъ, пылающій чистой, возвышенной любовью, не долженъ въ случаѣ неудачи искать утѣшенія въ любви низменной, постоянно перемѣняющей свои предметы (какъ Доброславъ въ 9 ст. 25), потому что неизбежно погибнетъ. Ср. „Рыбака“ Гёте (хотя не по внутреннему смыслу) и строфу 6-ю его же „Утѣшенія въ слезахъ“.

11. *Женская вѣрность* (1847) — исторія скрипача, притомъ поэта, котораго женскія измѣны привели не къ мрачному разочарованію, какъ Преширна (хотя поведеніе Юліи было измѣной,

можетъ-быть, только съ его точки зрѣнія), а къ сердечной свободѣ, позволяющей ему относиться къ женщинамъ съ признательностью за тотъ жизненный опытъ, который мужчина приобретаетъ изъ обращенія съ ними. И здѣсь звучитъ во многихъ мѣстахъ народная струнка.

12. *Органистъ* (1839) — вдохновеніе свободно по самому своему существу и, какъ свободный даръ Божій, ни въ какомъ случаѣ не грѣховно. Раньше такъ и было озаглавлено: „Что можно и должно пѣть“*). Ср. газель 7. Отношеніе органиста къ любви ср. Разн. 3 ст. 115—129.

Разныя стихотворенія.

1. *Звѣздочетамъ* (1832, но написано не позже 1826 г.) — поэтъ показываетъ на собственномъ примѣрѣ безсиліе разума въ любви. Два первые стиха безъ имени автора приводитъ, умышленно ихъ измѣняя, Станко Вразъ въ письмѣ къ Кочевару изъ Загреба отъ 15 января 1835 г. (*Děla Stanka Vraza. U Zagrebu* 1877, т. V, стр. 187).

2. *Въ память Матвѣя Чона* (1845) — подражаніе древней элегии. По содержанію ср. Сон. 28, Посм. 11, нѣм. 3.

*) Переведено такъ по предположенію, что „more“ здѣсь вмѣсто „more“, какъ въ „Крещеніи при Савицѣ“ ст. 39: *Ne branim tu, al' jutra čakati more.*

3. *Новая литературная школа* (1831) — сатира на писателей, полагающихъ все достоинство изящной словесности въ свободѣ языка отъ чужихъ словъ и въ примѣнимости содержанія къ жизни; ср. выше стр. XII—XIII. О критикѣ новыхъ родовъ поэзіи, въ томъ числѣ и трагедіи, см. выше стр. XVII и XXXIX, о выходкѣ противъ дѣвицъ — стр. XXIX. Толкователи не безъ основанія видятъ въ ученикѣ самого поэта. Первые шесть стиховъ Левстикъ сравниваетъ съ пятью первыми первой „Эпистолы“ Гёте.

4. *Первая любовь* (1832) — изображеніе своего душевнаго состоянія до знакомства съ какой-то дѣвицей (по времени — не съ Юліей) и послѣ того, какъ онъ, влюбившись въ нее, испыталъ ея холодность. Это стихотвореніе такъ чинно, искусственно и, если не холодно, то рефлекторно, какъ сонетъ 6, написанный, можетъ-быть, для того же — чтобы охладить свою страсть посредствомъ обстоятельнаго изложенія ея причины и симптомовъ, о которыхъ см. къ Пѣсн. 1. Глаза — путь для любви ср. у Петрарки сонетъ I 55. Последняя строфа (безъ перваго слова, опущеннаго для связи съ предыдущимъ) приведена, вѣроятно, по памяти Станкомъ Вразомъ въ письмѣ, писанномъ Муршецу изъ Градца 4 января 1834 г. (V 136—137).

5. *Прощанье съ юностью* (1830) — одинаково по формѣ съ предшествующимъ, почему съ нимъ

и сопоставлено, но разнится отъ него тономъ, болѣе задушевнымъ. О горечи познанія ср. нѣм. 1 II.

6. *Глосса* (1833) — счастье поэта не отъ міра сего.

Эпиграммы

числомъ 21 (первыя 14 — 1832, остальные — 1847) — противъ условнаго и натянутаго стихоплетства и въ защиту права народности и языка, при чемъ обнаруживается сильная щекотливость автора за земляковъ, сказавшаяся, хотя по другому поводу, и въ нѣм. 4. О несправедливости нѣкоторыхъ изъ нихъ см. выше стр. XIX—XX примѣч. и ниже въ примѣчаніяхъ къ тексту.

Газели (1833) —

одни изъ самыхъ раннихъ прославленій Юліи, относящіяся къ тому времени, когда Преширнъ встрѣчалъ ее, повидимому, у общихъ знакомыхъ и рѣдко, но упрямо бродилъ около ея жилища, утѣшаясь сознаніемъ близости по мѣсту къ любимой дѣвушкѣ.

1 — вступленіе, смыслъ котораго тотъ, что цѣль поэта состоитъ въ прославленіи имени возлюбленной. То же въ Сон. 7 I ст. 12—14; ср. также Сон. 9 ст. 8.

2 — поэтъ тщетно старается по обращенію

Юліи съ нимъ разрѣшить вопросъ, любить ли она его или нѣтъ; положеніе дѣлъ такое же, какъ въ Пѣснѣ 3.

3 — она не вѣритъ его любви, изъ чего слѣдуетъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, намекалъ ей на свои чувства (см. къ Пѣснѣ 6). Причина ея недовѣрія была чуть ли не та, о которой идетъ рѣчь въ слѣдующей газели. Все въ природѣ знаетъ о его любви, только она не вѣритъ — ср. у Петрарки сонеты II 20 и I 151.

4 — Юліи наговорили, что Преширнъ влюблялся ужъ во многихъ и всѣмъ измѣнялъ; но свои прежнія увлеченія онъ не считаетъ любовью, хотя не отрицаетъ ихъ. Ср. Сон. 2.

5 — несомнѣнное предостереженіе, даже двойное: время унесетъ ея красоту и его страсть, а въ такомъ случаѣ она останется непрославленной.

6 — поэтъ не знаетъ, достигнетъ ли чего своими газелями и получить ли право на открытое объясненіе, откуда можно заключить, что онъ доставлялъ свои газели Юліи безъ своего имени въ надеждѣ на то, что, если онъ расположатъ ее къ неизвѣстному поэту, онъ можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда откроетъ ихъ автора. Примѣръ посылки стиховъ къ Юліи см. выше къ Пѣснѣ 15.

7 — газели только для Юліи, а до другихъ цѣнителей ему нѣтъ дѣла.

Сонеты —

1 (1831) — вступленіе, написанное, повидимому, именно въ качествѣ такового для предполагавшагося сборника эротическихъ сонетовъ. Однако за этимъ вступленіемъ послѣдовали непосредственно лишь два сонета, посвященныхъ указанной въ первомъ задачѣ — прославленію крайностей и одной изъ нихъ въ особенности — 2 и 3. Но вскорѣ Преширнъ употребилъ эту форму, которой тогда увлекался, также для полемики и для элегій. Въ окончательномъ сборникѣ сонетовъ (1847), послѣдніе 11 не состоятъ ни въ какой связи съ предметомъ, указаннымъ во вступленіи, а такъ какъ первая половина этого сборника составила изъ сонетовъ, относящихся къ Юліи (не ранѣе 1833 г.), то и слѣдующіе по времени за первымъ четыре сонета оказались поставленными въ отношеніе къ ней же. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ „Пѣсняхъ“, онъ объединилъ въ Юліи всѣ свои увлеченія женщинами. Такая группировка сонетовъ по двухъ отдѣламъ — любовные и другого содержанія, — очевидно, не совпадаетъ съ ихъ послѣдовательностью во времени. Такъ какъ Преширнъ къ писанью сонетовъ былъ вдохновленъ несомнѣнно Петраркой (см. сон. 5), именно сонетами первой части его *Canzoniere*, о Лаурѣ при ея жизни, то возможно, что, окон-

чивъ свои сонеты о любви къ Юліи, онъ задумалъ еще до 1847 г. составить изъ нихъ особый сборникъ съ присовокупленіемъ и пяти первыхъ. Впослѣдствіи, при изданіи имъ всѣхъ своихъ стихотвореній, одобренныхъ къ напечатанію имъ самимъ и цензурой, когда сонеты были выдѣлены въ особую часть книги, вступленіе къ сонетамъ въ честь Юліи оказалось такимъ образомъ во главѣ полнаго собранія всѣхъ его сонетовъ.

2 (1831) — красота всѣхъ любянокъ для него пропадаетъ въ присутствіи его возлюбленной; ср. газель 4.

3 (1831) — онъ покоенъ лишь тогда, когда видитъ ея глаза; ср. стр. XXXIV и къ Пѣснѣ 4.

4 (1832) — видъ двухъ сестеръ-красавицъ напомнилъ ему его несчастную любовь, — вѣроятно, ту, къ которой относятся Разныя стих. 1 и 4 и первые три сонета.

5 (1831) — помѣщенъ здѣсь, вѣроятно, только потому, что въ немъ, какъ и въ предыдущемъ, упомянуты Амуръ и Венера. Итакъ, мысль объ утѣшеніи въ винѣ приходила Преширну въ голову уже въ началѣ 30-хъ годовъ.

6 (1847) — точное опредѣленіе времени и обстановки начала своей любви къ Юліи — въ десятомъ часу утра Страстной субботы (31 марта = 7 апрѣля) 1833 г., въ Терновѣ, предмѣстьѣ Любляны. См. къ Разн. 4. Очевид-

ное подражаніе сонетамъ Петрарки I 3 и 157; Петрарка влюбился въ Лауру въ первомъ часу утра Страстной пятницы (6 апрѣля) 1327 г. въ Авиньонѣ, въ церкви св. Клары (впрочемъ мѣсто онъ указываетъ не въ стихахъ, а въ прозѣ, по-латыни).

7. *Сонетный вѣнокъ* (изъ 15 связанныхъ между собою сонетовъ, о чемъ ниже; 1847) — *ок*, любовь поэта къ Юліи и къ родинѣ, но главная задача — первая, а вторая присоединяется къ ней здѣсь путемъ ассоціаціи, вслѣдствіе того, что грусть, навѣянная на него равнодушіемъ возлюбленной, вызываетъ за собой другую, постоянную причину его грустнаго настроенія, состоящую въ жалкомъ положеніи родного края и его литературы. Что въ сущности вторая причина важнѣе первой, доказываютъ всѣ словѣнскіе критики. Какъ по внутреннему значенію, такъ и по объему „Вѣнокъ“ представляетъ собою средоточіе, какъ бы центръ тяжести предположеннаго выше сонетнаго сборника въ честь Юліи; зато онъ и поставленъ почти въ самой серединѣ его, какъ мы увидимъ при разборѣ слѣдующихъ за „Вѣнкомъ“ сонетовъ. Составъ „Вѣнка“ по сонетамъ слѣдующій: I — поэтъ пишетъ въ честь Юліи стихотворный вѣнокъ, сходный по своей формѣ съ теченіемъ мыслей автора (ср. также газель 1); II — въ позднѣйшія вре-

мена, до которыхъ можетъ-быть дожить „Вѣнокъ“, словѣнскія красавицы будутъ доступны любви, а Крайна — богаче поэзіей (ср. выше о двойкомъ предметѣ „Вѣнка“); III — Преширнь, какъ Тассо, выражаетъ поэтически то, что не рѣшился бы высказать прямо; IV — Юлія служить ему источникомъ вдохновенія, но онъ не видитъ ея, и потому стихи его грустны; V — веселье лишь тамъ, гдѣ она; VI — но она равнодушна къ его пѣснямъ, потому что, какъ и другія словѣнки, воспитана по-нѣмецки (ср. Посм. 9 и Нѣм. 1 III и 4); VII — пусть явится новый Орфей, который воскреситъ поэзію и любовь къ своей народности у всѣхъ славянъ! VIII — печальна и бѣдна громкими событіями исторія словѣнцевъ, откуда и скудость ихъ поэзіи; IX — такое прискорбное состояніе родины, съ одной стороны, и неудача въ любви — съ другой омрачили его пѣсни (ср. II); X — не сбылась его надежда на любовь; XI — отсюда окончательное разочарованіе, которое отратить могла лишь она; XII — отъ нея зависитъ сдѣлать его пѣсни радостными; XIII — для этого ей стоитъ лишь милостиво взглянуть на нихъ; XIV — хотя онѣ недостойны такого счастья, отъ котораго онѣ звучали бы ликованіемъ, все-таки онѣ имѣютъ право, по крайней мѣрѣ, на ея снисхожденіе, потому что это — стихотворный вѣнокъ въ ея честь (возвращеніе къ на-

чалу); XV— итогъ содержанія всѣхъ предше-
ствующихъ сонетовъ „Вѣнка“, но въ примѣ-
неніи уже къ одной Юліи. Итакъ, въ центрѣ,
сон. VII, — славянскій Орфей, провозвѣстникъ
возрожденія и объединенія всѣхъ славянъ (ср.
Посм. 3 ст. 21—28). Настроеніе во всемъ „Вѣнкѣ“
подавленное; тѣмъ ярче выдѣляется изъ общаго
фона восторженность сонетовъ V и XIV, впро-
чемъ тутъ же падающая предъ внезапнымъ
сознаніемъ того, что причина этихъ востор-
говъ — лишь мечта. Однако заключительный
аккордъ — робкая мольба, чрезъ которую скво-
зитъ какъ бы нѣкоторая надежда. О времени
„Вѣнка“, какъ и слѣдующихъ десяти, см. выше
стр. XXXI—XXXII.

8 (1847) — еще при жизни поэта изъ его
сердца выросъ вѣнокъ съ именемъ Юліи (о чемъ
ниже), т.-е. „Сонетный вѣнокъ“.

9 (1847) — сонъ о блаженномъ соединеніи съ
Юліей въ раю, при чемъ Преширнъ и Петрарка
спорятъ о сравнительномъ достоинствѣ своихъ
сонетовъ. Какъ ни скромнъ Преширнъ въ
оцѣнкѣ собственныхъ сонетовъ при этомъ со-
стояніи, однако самая мысль о возможности послѣд-
няго зародилась у него, конечно, только по напи-
саніи „Сонетнаго вѣнка“, какого у Петрарки
нѣтъ. Итакъ, оба эти сонета оказываются
какъ бы прибавками къ „Вѣнку“.

10 (и по-нѣмецки, 1836) — Тогенбургъ зна-

менить своимъ страданьемъ, но Преширнъ страдаетъ еще больше, потому что у него нѣтъ и того утѣшенія, какимъ пользовался несчастный рыцарь.

11 (1836) — его призваніе состоитъ въ прославленіи Юліи, а желанная награда за это — въ ея лицеизрѣніи. Такимъ образомъ оба сонета связаны общимъ содержаніемъ: поэту не позволено смотрѣть на предметъ его любви (сравни пѣсню 5).

12 (1847) — его стихи могутъ содѣйствовать славѣ Юліи, но не затронуть ея сердца, почему ихъ нечего бояться ни ей, ни ея милому, ни матери. Отсюда слѣдуетъ, что въ то время Преширнъ былъ уже вытѣсненъ соперникомъ при содѣйствіи матери; см. выше стр. XXVI.

13 (1847) — не видя милой, онъ утѣшается ея изображеніемъ, надъ которымъ тогда, когда былъ написанъ этотъ сонетъ (т.-е. вѣроятно въ 1834—1836 г.), работалъ извѣстный живописецъ-самоучка, Матвѣй Лангусъ изъ Каменной Горѣцы (1793—1855). Его имя скрыто здѣсь въ акростихѣ „Matevžu Langusu“. Ср. сонетъ Петрарки I, 12.

14 (1847) — именины Юліи, которыя ея друзья праздновали шумнымъ весельемъ, онъ справлялъ одинъ слезами и молитвами за нее.

15 (1836) — онъ старался воздерживаться отъ всего, что ее напоминаетъ, но тщетно,

16 (1836) — потому онъ даетъ полную свободу своимъ взорамъ, мыслямъ и желаніямъ. Связь этихъ двухъ сонетовъ очевидна. Ср. у Петрарки сонетъ I, 32.

17 (и по-нѣмецки, 1837) — ревность по поводу подмѣченного имъ взгляда Юліи на избранника. О взорѣ, повсюду преслѣдующемъ поэта, ср. у Петрарки сон. I, 71.

Итакъ, хотя сонетовъ, посвященныхъ любви, до „Вѣнка“ только шесть, а послѣ „Вѣнка“ десять, однако, если мы примемъ въ расчетъ принадлежность 8 и 9 по содержанію къ „Вѣнку“ — особенно въ сознаніи автора — и тѣсную связь между 10 и 11 и между 15 и 16, изъ которыхъ въ послѣднихъ она такъ бросается въ глаза, что переводчикъ счелъ не лишнимъ подчеркнуть ее соотношеніемъ рیمъ, окажется, что и въ части предполагаемаго сборника, слѣдующей за „Вѣнкомъ“, точно такъ же шесть, если не сонетовъ, то сонетныхъ группъ, разрывать которыя механически представлялось неудобнымъ тому, кто всѣхъ яснѣе чувствовалъ ихъ единство.

18 (1832) — эпизодъ изъ „азбучной войны“, о чемъ см. выше стр. XV.

19 (1832) — противъ заимствованія словъ изъ другихъ славянскихъ языковъ, особенно изъ русскаго, что замѣчательно въ томъ отношеніи, что, съ другой стороны, въ Разн. 3 Преширнъ

смѣется надъ излишнимъ пуризмомъ. Ср. выше стр. XX примѣч.

20 (1833) — противъ Копытаря, какъ литературнаго критика; ср. стр. X—XI и LI, а потомъ XVII и XXIX.

21 (1833) — если бы поэтъ остался въ родимомъ селѣ, онъ избѣгъ бы разочарованія; ср. слѣдующій.

22 (1833) — юноша спѣшитъ узнать свѣтъ, но когда достигнетъ этой цѣли, ужаснется тому, что откроетъ; ср. Разн. 5.

23 (1833) — человѣкъ, сраженный судьбою, не оживетъ; ср. Крещ. ст. 316—318.

24 (1833) — неудачнику отдыхъ только въ могилѣ; ср. Разн. 5 ст. 17—20, Нѣм. 3 ст. 69, также слѣдующій сонетъ.

25 (1833) — жизнь есть тюрьма съ истязаніями, почему смерть желательна.

26 (1833) — поэтъ готовъ ко всѣмъ ударамъ судьбы, потому что сталъ нечувствителенъ и къ радости и къ горю; ср. эпиграфъ къ Пѣснямъ и Балл. и ром. 9 ст. 24.

27 (1832) — смерть неизбежна и грозитъ всякому каждое мгновеніе; ср. внезапную смерть Матвѣя Чопа въ Разн. 2, Посм. 11 и Нѣм. 3.

28 (1836) — счастье на землѣ невозможно, какъ доказано въ „Крещеніи при Савицѣ“ (при которомъ этотъ сонетъ и появился впервые); ср. къ Разн. 2.

Крещеніе при Савицѣ (1836).

Вступленіе — событія до разсказа, составляющаго содержаніе поэмы.

Крещеніе — самый разсказъ. Двойная любовь, какъ въ „Вѣнкѣ“: Чертомиръ любитъ Богомилу и родину или, вѣрнѣе, славянство вообще; см. „Вступленіе“ ст. 46 и „Крещеніе“ ст. 17—24. Онъ отстаивалъ поклоненіе богамъ не потому, чтобы вѣрилъ въ нихъ, а какъ составную часть древне-славянскаго уклада жизни (ст. 307—309). Тѣмъ легче онъ крестился, увлеченный примѣромъ Богомилы, впрочемъ сначала только въ надеждѣ на бракъ съ нею (ст. 311—312). Она стала христіанкой съ отчаянія, что не увидится съ нимъ въ этой жизни, тогда какъ христіанство обѣщало ей вѣчное соединеніе съ возлюбленнымъ въ будущей жизни; ср. проповѣдь священника въ изложеніи Богомилы (ст. 221—240). Въ той же проповѣди блаженство всѣхъ народовъ ср. Посм. 3 ст. 43—49. О розахъ въ рѣчѣ Богомилы ст. 311—315 ср. Сон. 7 X ст. 2—8. Дѣти Славы = славяне ст. 20 ср. Посм. 3 ст. 14, также Разн. 2 ст. 24 — выраженіе, бывшее въ ходу у чешскихъ панславистовъ того времени; ср. Slavy Dcera (дщерь Славы), заглавіе сборника Колларовыхъ сонетовъ о славянствѣ. Сравненіе убитыхъ со снопами во „Введеніи“, какъ въ пѣс-

няхъ у Штрекеля № 53 (записана Станкомъ Вразомъ) и 54 а, б (записана, можетъ-быть, Преширномъ) и с. Поэма выдержана въ строго католическомъ духѣ, при чемъ сильно выступаетъ почитаніе Мадонны; ср. Сон. 8 и Посм. 6 и 7. Недостатки въ планѣ: двукратное изображеніе Чертомира при озерѣ и его заботъ о Богомилѣ (ст. 9—32=113—120, 121—127=153—156) и приглашеніе Богомилы священникомъ къ обходу окрестныхъ деревень (ст. 247—248), потомъ забытое авторомъ. О своей поэмѣ Преширнъ пишетъ Челаковскому (по-нѣмецки, какъ и вся Преширнова переписка): „На мое новѣйшее произведеніе прошу смотрѣть, какъ на метрическую задачу, съ разрѣшеніемъ которой было связано расположеніе духовенства въ мою пользу... Господа духовные были мною довольны и готовы простить мнѣ и прежніе грѣхи“. Такому пониманію поэмы противорѣчатъ не только нѣкоторые его стихотворенія, напр. „Марына гора“ (Посм. 7), уже конечно, не рассчитанное на ублаженіе духовенства, но и самый фактъ посвященія поэмы памяти горячо любимаго Преширномъ Чопа. Вслѣдствіе самостоятельности своего характера, отзывавшейся иногда духомъ противорѣчія, Преширнъ, можетъ-быть, опасался подозрѣній, что онъ передался тѣмъ, съ кѣмъ онъ до того времени враждовалъ. Чтò до его внезапной

склонности къ метрическимъ упражненіямъ, то оба рода строфъ, которыми написана поэма, были имъ испытаны раньше (см. ниже).

Посмертныя стихотворенія.

1. *Монашенка* (1849) — иносказаніе: поэту, не способному къ житейской борьбѣ, всего лучше проводить свой вѣкъ съ подругой, окружающей его заботами, вдали отъ свѣта, въ которомъ онъ могъ бы ужитья лишь въ томъ случаѣ, если бы условія земного существованія соотвѣтствовали его идеаламъ. Мысль напоминаетъ Сон. 21, но безъ намека на разочарованіе, потому что здѣсь дѣло не доведено до столкновенія со свѣтомъ. Быть можетъ, иносказаніемъ, требующимъ полноты соотвѣтствія, объясняется та несообразность, на которую указалъ Целестинъ стр. 57 — что монахиня предлагаетъ канарейкѣ поискать себѣ сожителя въ словѣнскомъ лѣсу — и которая особенно удивительна у образованнаго и точнаго Преширна. Подлинникомъ его монахини была графиня Энгельсгаузь, скончавшаяся въ Люблянскомъ монастырѣ въ 1881 г. Канарскіе острова въ этомъ стихотвореніи напоминаютъ Индію въ пѣсняхъ у Штрекеля № 571—577.

2. *Старая дѣва* (1866) — см. къ Пѣснѣ 2,

3. *Здравица* (1848) — рядъ благопожеланій, все расширяющихся: родинѣ, всѣмъ славянамъ, миролюбивымъ народамъ, всѣмъ хорошимъ людямъ (ср. Гёте „Tischlied“ 1802 г., а изъ словѣнцевъ — Ловрета Томана „Мои пѣсни“ къ концу). Панславизмъ сказывается здѣсь особенно ярко, именно въ ст. 8—21, какъ и связанное съ нимъ въ то время у словѣнцевъ, хорватовъ и чеховъ представленіе праславянскаго золотого вѣка въ ст. 22—28.

4. *Святой Сенанъ* (1848) — легендарное объясненіе той заботливости, которую католическіе монахи, наперекоръ своему обѣту, проявляютъ относительно женщинъ. Содержаніе, какъ замѣтилъ Цимперманъ, приблизительно то же, что у Томаса Мура въ „St. Senanus and the lady“, кромѣ конца.

5. *Небесная процессія* (1848) — сатира на новыя въ Люблянѣ увеселительныя заведенія, также въ видѣ легенды, какъ бы народной, съ очень наивнымъ представленіемъ Божества.

6. *Построеніе церкви на Марьиной горѣ* (1866) — легенда, рассказанная слогомъ, близкимъ къ народному (между прочимъ съ неоднократно повтореніемъ конца предшествующаго стиха въ началѣ слѣдующаго). Ср. къ Крещ. Ст. 55 ср. у Штрекеля № 146 (записано Станкомъ Вразомъ): „Nikaj, nikaj, žlahtni gospod!“ (4 раза). Ст. 61—64 ср. тамъ же № 415

ст. 3—4, № 416 ст. 4—5, № 417 ст. 10—11, № 418 ст. 14—16.

7. *Марина юра* (1848)—прославление мѣстной святыни посредствомъ связаннаго съ ней преданія, однако не безъ выходки противъ духовенства. О помощи Богородицы въ смертный часъ говорится и въ народныхъ пѣсняхъ, напр. у Штрекеля № 389 и 390.

8. *Ярмо любви* (1866)—любовь есть рабство, не смѣющее ждать себѣ никакой награды. Ср. Нѣм. 1, III.

9. *Михаилу Кастельцу* (1900?) — благодарность за соединеніе литературныхъ силъ для созданія собственной словесности; см. выше стр. XVI.

10. *Будь счастливъ жребій твой* (1875)—смотря по обращенію Юліи съ нимъ и съ его соперникомъ, поэтъ то мечтаетъ о бракѣ съ ней, то готовъ уступить ее ему, но, находя такой раздѣлъ счастья невыносимымъ, просить о выборѣ одного изъ обоихъ, желая ей однако всякаго благополучія равно при томъ или другомъ выходѣ изъ этой неопредѣленности. Это стихотвореніе, очевидно, изъ раннихъ, но позже, чѣмъ Пѣсня 3, заслуживаетъ вниманія, какъ свидѣтельство объ исключительности Преширна въ дѣлѣ любви. Такъ какъ онъ не принялъ его въ свое изданіе, можно думать, что онъ не былъ имъ доволенъ, — вѣроятно, по причинѣ его схе-

матичности, которую, наоборотъ, такъ любятъ нѣкоторые поэты.

11. *Надпись на памятникъ Матвѣю Чопу* (1866) — сходно по содержанію съ Разн. 2, но гораздо сжатѣе.

12. *Божьи и бѣсовы дома въ Люблянѣ* (1849) — въ соотвѣтствіе пяти церквямъ Любляна обзавелась пятью безнравственными учрежденіями, о которыхъ идетъ рѣчь и въ 5 (редутъ то же, что танцевальный залъ). Ст. 4 ср. у Штрекеля № 501, 510, 511 и 515: „Marija gre v nebesa, Nas vabi za sebo“.

Нѣмецкія стихотворенія.

1. *Жалобы поэта* (1833—1834) — см. выше стр. XVII. I — извиненіе въ томъ, что поэтъ выбралъ для отвѣта нѣмецкій языкъ. II — оптимистомъ можетъ быть только слѣпецъ. III — поэтъ воспѣвалъ Юлію не по-нѣмецки, а по-словѣнски потому, что состоитъ на службѣ у любви, а прислуга говоритъ по-словѣнски (начало ср. у Петрарки сон. I 134). Эти три сонета соединены Радичемъ подъ однимъ заглавіемъ, которое относится собственно лишь къ двумъ первымъ.

2. *Любовь въ уподобленіяхъ* (1834) — см. стр. XXXI. I — онъ не можетъ пѣть о природѣ, а поетъ только о своей любви по той же

причинѣ, по которой озеро отражаетъ небо и берега лишь тогда, когда оно спокойно, а въ бурю показываетъ только свои волны. II — какъ заброшенный на пустынный островъ мореходъ радуется флагу дальняго корабля, такъ онъ издала завязкамъ ея шляпы. III — какъ выпущенный изъ мрачной темницы не можетъ взглянуть на желанный дневной свѣтъ, такъ онъ при встрѣчѣ на нее. Оба послѣдніе сонета вмѣстѣ сравни съ сонетомъ Петрарки IV, 5.

3. *Въ память Матвѣя Чона* (1835) — кончина, блаженная по своей обстановкѣ, внезапности и значенію для покойнаго, но тяжкая для его друзей, для родины и, можетъ-быть, для человѣчества.

4. *Словѣнцамъ, пишущимъ стихи по-нѣмецки* (1838) — получившимъ нѣмецкое воспитаніе приличествуетъ отблагодарить своихъ учителей, только не дрянью. Образчикъ благородной гордости, основанной на безпристрастной оцѣнкѣ силъ обѣихъ сторонъ.

5. *Юной поэтессѣ* (1844) — отдаться поэтическому творчеству человѣкъ не только можетъ, но и долженъ, если стремленіе къ нему непреодолимо, а иначе лучше избрать иное занятіе.

Изъ этого обзорѣнія стихотвореній Преширна по содержанію съ присоединеніемъ возможно полныхъ данныхъ относительно ихъ появленія на свѣтъ, можно вывести для біографіи поэта

слѣдующія заключенія. 1) Въ молодости онъ охотно вращался среди женщинъ*) и бывалъ неравнодушенъ къ нимъ не разъ, однако до встрѣчи съ Юліей былъ влюбленъ болѣе или менѣе серіозно только въ одну, въ 1831—1832 г., но эта любовь, какъ и смѣнившая ее въ 1833 г., осталась безъ отвѣта. 2) Мысль о своемъ сходствѣ съ Петраркой Преширнъ вынесъ еще изъ любви къ этой предшественницѣ Юліи (Разн. стих. 4 ст. 17—20). 3) Въ первый годъ своей любви къ Юліи онъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи, но, судя по тону относящихся къ ней стихотвореній (Балл. и ром. и Газели 3), независимо отъ этой любви (ср. Нѣм. 1 I и II). 4) Въ отношеніяхъ его къ Юліи уже послѣ того, какъ онъ окончательно долженъ былъ утратить надежду на успѣхъ, происходили какія-то перемѣны, вслѣдствіе которыхъ онъ то печаталъ свои стихотворенія къ ней, нѣкоторыя даже по-нѣмецки, какъ бы дразня ее, то скрывалъ ихъ (если вѣрно, что появившіяся въ 1847 г. были написаны гораздо раньше). Для исторіи

*) Что онъ и гораздо позднѣе былъ не прочь отъ общества молодыхъ дѣвушекъ, можно думать, пожалуй, на основаніи Нѣм. 5, а еще болѣе—въ виду свидѣтельства Станка Вразъ въ письмѣ къ Драгонлѣ Штаудуаръ отъ 10 іюня 1841 г. изъ Рыбницы, гдѣ на парадномъ балу въ казино Преширнъ познакомилъ его съ какой-то 17-лѣтней дѣвушкой, такой красавицей и такой чистой славянкой, что Вразъ въ это единственное свиданіе чуть въ нее не влюбился.

его духовной жизни и творчества поучительно соединеніе всѣхъ его произведеній, такъ или иначе относящихся къ любви, около образа Юліи, какъ будто бы она была средоточіемъ всѣхъ его привязанностей, фокусомъ его стремлений и симпатій вообще, что особенно наглядно онъ выразилъ въ „Сонетномъ вѣнкѣ“.

III.

Формѣ Преширнѣ, какъ и подобаетъ художнику, придавалъ большое значеніе*). Повидимому, формальными соображеніями обусловлено отнесеніе нѣкоторыхъ стихотвореній къ отдѣлу Разныхъ, а не Пѣсенъ, къ которымъ, по крайней мѣрѣ, три изъ нихъ — 1, 4 и 5 — могли быть причислены по содержанію; но „Пѣсни“ по формѣ всѣ таковы, что какъ будто рассчитаны на пѣніе, особенно 3 (которая и положена на музыку, какъ и нѣкоторыя другія) и 16, размеръ которой можетъ быть выравненъ только ритмическимъ исполненіемъ (но не въ переводѣ, о чемъ ниже), и сверхъ того изъ Пѣсенъ нѣтъ ни одной безъ рима и ни одной, напи-

*) Но что онъ первый ввелъ у словѣнцевъ тоническое стихосложеніе, какъ утверждаетъ Целестинъ на стр. 24 и 74, есть несправедливость относительно Водника.

санной въ романскихъ строфахъ. Не даромъ и газели и сонеты выдѣлены въ особыя группы. Любовь Преширна къ формѣ сказалаась и въ разнообразіи размѣровъ и строфъ, въ которыя онъ облакалъ свои мысли.

Вотъ обзоръ стихотворныхъ формъ у Преширна, расположенный, для удобства читателя, не по ритмическимъ родамъ, а по порядку стихотвореній.

Риѣмы мужескія обозначены прописными буквами, женскія — строчными.

Пѣсни.

Эпиграфъ — 4-стопные ямбы: А А Б Б. Размѣръ, очень употребительный въ словѣнскихъ народныхъ пѣсняхъ.

1 — 4-стопный трохей въ 4-стишныхъ строфахъ: а Б а Б, в Г в Г и т. д. Есть уже у Водника и встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, хотя съ разными вольностями, напр. у Штрекеля № 727—730.

2 — то же, но а б а б, в г в г и т. д. Этотъ размѣръ нерѣдокъ и въ словѣнскихъ народныхъ пѣсняхъ, но тамъ риѣмы а а, б б, в в и т. д.

3 — то же, что въ 1, но первый и третій стихи раздѣлены пополамъ, и половины каждаго снабжены самостоятельной риѣмой; итакъ строфа

въ 6 стиховъ: а а Б в в Б, г г Д е е Д и т. д. То же у Платена въ Romanzen und Jugendlieder XXI кромѣ того, что у него и второй и четвертый стихи раздѣлены и первая половина каждаго риѣмается съ предыдущимъ.

4—3-стопный ямбъ (который впрочемъ въ ритмическомъ исполненіи превращается при женскихъ риѣмахъ въ 4-стопный посредствомъ растяженія предпоследняго слога): а Б а Б, в Г в Г и т. д. Размѣръ нѣмецкій, въ народной поэзіи (откуда и въ искусственной, напр. у Гейне) часто съ замѣной отдѣльных ямбовъ анапестами; ср. у Штрекеля № 500—518.

5 — то же, что въ эпиграфѣ.

6 — то же, что въ 1, но съ умышленно однообразными риѣмами: а Б а Б, а Б а Б, а Б а Б и т. д., кромѣ последней строфы, и то лишь отчасти: в Б в Б.

7 — то же, что въ 1, но съ инымъ распределеніемъ риѣмъ: А б б А, В г г В и т. д.

8 — 4-стопные дактили: а Б а Б, в Г в Г и т. д.

9 — то же, что въ 5.

10 — то же, что въ 4, но первый и третій стихи удвоены и независимы другъ отъ друга по риѣмѣ, откуда 6-стишныя строфы а а Б в в Б, г г Д е е Д... Строфа Гёте въ Der Musensohn.

11 — 4-стопные, 3-стопные и 2-стопные ямбы въ 7-стишныхъ строфахъ: А б б А А г г, Д е е Д Д ж ж...

11 — 2-стопные амфибрахи въ 4-стишныхъ строфахъ: а Б а Б, в Г в Г... Любимый размѣръ Водника, заимствованный имъ изъ народныхъ плясовыхъ четверостишій (при вальсѣ), въ которыхъ впрочемъ первый и третій стихъ обыкновенно не рѣмуются.

13 — то же, что въ 8.

14 — то же, что въ 1.

15 — 4-стопные и 2-стопные трохеи въ 5-стишныхъ строфахъ: а а а Б Б, в в в Г Г...

16 — 4-стопные вольные стихи изъ дактилей и трохеевъ (а въ ст. 2=14 вмѣсто трохея даже одинъ ударяемый слогъ съ послѣдующей ритмической паузой): А А, Б Б, В В... Для образчика вотъ ритмическая схема первыхъ четырехъ стиховъ (гдѣ $\cup = 1/8$, $— = 1/4$, скобки = пауза):
 $\cup \cup \cup \text{—} \cup \mid \cup \cup \cup \text{—} (\cup), \cup \cup \cup \text{—} (\cup) \mid \cup \cup \cup \text{—} (\cup),$
 $\text{—} \cup \text{—} \cup \mid \text{—} \cup \text{—} (\cup), \cup \cup \cup \text{—} \cup \mid \text{—} \cup \text{—} (\cup).$
 Число стиховъ, несмотря на парность рѣмъ, дѣлится на четыре. Размѣръ народный нѣмецкій, перешедшій къ словѣнцамъ и къ лужичанамъ (безъ послѣдняго условія). Такая смѣсь различныхъ по продолжительности стопъ, гдѣ тоническій трохей долженъ выравниваться съ таковымъ же дактилемъ (въ данномъ случаѣ не наоборотъ), понятна только тѣмъ народамъ, у которыхъ обычны соотвѣтствующіе напѣвы. За неимѣніемъ таковыхъ у насъ переводъ исполненъ дактилями безъ трохеевъ.

17 — пять концентрическихъ строкъ изъ ямба (собственно: амфибрахическаго каталектическаго монометра) и 4-стопныхъ амфибрахическихъ вольныхъ (съ ямбами) стиховъ: А А, Б Б Б, В В В В, Г Г Г, Д Д. Въ переводѣ строй амфибрахическихъ стиховъ выровненъ.

Баллады и романсы,

хотя романсы, числомъ четыре, поставлены Преширномъ впереди балладъ. Подъ романсомъ онъ разумѣетъ извѣстную испанскую форму, народную, но часто употребляемую и образованными поэтами, сущность которой состоитъ изъ 8-сложнаго (съ женскимъ окончаніемъ), рѣже 7-сложнаго (съ мужескимъ) стиха приблизительно трохаическаго склада (какіе не чужды и словѣнской народной пѣснѣ, напр. у Штрекеля № 677—678) и изъ ассонанса (созвучія) въ концѣ четныхъ стиховъ. Ассонансъ есть тождество гласной ударяемыхъ послѣднихъ слоговъ стиха, а при женскомъ окончаніи — также послѣднихъ неударяемыхъ. Вотъ двѣ строфы изъ испанской народной поэзіи съ ассонансомъ женскимъ и мужескимъ:

Aquel pajarito, madre,
Que canta en la verde oliva,
Digale, por Dios, que calle,
Que su canto me lastima.

Yo no soy ya la que era
Ni la que solía ser:
Soy un cuadro de tristeza,
Arrimado a una pared.

Здѣсь ассонансъ и въ нечетныхъ стихахъ, но, вѣроятно, случайно. Случайно бываетъ и тождество согласныхъ при одинаковыхъ гласныхъ, и тогда получается риѐма. Одно и то же созвучіе можетъ распространяться на много стиховъ и даже на цѣлое стихотвореніе. У Преширна каждый романсъ написанъ цѣликомъ на одно созвучіе. Размѣръ принять имъ, конечно, не силлабическій, а правильный трохей. Такъ какъ созвучіе (какъ впрочемъ и риѐма по своей цѣли) рассчитано исключительно на слухъ, въ переводѣ при двусложномъ женскомъ ассонансѣ принять во вниманіе только живой выговоръ, т.-е. свободно риѐмуются между собою неударяемые **а, о, я, е и ѣ** кромѣ сравнительныхъ степеней, какъ *дорóже*, и предложнаго надежа, гдѣ послѣднія двѣ буквы въ самомъ дѣлѣ выражаютъ звукъ **е**. Самъ Преширнъ допускалъ въ ассонансѣ только опредѣленные, ясно звучащіе гласныя, каковыхъ въ словѣнскомъ языкѣ больше, чѣмъ въ русскомъ*).

*) Любопытно ухищреніе, къ которому прибѣгъ для звучности ассонанса великій нѣмецкій фокусникъ по части формы, графъ Платенъ, въ *Seelenwanderer* (*Romanzen und*

1 — съ односложнымъ (мужескимъ) ассонансомъ, 2, 3 и 4 — съ двусложнымъ.

5 — то же, что въ Пѣснѣ 5, но съ риѐмой на три стиха: А А А, Б Б Б..., какъ и въ нѣкоторыхъ народныхъ балладахъ.

6 — 4-стопные вольные (съ ямбами) амфибрахii: А А, Б Б... Ритмическая схема первыхъ двухъ стиховъ: $\cup$ | $\cup \cup \cup \cup \cup \cup$ | $\text{—} \cup \text{—}$, $\cup$ | $\text{—} \cup \cup \cup \cup$ | $\cup \cup \cup \text{—}$. Размѣръ нѣмецкихъ народныхъ балладъ, откуда перешелъ и къ словѣнцамъ.

7 — 4-стопные амфибрахii въ 6-стишныхъ строфахъ: а б б б В В, г д д д Е Е и т. д. съ первымъ стихомъ безъ соотвѣтствiя по риѐмѣ.

8 — то же, что въ Пѣснѣ 4, но здѣсь два стиха соединены въ одинъ и потому одна пара риѐмъ устранена: А А, Б Б... Любимый размѣръ нѣмецкой народной поэзiи еще въ среднiе вѣка, но позже съ произвольной примѣсью анапестовъ (какъ и у Преширна въ первой редакцiи и въ нѣмецкомъ текстѣ); ср. къ Пѣснѣ 4. Число стиховъ дѣлится на 4, какъ въ Нибелунгахъ, Гудрунѣ и нѣкоторыхъ другихъ средневерхне-нѣмецкихъ поэмахъ.

Jugendlieder XXIV): двусложный (женскiй) ассонансъ у него выраженъ или двумя словами, изъ которыхъ второе обязательно односложное, или словами съ двойнымъ ударенiемъ.

9 — то же, что въ 8.

10 — то же, что въ 6 (первые три стиха ритмически: $\cup | \overset{'}{\cup} \cup \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} \cup \overset{'}{\cup}$, $\cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup \overset{'}{\cup} \cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup \overset{'}{\cup}$, послѣдній даже: $\cup | \overset{'}{\cup} \cup \overset{'}{\cup} \cup | \overset{'}{\cup} \cup \overset{'}{\cup}$), но риѳмой связаны по три стиха: А А А, Б Б Б... Ср. 5.

11 — то же, что въ 6; первые два стиха: $\cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup \overset{'}{\cup} \cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup \overset{'}{\cup}$, $\cup | \overset{'}{\cup} \cup \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} \cup \overset{'}{\cup}$.

12 — то же, что въ Пѣснѣ 2, но съ инымъ распредѣленіемъ риѳмъ: а б б а, в г г в...

Различныя стихотворенія.

1 — 3-стопные ямбы съ женскимъ окончаніемъ безъ риѳмы, подобные такъ называемымъ анакреонтовскимъ геміамбамъ, какъ Водникъ и перевелъ нѣсколько лже-Анакреонтовыхъ стихотвореній; встрѣчаются, впрочемъ и въ народной словѣнской поэзіи, напр. у Штрекеля № 622.

2 — древніе элегическіе дистихи, но по ударенію (ср. ниже къ Эпигр. 8, 15), съ произвольной примѣсью трохеевъ между дактилями (безъ противорѣчія Эпигр. 6, гдѣ разумѣются метрическіе гексаметры); первые два стиха:

$\overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} \cup | \overset{'}{\cup} || \cup \cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} \cup, \overset{'}{\cup} \cup \cup$
 $\overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} (\cup) || \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} (\cup),$ послѣдній:
 $\overset{'}{\cup} \cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} (\cup) || \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} \cup \cup | \overset{'}{\cup} (\cup).$

3 — 5-стопные ямбы въ терцинахъ: а б а, б в б, в г в, г д г..., т.-е. только съ женскими окончаніями, какъ у итальянцевъ. Въ переводѣ, согласно съ обычаемъ, утвердившимся въ русской поэзіи, женскія риѣмы чередуются съ мужескими.

4 — октавы, также по итальянскому образцу, безъ мужескихъ риѣмъ, которыя введены въ переводѣ по той же причинѣ *).

5 — то же, что въ 4.

6 — глосса по обычной схемѣ: 4-стопные трохеи съ риѣмами а б б а а в в г г в, д е е д д ж ж е е ж и т. д. — четыре строфы по числу стиховъ темы въ эпиграфѣ. Въ переводѣ безъ измѣненія, такъ какъ смѣна женскихъ и мужескихъ окончаній при такомъ чередованіи риѣмъ невозможна.

Эпиграммы.

1 — 6-стопный ямбъ съ цезурой по серединѣ (александрійскій стихъ).

2 — то же.

3 — 5-стопный ямбъ; но въ переводѣ 6-стопный.

*) То же иногда и у словѣнцевъ, напр. у Ловрета То-мана въ „Посвященіи“, но съ одинаковымъ чередованіемъ тѣхъ и другихъ окончаній во всѣхъ строфахъ безъ вниманія къ свойству окончаній стиховъ послѣдняго и перваго двухъ сосѣднихъ строфъ.

- 4 — 4-стопный ямбъ; въ переводѣ 5-стопный.
- 5 — то же, что въ 3.
- 6 — 5-стопные и 4-стопные ямбы.
- 7 — 5-стопные ямбы.
- 8 — 4-стопные и 3-стопные ямбы; въ переводѣ 4-стопные и 5-стопные.
- 9 — то же, что въ 7.
- 10 — то же, что въ 1.
- 11 — то же, что въ 7.
- 12 — 4-стопные ямбы.
- 13 — то же, что въ 7.
- 14 — 3-стопные и 4-стопные ямбы.
- 15 — 21 — древніе элегическіе дистихи по долготѣ и краткости*); въ переводѣ, конечно, по ударенію.

*) Теперь такихъ стиховъ (метрическихъ или количественныхъ) словѣнцы не пишутъ, да и во время Преширна они сочиняли ихъ (можно сказать, въ потѣ лица) только изъ подражанія чехамъ, за которыми пошли-было и хорваты („иллирійцы“). Словѣнскій языкъ не представляетъ почти никакихъ данныхъ для метрическаго стихосложенія, такъ какъ долгота въ немъ слышится только подъ удареніемъ, которое звучитъ такъ сильно, что и короткіе слоги, на которые оно падаетъ, нельзя считать годными для ритмической краткости и приходится или оставлять безъ употребленія, а вмѣстѣ съ ними и слова, въ которыхъ они встрѣчаются, или ставить за долгіе. Къ долготѣ по положенію словѣнцы также мало чувствительны. Въ метрическихъ стихахъ они признаютъ эту долготу только внутри

Можно думать, что вниманіе Преширна къ формѣ выразилось и здѣсь въ порядкѣ, такъ какъ, хотя 15—21 обнародованы позже, нѣкоторыя изъ нихъ, напр. 15, 16 и 20, относятся чуть ли не къ 30-мъ годамъ *).

слова и въ концѣ, если первое слово оканчивается на согласную, а второе начинается согласной, и то не въ предлогахъ и не въ союзахъ, стоящихъ не подъ ритмическимъ удареніемъ. Такъ получаютъ стихи, подобные слѣдующимъ:

‘ ‘ ‘ | ‘ ‘ ‘ | ‘ | ‘ | ‘ | ‘ ‘ ‘ | ‘ (‘)

Tát, rokomávh govorí jêzik drúgim neuméten;

‘ ‘ ‘ | ‘ ‘ ‘ | ‘ (-) || ‘ ‘ ‘ | ‘ ‘ ‘ | ‘ (-)

Mnóga po hlévu diší tvôja beséda, kmetávs!

„Слабое положеніе“ (muta cum liquida) можетъ не соблюдаться и внутри словъ; потому правиленъ первый стихъ Посм. 12 въ прежней редакціи (Novice 1849) по исключеніи слова Bóg передъ Gospód и съ перестановкой словъ:

‘ ‘ ‘ | ‘ — | ‘ || — | ‘ — | ‘ ‘ | ‘ ‘

Fárnih imá cerkvá pét Gospód v náši Ljubljáni.

*) По крайней мѣрѣ со Станкомъ Вразомъ Преширнъ къ началу 40-хъ годовъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Такъ 1 іюня 1841 Вразъ пишетъ Драгоилѣ Штаудуаръ изъ Любляны, что Преширнъ учится у него по-иллирски (V, стр. 224), 29 іюля 1841 г. ей же изъ Быстрицы: „Господинъ Преширнъ, у котораго я остановился, — сама душа“ и т. д. (стр. 355), около того же времени (предположительно, такъ какъ ни годъ, ни мѣсяцъ не помѣчены) Эрбену (будто бы, но пишетъ: „Вашъ Ohlás pjsnj českýh я получилъ“, а эту книжку написалъ Челаковский!): „...въ Люблянѣ, гдѣ я былъ ежедневнымъ другомъ (sic) Преширна“ (стр. 271).

Газели.

Подъ газелью въ арабско-персидской піитикѣ разумѣется эротическое стихотвореніе, обыкновенно не длиннѣе 12 двустишій, произвольнаго размѣра на одну риѣму, которая является въ обоихъ первыхъ стихахъ, потомъ въ 4-мъ, 6-мъ и т. д. черезъ стихъ. Иногда за ней слѣдуетъ редифъ, т.-е. прибавка изъ одного слова или изъ нѣсколькихъ, которая и повторяется безо всякаго измѣненія. У Преширна газели съ редифомъ 3, 5 и 6. Преширнъ могъ заимствовать форму газели у Рюккерта или у Платена, издавнаго въ томъ же 1833 г. сборникъ стихотвореній, куда вошли и его „Газели“ (1821) и „Новыя газели“ (1823)*.

1 — размѣръ въ подлинникѣ тотъ же, что въ 7-й, но въ переводѣ измѣненъ ради сохраненія редифа, что переводчику казалось тѣмъ болѣе извинительнымъ, что размѣръ, употребленный здѣсь Преширномъ, совсѣмъ не восточный, тогда какъ замѣнившій его въ рус-

*) Впрочемъ Преширнъ не соблюдаетъ Платеновскаго правила, неизвѣстнаго восточнымъ поэтамъ и ни къ чему не нужнаго, — чтобы не риѣмующіеся стихи газели имѣли такое же окончаніе, какъ риѣмующіеся, т.-е. или мужское, если риѣма мужская, или женское, если она женская. Но, съ другой стороны, и у Преширна (не въ переводѣ) мужскія и женскія окончанія чередуются только въ газели 2.

скомъ переводѣ, по крайней мѣрѣ, похожъ на восточный, именно на персидскій *garī*, съ которымъ даже вполне совпалъ бы, за исключеніемъ замѣны долготы удареніемъ, если бы въ видѣ редифа было, напр., „честь твою“.

2 — 5-стопный ямбъ, неизвѣстный Востоку. То же у Платена въ газеляхъ VI, VII, XI, XII, XIII и др.

3 и 4 — 8-стопный трохей съ цезурой по серединѣ, которая необязательна въ соотвѣтствующей формѣ арабско-персидскаго *ghamal*. Въ переводѣ урѣзанъ ради редифа конечный слогъ риѣмующихся стиховъ.

5 и 6 — то же, но безъ послѣдняго слога.

7 — 7-стопный трохей съ цезурой послѣ 8-го слога, размѣръ не восточный. То же у Платена въ газ. VIII.

С о н е т ы.

У Преширна, какъ у итальянцевъ, только съ женскими окончаніями, чего долго держались и нѣмцы (чуть ли не до Гейне), и почти всегда съ такимъ чередованіемъ риѣмъ: а б б а, а б б а, в г в г в г, гораздо рѣже со второю частью въ видѣ в г г в д д (2 и 20) или в в г д д г (18, 19 и 27), т.-е. съ двойной риѣмой, а не съ тройной, не по-итальянски, еще рѣже — в г д в г д (3) или в г д д г в (4), хотя третій

порядокъ второй части у Петрарки нерѣдокъ; но Преширнъ, очевидно, сознавалъ, что при непосредственномъ послѣдованіи трехъ разныхъ риѣмъ третья мѣшаетъ двумъ первымъ, а двѣ первыя при повтореніи мѣшаютъ третьей. Не усвоилъ онъ у Петрарки и порядка первой части а б а б а б а б. Какъ свободно Преширнъ владѣлъ сонетомъ, показываетъ не столько выборъ имъ этой формы для эпиграммы (18, 19 и 20), сколько „Сонетный вѣнокъ“, состоящій, по числу стиховъ сонета, изъ 14 сонетовъ, связанныхъ между собою тѣмъ, что послѣдній стихъ каждаго есть въ то же время первый слѣдующаго, а послѣдній стихъ послѣдняго есть первый перваго, и всѣ эти повторяющіеся 14 стиховъ составляютъ 15-й сонетъ, магистраль, съ акростихомъ *Primisovi Julji**). И при этихъ трудностяхъ Вѣнокъ есть въ самомъ дѣлѣ вѣнецъ Преширновыхъ сонетовъ. Въ переводѣ, по заведенному у насъ обычаю — должно прибавить: вполнѣ согласному съ ритмомъ нашего языка — введены мужескія риѣмы и допущены незначительныя измѣненія строя второй части, однако всего мѣстахъ въ двухъ, если не считать Вѣнка. Извиненіемъ переводчику въ этомъ случаѣ можетъ послужить трудность передачи такой сложной формы,

*) Другой примѣръ акростиха мы видѣли въ сон. 13.

какъ сонеть, изъ-за которой Преширнъ разрѣшалъ себѣ иногда очень вольную разстановку словъ, на какую переводчикъ не отваживался, а въ Вѣнкѣ къ трудности одновременнаго соблюденія смысла и формы подлинника присоединялось и чередованіе женскихъ и мужскихъ риѣмъ, которое въ I, VIII, XI, XIII и XV вызвало порядокъ В г г В г В, а въ III, VII, IX, XII и XIV—в Г Г в Г в, въ соотвѣтствіе съ порядкомъ первой части А б б А А б б А во II, III, VI, VII, IX, XII и XIV. Труднѣе помириться съ тѣмъ, что въ I, XIV и XV переводчикъ не сумѣлъ избѣжать замѣны „словѣнцевъ“ или, можетъ-быть, „славянъ“ (что въ терминологіи Преширна не всегда различается) „свѣтомъ“, покусившись такимъ образомъ на скромность поэта, и не нашелъ средства къ передачѣ акростиха, впрочемъ гораздо болѣе удобнаго въ латиницѣ, чѣмъ въ кириллицѣ.

Къ формѣ въ обширѣйшемъ смыслѣ относится и распредѣленіе содержанія по частямъ стихотворенія. Сонеть распадается по риѣмамъ на двѣ части—ст. 1—8 и 9 14. Это дѣленіе Преширнъ проводитъ по большей части и въ содержаніи; замѣтныя исключенія изъ этого правила—сонеты 7 V и 25, гдѣ фигура единоначатія переходитъ изъ первой части во вторую. Двучленностью сонета Преширнъ часто (сон. 2, 3, 7 X, 7 XII, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 16,

17, 22, 23) пользуется для противопоставленія внѣшняго подобія содержанія самому содержанію, при чемъ иногда у него является тотъ славянскій параллелизмъ между внѣшнею природою и душевнымъ состояніемъ поэта, который у великоруссовъ проходитъ въ двухъ частяхъ пѣсни, а у малоруссовъ — въ двухъ стихахъ иногда цѣлаго ряда двустишій, развивающихъ оба члена параллели по отдѣльнымъ моментамъ. Такой приѣмъ даетъ поводъ Преширну къ созданію превосходныхъ картинъ, какая впрочемъ встрѣчается у него и помимо параллелизма, въ первой части сонета 7 XIV.

Крещеніе при Савицѣ.

Вступленіе — терцины, Крещеніе — октавы. То и другое безъ мужескихъ риѣмъ, которыя введены въ переводѣ.

Посмертныя стихотворенія.

1 — 4-стопные и 3-стопные амфибрахіи въ 7-стишныхъ строфахъ: А б А А б в в.

2 — 4-стопные трохеи: А А, Б Б и т. д., но часто безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, при чемъ риѣма захватываетъ три послѣднихъ слога (дактилическая). Стихи соединены въ строфы по четыре. Размѣръ народный, кромѣ дакти-

лической риѣмы, такъ какъ словѣнцы вообще при риѣмованіи дактилическихъ окончаній довольствуются часто созвучіемъ лишь послѣднихъ слоговъ.

3 — 3-стопные (ритмически 4-стопные, какъ въ Пѣснѣ 4) и 4-стопные ямбы и 2-стопные трохеи въ 7-стишныхъ строфахъ: а Б а Б В В В.

4 — 4-стопный амфибрахій А А, Б Б... Стихи соединены въ строфы по четыре.

5 — то же, что въ Пѣснѣ 1.

6 — то же, что въ Пѣснѣ 5, только риѣмуются почему-то три стиха 67—69.

7 — 4-стопные трохеи въ 8-стишныхъ строфахъ: а Б а Б в в г г.

8 и 9 — сонеты.

10 — 3-стопные ямбы, А А Б Б..., соединенные въ 6-стишныя строфы.

11 — 5-стопные ямбы: а Б а Б в Г в Г д д.

12 — то же, что въ Эпигр. 15—21.

Нѣмецкія стихотворенія.

1, 2, 4 и 5 — сонеты. Указанный выше параллелизмъ встрѣчается въ 1 I, 2 I, II и III, но во второмъ изъ нихъ члены его расположены обратно.

3 — терцины.

Итакъ изъ доступныхъ тоническимъ языкамъ размѣровъ у Преширна нѣтъ только анапе-

стовъ, вѣроятно, потому, что онъ не нашелъ ихъ ни въ народной поэзіи словѣнцевъ, ни въ своихъ иноязычныхъ образцахъ: у нѣмцевъ они встрѣчаются какъ особый размѣръ развѣ въ переводахъ, а занимался ли Преширнъ древними драматиками, отъ которыхъ онъ могъ бы себѣ усвоить анапестическіе стихи, о томъ не свидѣлствуютъ не только источники (какъ Антонъ Ауэрсбергъ въ стихотвореніи на смерть Преширна, гдѣ онъ упоминаетъ изъ читанныхъ съ нимъ поэтовъ только Горація, Вергилія, Анакреонта и Гомера), но и никакіе слѣды въ его твореніяхъ. Трагедія, о которой сказано выше (стр. XXXIX), была написана, вѣроятно, скорѣе въ духѣ Шекспира, на котораго въ Разн. 3 литераторъ и намекаетъ въ отвѣтъ на слова ученика объ ожидаемой словѣнской трагедіи, и во всякомъ случаѣ не по древнимъ образцамъ, потому что, какъ Преширнъ писалъ въ 1832 г. Чопу, въ ней главнымъ предметомъ была любовь.

Остается сказать нѣсколько словъ о предлагаемомъ переводѣ. Онъ начатъ около четверти столѣтія тому назадъ, отрывками, безо всякой мысли о полнотѣ, а недостававшія 72 стихотворенія и поэма переведены въ текущемъ году, наскоро, почти безъ перерывовъ въ виду приближающагося юбилея поэта. Съ тѣхъ поръ переводчику попадались и чужіе опыты пере-

дачи Преширновыхъ стихотвореній на русскій языкъ, далеко не лишенные достоинствъ и, быть можетъ, даже заслуживающіе предпочтенія передъ его собственными; тѣмъ не менѣе онъ не воспользовался ни однимъ изъ нихъ по причинѣ, вообще уважительной, когда рѣчь идетъ о художественномъ произведеніи, но особенно въ примѣненіи къ такому художнику, какъ Преширъ: въ этихъ переводахъ такъ мало обращено вниманія на форму, что кое-гдѣ она совсѣмъ не соблюдена, даже наперекоръ не только Преширу, но и установившемуся литературному обычаю, которому онъ строго слѣдовалъ. Такъ, напр., октава у итальянцевъ, ее придумавшихъ, немислима иначе какъ въ 11-сложныхъ стихахъ, и Преширъ употреблялъ для нея соотвѣтствующій въ то-ническомъ стихосложеніи 5-стопный ямбъ; имѣеть ли переводчикъ право замѣнить его александрійскимъ стихомъ? Испанскіе стихи, кажущіеся намъ съ перваго взгляда бѣлыми, на самомъ дѣлѣ связаны между собою ассонансомъ, и Преширъ въ своихъ подражаніяхъ испанской формѣ вездѣ провелъ его послѣдовательно; позволительно ли переводчику считать себя свободнымъ отъ передачи этого украшенія? Едва ли: вѣрность поэтическаго перевода основывается, можетъ-быть, преимущественно на возможномъ сходствѣ впечатлѣнія отъ под-

линника и отъ его иноязычнаго переложенія, а это впечатлѣніе дается не однимъ содержаніемъ, но и формой*). Само собою разумѣется, что, чѣмъ менѣе данное произведеніе можетъ имѣть притязаній на художественность, тѣмъ менѣе существенъ и вопросъ о формѣ; потому въ этомъ переводѣ допущено болѣе всего отступленій отъ формы подлинника по отношенію къ эпиграммамъ, однако не ко всѣмъ: тѣ, которыя носятъ на себѣ печать обработки болѣе тщательной, переданы бережно и со вѣншей стороны. Но вообще читатель, принявъ къ свѣдѣнію помѣщенные выше оговорки, можетъ быть увѣренъ въ томъ, что въ ту форму, которую онъ найдетъ въ переводѣ, облеченъ и подлинникъ. Что до передачи содержанія, то взглядъ переводчика на вѣрность поэтическаго перевода только что высказанъ имъ: важнѣе всего — тождество общаго впечатлѣнія, и такое пониманіе задачи особенно кажется умѣстнымъ при переводѣ Преширна, отличающагося большимъ разнообразіемъ тоновъ и полною по-

*) Отчасти, хоть, конечно, не всецѣло, на основаніи этого соображенія не-славянскія, но принятія у насъ „Тріэсть“ и „Брюниъ“ (не говоря уже о „Лайбахѣ“, „Лембергѣ“ и „Фіуме“ — см. Посм. 11 ст. 5) замѣнены въ переводѣ болѣе близкими къ славянскимъ подлинникамъ формами „Трестъ“ и „Берно“. Пѣсня 14 ст. 14, 33 и 68 и Посм. 5 ст. 46).

слѣдовательностью въ выдержкѣ каждаго изъ нихъ. Свое опредѣленіе точности въ переводѣ поэтическихъ произведеній переводчикъ можетъ дополнить слѣдующимъ правиломъ: переводитакъ, какъ перевелъ бы самъ авторъ. Къ сожалѣнію, это правило несравненно легче поставить, чѣмъ осуществить: для этого нужно, съ одной стороны, чуть не полное претвореніе переводчика въ автора, а съ другой — безусловное довѣріе читателя къ такому претворенію; а то онъ, примѣтивъ замѣну одного выраженія другимъ, скажетъ, что переводъ невѣренъ. Отдѣльная невѣрность и можетъ быть на лицо, вызванная, напр., условіями размѣра или рифмы, и такія невольныя отступленія, конечно, будутъ отмѣчены въ этомъ переводѣ словѣцами, привычными, благодаря свойствамъ родного языка, даже въ сонетѣ къ такой точности передачи, какая русскимъ просто недоступна (см. напр. Стритаревъ переводъ сонета Петрарки I 3); но нерѣдко вѣрность дословная оказывается невѣрностью художественной, потому что одно и то же въ разныхъ языкахъ производитъ разное впечатлѣніе, и такимъ образомъ извѣстное выраженіе или случайный намекъ на нѣчто, хорошо знакомое соотечественникамъ поэта, но не иностраннымъ читателямъ, будучи въ подлинникѣ умѣстны и естественны, въ переводѣ могутъ нарушить настроеніе, го-

сподствующее въ передаваемомъ художественномъ произведеніи. Бываютъ однако случаи, въ которыхъ упомянутое правило кажется отнюдь не такимъ фантастическимъ, какъ можно подумать съ перваго раза. Такой случай есть наличность авторскихъ переводовъ собственныхъ стихотвореній. Мы уже видѣли, что Преширнъ писалъ иногда одно и то же по-словѣнски и по-нѣмецки; какъ же онъ самъ переводилъ свои произведенія? Возьмемъ для примѣра Пѣсню 2 (по первому изданію):

Deklétam.

Pádala neběška mána
Izraêlcem je v pušávi;
Zgínila je, ak pobrána
Ní bilà ob úri právi.

Kàk lepó se rôsa blíska,
Dòkler jútra hlád ne míne!
Kómej sónce bòlj pertíska,
Bó pregnána od vročíne.

Róžice cvetó veséle
Le ob času létne mláde;
Léto pòšlje píš in stréle,
Lépo cvétje jim odpáde.

Róža, rôsa íno mána
Váša je mladóst, dekléta!
Svétjem, nàj ne bó zaspána,
Ki cvetó ji zláte léta.

Fánte zbéraš si prevzétna,
Se šopíriš, ker si zála;
Várij, várij, da perlétna
Sámka se ne bóš jokála!

An die Mädchen.

Manna gab Gott in den weiten
Oeden Wüsten Jakobs Sprossen;
Sammelten sie 's nicht bei Zeiten,
So zerfloss es ungenossen.

In des jungen Morgens Kühle
Blinkt der Thau so froh und helle;
Kaum doch naht des Tages Schwüle,
Weichen muss er an der Stelle.

Lustig treiben ihre Blüthen
Blumen in des Lenzes Wetter;
Kommt der Sommerstürme Wüthen,
Welk und dürr sind ihre Blätter.

Wohl dem Thau, der Manna gleicht,
Blumen gleicht der Schönheit Prangen.
Nutzt sie, Mädchen, eh' sie weichet,
Eh' erbleicht das Roth der Wangen.

Körbchen theilt man ohn' Erbarmen,
Spröd' und stolz, so lang' man blühet;
Einsam klagt ihr, lasst euch warnen,
Wenn von euch der Reiz entfliehet.

О дословной вѣрности здѣсь и помину нѣтъ:
гдѣ по-словѣнски Gott и Jakob? гдѣ an der

Stelle, прибавленное, очевидно, для приемы? развѣ mladost и der Schönheit Prangen сами по себѣ одно и то же? развѣ при обращеніи къ дѣвушкамъ соблюдено соотвѣтствіе въ числѣ и лицѣ? развѣ ki cveto ji zlate leta (которой цвѣтутъ золотые года) то же, что eh' erbleicht das Roth der Wangen? развѣ fante zberaš si prevzetna (гордо разбираешь юношей) передаетъ точно Körbchen theilt man ohn' Erbarmen? Но мысли, ихъ распредѣленіе, общій тонъ въ обѣихъ редакціяхъ совершенно тождественны, и — что существенно — ни тамъ ни здѣсь не прибавлено ничего посторонняго. Въ результатѣ художественное впечатлѣніе на обоихъ языкахъ получается вполнѣ одинаковое, и потому переводъ остается признать безукоризненно вѣрнымъ. Искреннее желаніе русскаго переводчика состоитъ въ томъ, чтобы хоть нѣкоторыя изъ его попытокъ, содержащихся въ этой книжкѣ, оказались вѣрными подлиннику именно въ такомъ смыслѣ. Другое его желаніе, не менѣе горячее — да содѣйствуетъ этотъ трудъ извлеченію даровитѣйшаго словѣнскаго поэта изъ мрака неизвѣстности, въ которомъ онъ до сихъ поръ пребывалъ для огромнаго большинства русскихъ читателей!

Пятигорскъ.

Августъ 1900 г.

Помѣта мѣсяца относится къ первоначальной редакціи предисловія, составленной безо всякихъ пособій кромѣ Стритаревой біографіи Прешерна, недостаточной и неточной. Лишь позже я узналъ о существованіи другихъ, болѣе новыхъ и надежныхъ изслѣдованій, но самыхъ главныхъ изъ нихъ я не могъ достать, а выписывать ихъ было ужъ поздно. Пришлось поспѣшно собирать матеріалъ по крохамъ и уже написанное, отчасти даже напечатанное, измѣнять и дополнять по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ свѣдѣній, что должно было отразиться очень невыгодно на распредѣленіи частностей.

Петербургъ.

Октябрь 1900 г.

СЛОВѢНСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ надеждѣ я и страхъ жилъ,—
Надежду, страхъ я отложилъ
Душа пуста, но я не радъ:
Надежду, страхъ зову назадъ.

В. С. Соловьевъ
Сентябрь 1838.

1. Струнникъ.

Н Ѣ С Н И.

1. Струнамъ.

1847 - Россіи

Струны, нѣжно лейте звуки,
Нѣжно, пѣсня, причитай,
Сердца раненаго муки
Предъ жестокой открывай:

Какъ лицо мое блѣднѣть,
Какъ тускнѣть свѣтъ очей,
Какъ течеть и не скудѣть
Слезъ любви изъ нихъ ручей,

5

Какъ томится сердце страстью,
Какъ тоска его щемить,
Какъ веселію и счастію
Всякій путь въ него закрыть,

10

Какъ, влекомый тайной силой,
Я вездѣ брожу за ней,
Какъ не меркнетъ образъ милый
Ни на мигъ въ душѣ моей,

15

И какъ вы служить ей рады
И въ грядущіе года,
Но, не вымоливъ пощады,
Замолчите навсегда.

20

Эти жалобы несите
Отъ меня, о струны, къ ней;
Если можно, ей внушите,
Чтобъ была ко мнѣ добрей.

2. Дѣвицамъ.

е 6 мр 10² Р.
1827 г. м. Янв.
сл. 1 в.

Манны дождь при Черномъ морѣ
Иудеямъ падалъ съ неба,
Но, напавъ, и таялъ вскорѣ:
Не сберуть — и всѣ безъ хлѣба.

Какъ роса сверкаетъ ярко
Въ ранній часъ, пока прохладно!
Но какъ только станетъ жарко,
Воздухъ влагу выпьетъ жадно.

5

Пышной радостью расцвѣта
Лишь весной сіяютъ розы,
Но едва дождутся лѣта, —
Сгубятъ вѣтры ихъ и грозы.

10

Съ манной, розой и росой,
Дѣвы, ваши сходны годы;
Глупо, глупо, я не скрою,
Ждать вамъ у моря погоды.

15

Бойся: ты, красой блистая,
Жениховъ бракуешь въ волю;
Одиночка пожилая,
Будешь клясть свою ты долю.

3. Подъ окномъ. 1847

Мѣсяцъ блещеть.

Чу! трепещеть

Поздній звонъ въ тиши ночной.

Я съ истомой

Незнакомой

5

Все брожу, забывъ покой.

Безъ отрады,

Безъ награды

Я, мой другъ, тебя люблю;

Въ горькой долѣ

10

Поневолю

Дома мирно я не сплю.

Образъ милый

Чудной силой

Захватилъ мои мечты;

15

Ежечасно

Рвется страстно

Сердце вдаль — туда, гдѣ ты.

Хоть немножко
 Дай въ окошко 20
 Мнѣ очей увидѣть свѣтъ.
 Все безлюдно.
 Вѣдь не трудно
 Молвить, миль ли я иль нѣтъ.

Если даже 25
 Врагъ на стражѣ,
 Можешь дать мнѣ знакъ рукой...
 Но изъ мрака
 Нѣтъ и знака;
 Лишь часовъ раздался бой. 30

Къ ней взгляните,
 Мнѣ скажите,
 Звѣзды, точно ль спитъ она,
 Иль внимаетъ,
 Лишь пытается, 35
 Иль другимъ увлечена.

Если дремлетъ,
 Пусть не внемлетъ;
 Если мучить, — не бѣда;
 А измѣна 40
 Цѣпи плѣна
 Съ жизнью сниметъ навсегда.

4. Просьба. 1847 Россій

Другимъ дари ты взгляды —
Не властенъ мой запретъ, —
Лишь мнѣ не ставь преграды:
Дай видѣть мнѣ ихъ свѣтъ.

Головки розъ поникнуть,
Цвѣсти имъ словно лѣнь,
И пташки не чирикнуть,
Молчить лѣсная сѣнь,

5

Жужжать не стануть пчелы,
Имъ пышный лугъ не миль,
И рыбокъ рой веселый
Какъ будто приуныль, —

10

О другъ, мой, все, что живо,
Замретъ, покой храня,
Покуда тьма ревниво
Таитъ свѣтило дня.

15

Ни розъ не больше въ полѣ,
 Ни птицъ въ лѣсахъ нигдѣ,
 И пчелъ въ цвѣтахъ не болѣ,
 Не больше рыбъ въ водѣ,

20

Чѣмъ грезъ, еще неясныхъ,
 Лелѣю я втиши,
 Что рвутся въ пѣсняхъ страстныхъ
 На волю изъ души.

Но крылья ихъ безсильны
 Раскрыться на полетъ,
 Пока твой взоръ умильный
 Луча имъ не пошлетъ.

25

Чтобъ не побилъ въ началѣ
 Морозъ ихъ и туманъ,
 Чтобъ честь твою вѣщали
 Ихъ пѣсни межъ славянъ,

30

Мнѣ все жъ дари ты взгляды,
 Хоть въ нихъ любви и нѣтъ;
 Не ставъ мнѣ къ нимъ преграды:
 Дай видѣть мнѣ ихъ свѣтъ!

35

5. Куда?

1836

ms. l

Когда я рыщу самъ не свой,
„Куда?“, друзья кричатъ за мной.

Спросите тучу горнихъ странъ,
Волну, что катитъ океанъ,

Когда могучій богатырь
Ихъ мечетъ вихрь и вдоль и въ ширь.

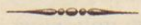
5

Ихъ путь невѣдомъ имъ самимъ.
Я мчусь, отчаяньемъ гонимъ.

Я знаю твердо лишь одно:
Ее мнѣ видѣть не дано,

10

И нѣтъ на свѣтѣ уголка,
Гдѣ бъ унялась моя тоска.

6. Приказы. 1843

Чтобъ не смѣлъ я, ты сказала,
Страстно рукъ твоихъ ловить;
Ты, красавица, узнала,
Какъ могу покорень быть.

Чтобъ не смѣлъ я, ты сказала,
О любви тебѣ твердить;
Ты, красавица, узнала,
Какъ могу покорень быть.

Что я долженъ, ты сказала,
Перестать къ тебѣ ходить;
Ты, красавица, узнала,
Какъ могу покорень быть.

Что я долженъ, ты сказала,
Гдѣ сойдемся, прочь слѣшить;
Ты, красавица, узнала,
Какъ могу покорень быть.

Но когда ты приказала
 Мнѣ совсѣмъ тебя забыть,
 Ты, красавица, не знала,
 Что того не можетъ быть.

20

Сердце мнѣ вложи другое
 Иль дай этому застыть.
 Богъ съ тобой! живи въ покоѣ,
 А тебя мнѣ не забыть.

7. На прощанье.

1841

Что отводишь ты при мнѣ
Прочь свой взоръ и образъ милый?
Не ищу любви я силой.

Лучше выскажись вполне.

На прощанье, бросивъ страхъ,
Дай мнѣ руку безобидно:
Слезъ въ очахъ моихъ не видно,
Жалобъ нѣтъ въ моихъ устахъ.

5

Жалобъ въ сердцѣ нѣтъ моемъ:
Ясныхъ дней оно не знало.
Съ той поры, какъ воспыхало, —
Пусть не знаетъ и потомъ!

10

И опять я какъ-нибудь
Безпросвѣтною дорогой
Побреду, куда мнѣ строгій
Рока персть укажетъ путь.

15

Вновь подруга прежнихъ дней,
Терпѣливость дорогая,
Связь со мною закрѣпляя,
Станетъ милою моею.

20

Ею гнетъ я тайныхъ мукъ
Облегчу до той минуты,
Какъ съ меня всѣ жизни путы
Скинетъ смерть, послѣдній другъ.

8. Сила памяти.

1843

м. с. в.

Пусть, увлеченное хитрой игрою,
Сердце твое ужъ плѣнилось другимъ:
Все же ты связана чѣмъ-то со мною,
Чѣмъ, — то едва намъ понятно самимъ.

Если мой взглядъ издалёка ты встрѣтишь,
Вновь ты не тотчасъ начнешь разговоръ;
Если меня средь гостей не замѣтишь,
Бродить тревожно межъ ними твой взоръ.

5

Если вдали отъ докучнаго свѣта
Дума наляжетъ тебѣ на чело,
Вдругъ, безнадежнаго вспомнивъ поэта,
Чуть не жалѣешь о томъ, что прошло.

10

Пѣть ли начнетъ предпочтенный тобою,
Весело славя въ любви свой успѣхъ,
Сердце твое отравляютъ тоскою
Пѣсни мои — о любви безъ утѣхъ.

15

Прежде судила меня ты сурово,
 Строго и нынѣ тобой я судимъ;
 Но говорить, что недоброе слово
 Ты обо мнѣ не спускаешь другимъ.

20

Крѣпкая стала стѣна между нами
 Изъ преисподней до звѣздныхъ высотъ;
 Тщетно: дорогу себѣ надъ стѣнами
 Пламень влеченій сокрытыхъ найдетъ.

„Не забывай!“ ты слыхала отсюда,
 Но отъ другихъ, — никогда отъ меня.
 Тѣхъ ужъ забыла ты, я же пребуду
 Въ мысляхъ твоихъ до послѣдняго дня.

25

9. Утраченная вѣра.

1842

sl. 36

Таковъ же твой небесный взоръ
Теперь, какъ былъ до этихъ поръ.

Заря румяная ланить
Еще попрежнему горить.

Въ устахъ такой же смѣхъ, какъ былъ,
И говоръ ихъ все такъ же милъ.

5

Не потемнѣлъ отъ бѣга дней
Снѣгъ груди дѣвственной твоей.

Тѣ руки, ноги, каждый членъ —
Какъ было, все безъ перемѣнъ.

10

Все то, чѣмъ ты была сильна,
Осталось при тебѣ сполна.

Въ тебя лишь вѣрить мочи нѣтъ,
Какъ прежде вѣрилъ твой поэтъ.

Лишь нѣтъ сіянья вокругъ чела,
Какое вѣра дать могла.

15

Ее унесъ единый взглядъ,
И не придеть она назадъ.

Живи хоть годы безъ числа, —
Ты мнѣ не будешь, чѣмъ была.

20

Кумиръ моихъ прошедшихъ лѣтъ
Теперь — красивый лишь предметъ.

10. Морякъ.

1843

pl. sl.

Прощай и будь здорова!
Миѣ лодка ужъ готова,
Данъ выстрѣлъ вѣстовой.
Останься съ тѣмъ, что мило;
Мое веселье сплыло:
Тебя плѣнилъ другой.

5

Я далъ тебѣ присягу,
Что даже въ землю лягу,
Любовь къ тебѣ храня,
И ты, рука съ рукою,
Клялась передо мною
Цвѣсти лишь для меня.

10

Въ краяхъ чужихъ, бывало,
Встрѣчалось миѣ не мало
Красивыхъ дѣвъ и женъ;
Ни лицъ ихъ красотою,
Ни тѣла бѣлизною
Я не былъ соблазненъ.

15

Вотъ южныхъ вѣтровъ сила
Надула вновь вѣтрила;

20

Пріѣхалъ я назадъ.
Межъ тѣмъ, нарушивъ слово,
Ты вышла за другого;
Я жизни былъ не радъ.

Вѣтрила вновь поставимъ,
По морю бѣгъ направимъ, —

25

Чиста морская гладь!
Водамъ въ чемъ вѣрить можно,
Мы знаемъ непреложно,
А дѣвѣ въ чемъ, — какъ знать?

30

Стихи въ непогоду
Привычны мореходу;

Нѣтъ страха смерти въ немъ:
Утонетъ — все забудетъ;
А муки сердца будить
Чредою день за днемъ.

35

Ладья стоитъ готова.
Прощай и будь здорова!

Не знай на сушѣ бѣдъ;
Блаженствуй съ тѣмъ, что мило.
Мое веселье сплыло;
Плывемъ ему вослѣдъ!

40

11. Рекрутская. / 832

Во мнѣ двѣ четверти съ вершкомъ.
Прощай, друзья, зазноба
И мать съ отцомъ — вы оба.
Мнѣ будетъ двадцать лѣтъ постомъ.
Во мнѣ двѣ четверти съ вершкомъ,
И крѣпокъ я и строень —
Ужъ съ виду воинъ.

5

Прощай и ты, мой кровь родной!
Пусть робкій или слабый
Сидитъ на печкѣ съ бабой
Иль сушитъ мозгъ ученьемъ свой;
А кто удалъ, тотъ любить бой;
И нива и наука
Ему лишь мука.

10

Ученымъ нынче не везетъ;
Мужикъ отъ недорода
Вѣкъ бьется безъ дохода;
Солдату больше всѣхъ почетъ;

15

Всю жизнь онъ весело живетъ;
 Казна его питаетъ
 И снаряжаетъ.

20

Вездѣ какъ свой, вездѣ чужой,
 Онъ много мѣстъ обходить;
 Поль женскій брань заводитъ
 Изъ-за него между собой;
 Когда жъ окончится постой,
 Въ слезахъ стоитъ иная,
 По немъ вздыхая.

25

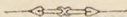
Одною онъ вѣкъ служить готовъ:
 Она зовется славой;
 Онъ съ нею въ бой кровавый
 Идетъ чрезъ гору, черезъ ровъ,
 Чрезъ стѣны крѣпкихъ городовъ,
 Гдѣ смерть, свой пиръ устроивъ,
 Честитъ героевъ.

30

35

Когда-нибудь мы все умремъ:
 Хоть юны, хоть дозрѣли,
 Въ бою иль на постели —
 Все будемъ спать мы вѣчнымъ сномъ...
 Во мнѣ двѣ четверти съ вершкомъ,
 Живу — душой покоенъ,
 Умру — какъ воинъ.

40

12. Въ память Валентина Водника*).

1843

Въ Аравіи дальной
Выводится птахъ;
Живеть онъ, печальный,
Въ пустынныхъ тернахъ.

Лишь хоръ ему звѣздный
Да мѣсяцъ сродни;
Одинъ, безъ любезной,
Встрѣчаетъ онъ дни.

5

Онъ дружбы не знаетъ,
А дружба — его;
Старѣтъ, хвораетъ —
Съ нимъ нѣтъ никого.

10

Куреній безцѣнныхъ,
Одинъ ихъ узнавъ,
Цвѣтовъ сокровенныхъ,
Душистѣйшихъ травъ

15

*) См. предисл. стр. XIII—XV.

Онъ бодро и смѣло
Сбираетъ запасъ,
Язвить свое тѣло,
Для смерти трудясь.

20

Изъ нихъ воздвигаетъ
Костеръ предъ концомъ,
Себя сожигаетъ
Въ часъ смертный на немъ.

Изъ пламени, славой
Безсмертной покрыть,
Фениксъ величавый
Въ сіяньи летить.

25

Такъ, творчествомъ занять,
Всѣмъ чуждый, поэтъ
По смерти возстанетъ
Во славу на свѣтъ.

30

13. Въ память Андрея Смолета*).

1843

Спишь ты безмолвно въ могильномъ покоѣ,
Перстью покрытый, нашъ братецъ Андрей!
Въ кубкахъ смѣется вино золотое;
Пьемъ его въ память мы дружбы твоей.

Радость и горе твои поминая,
Пьемъ мы, пріятели, тѣсною гурьбой;
Слышится пѣсня межъ нами такая,
Что не несчастень, кто спитъ подъ землей.

5

Чертъ благородство со стройностью стана,
Разумъ съ богатствомъ ты принялъ въ удѣлъ; 10
Лучшаго сердца не знала Любяна;
Ближнимъ какъ страстно ты счастья хотѣлъ!

Мало сіяли благія свѣтила,
Въ грезахъ надежды дремалъ ты лишь мигъ;
Злая судьбина тебя посѣтила,
Жизни коварство ты рано постигъ.

15

Дѣва, любимая нѣжно тобою,
Въ брачныя узы вступила съ другимъ;
Быль и богатства лишень ты судьбою;
Въ горѣ разстался ты съ мѣстомъ роднымъ.

20

*) См. предисл. стр. XV и XXXVI.

Край ты нѣмецкій, французскій, британскій
Видѣлъ и горы швейцарской земли,
Видѣлъ ты тверди лазурь итальянской;
Сердце они исцѣлить не могли.

Видѣлъ вездѣ ты, какъ ищутъ наживы, 25
Какъ почитаютъ кумиръ золотой;
Гдѣ братолюбья ты видѣлъ порывы?
Съ сердцемъ разбитымъ ты прибылъ домой.

Смерть осѣнила Сивиллу не прежде,
Чѣмъ привезли ей родимой земли*); 30
Ты лишь въ одной не ошибся надеждѣ:
Въ краѣ родимомъ твой трупъ погребли, —

Въ краѣ словѣнскомъ, пріютѣ желанномъ,
Въ каждый мигъ жизни тебѣ дорогомъ,
Славою нашихъ отцовъ осіянномъ, 35
Гдѣ намъ могила найдется съ трудомъ.

Персти покровъ погребенныхъ не давить:
Съ нею сольется въ одно человѣкъ.
Бодрости, братья, вино намъ прибавить;
Память Смолету да будетъ вовеѣкъ! 40

*) Сивиллѣ (пророчицѣ) у грековъ считалось нѣсколько. Здѣсь разумѣется, повидимому, Денфоба, переселившаяся въ Кумы (въ Италиі), какъ думали нѣкоторые, изъ города Эриоръ (въ Малой Азіи). Овидій Мет. XIV 130—153 рассказываетъ о значеніи горсти песку въ ея жизни нѣсколько иначе.

14. Желѣзная дорога. 1843

(Разговоръ между Андриюшей и Варей.)

А. „Строить путь желѣзный всюду —
За Любляной череда;
Разѣзжать, голубка, буду
То туда я, то сюда“.

В. „Если близокъ путь желѣзный,
Покажи, голубчикъ мой,
Бѣлый свѣтъ своей любезной,
Прихвативъ ее съ собой“.

А. „По дорогѣ я желѣзной
И одинъ свой путь найду
И на время по любезной
Въ каждомъ мѣстѣ заведу“.

В. Если ты меня обманешь,
Ѣзди въ Вѣну, въ Градецъ, въ Трестъ:
Вновь ко мнѣ, лишь ты отстанешь,
Жениховъ начнется съѣздъ.

- А. „Вы всѣ, краинки, гордячки;
Вамъ штирійки не чета;
Въ Трестѣ дѣвы — все богачки,
Въ Вѣнѣ — блескъ и красота“. 20
- В. „Честъ намъ, краинкамъ, дороже;
Зря соваться къ намъ не смѣй;
Отъ любви спаси насъ, Боже,
Если брака нѣтъ при ней!“. 25
- А. „Вамъ мужья поплоче милы, —
Чтобъ ходили въ хомутѣ,
Безотвѣтны и унылы,
Съ вѣчной мыслью о кнутѣ“. 30
- В. „Все бѣ неопытныхъ цыплятокъ
Ты ловилъ, молокососъ!
Ихъ надуешь ты съ десятокъ,
А домой пріѣдешь босъ“. 35
- А. „Въ Бернѣ я жену добуду
У евреевъ-христіанъ;
Дастъ за нею денегъ груду
Тестъ мнѣ смуглый, какъ цыганъ“. 40
- В. „Дома выйти мнѣ охота
За такого старика,
Чтобъ не зналъ онъ деньгамъ счета;
Будетъ съ нимъ мнѣ жизнь легка“. 40

А. „Буду жить я, хоть не дружно,
Но безъ ревности съ женой,
Брать процентовъ, сколько нужно,
Знать лишь волю да покой“.

В. „Мужа я не стану слушать,
Благо деньги есть въ кошнѣ;
Буду звать къ себѣ откушать,
Кто пріятень будетъ мнѣ“.

45

А. „Эй, смотри! старикъ вѣдь будетъ
Ночью кашлять, днемъ ворчать;
Онъ уйти тебя принудить,
Если станетъ примѣчать“.

50

В. „Ждешь отъ брака ты съ жидовкой
Вольной жизни, вкусныхъ блюдъ,
А тебѣ у вѣдьмы ловкой
Развѣ щей пустыхъ дадутъ“.

55

А. „Будь же ты моей любезной:
Преданъ я тебѣ одной.
Что въ дорогѣ мнѣ желѣзной?
Прежде стань моей женой“.

60

В. „Если такъ, мой другъ любезный,
Вотъ тебѣ моя рука;
Но съ дорогою желѣзной
Какъ бы не далъ ты стрелка!“.

А. „Мы по ней бы разъѣзжали
Вмѣстѣ въ Вѣну, Градецъ, Трестъ;
Лишь бы вдругъ не удержали
Дома насъ — купель и крестъ“.

65

В. „Будь препятствіе такое,
Подождешь ты, милый мой!
Мужъ истратитъ меньше вдвое,
Если ѣздитъ онъ съ женой“.

70

15. Покинутая.

1841

Ужъ тебя влечётъ другая;
Ты сулишь блаженство рая
Ей, коварно обѣщая
Предъ алтарь съ ней стать святой.
Богъ съ тобой!

5

Какъ ты клялся, что до гроба
Будемъ связаны мы оба,
Что лишь я твоя зазноба, —
Все забылъ ты для другой.
Богъ съ тобой!

10

Что то сердце, гдѣ всевластно
Ты царишь, любимый страстно,
До конца теперь несчастно, —
Это словно грѣхъ не твой.
Богъ съ тобой!

15

Богъ твой стражъ будь неустанный,
 Богъ прости твоей избранной,
 Богъ конецъ пошли желанный
 Мнѣ до свадьбы роковой!
 Богъ съ тобой!

16. Незамужняя мать.

1847

Охъ, мнѣ на что ты былъ нуженъ одной,
Милый ребенокъ, красавчикъ родной?
Что съ тобой дѣлать молоденькой мнѣ,
Матери въ дѣвкахъ, безмужней женѣ?

Билъ и ругалъ меня батюшка мой,
Матушка слезы лила надо мной,
Знаться со мной не хотѣла родня,
Пальцемъ казалъ весь народъ на меня.

5

Тотъ, съ кѣмъ однимъ я узнала любовь,
Тотъ, кто отецъ твой, чья плоть ты и кровь,
Взялъ да пошелъ себѣ, Богъ вѣсть, куда,
Насъ съ тобой бросилъ: боится стыда.

10

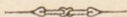
Охъ, мнѣ на что ты былъ нуженъ одной,
Милый ребенокъ, красавчикъ родной?
Нуженъ ли былъ ты мнѣ, лишній ли былъ,
Все жъ безъ конца ты мнѣ дорогъ и милъ.

15

Только я въ глазки тебѣ загляну, —
 Словно я вижу небесъ глубину;
 Смѣхъ ли по губкамъ твоимъ пробѣжить, —
 Смокнетъ тоска, и позоръ позабыть.

20

Птицамъ небеснымъ кто пищу даетъ,
 Пусть твою жизнь охранить отъ заботъ.
 Нуженъ ли былъ ты мнѣ, лишній ли былъ,
 Будешь ты вѣчно мнѣ дорогъ и милъ.

17. Поэту.

1838

Кому

Посильно разсѣять душевную тьму?

Гдѣ тотъ,

Кто коршуна стонитъ, что сердце клюетъ
Съ восхода до часа, какъ вновь разсвѣтетъ? 5

Куда

Бѣжать, чтобъ о прошломъ забыть безъ слѣда,
Не думать о томъ, что несутъ намъ года,
Не знать, какъ пуста дней текущихъ чреда?

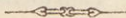
Зачѣмъ

10

Поэтомъ ты сталъ и дрожишь передъ тѣмъ,
Чтобъ въ сердцѣ носить или адъ иль эдемъ?

Познай

Призванье свое и покорно страдай!

1. Событь отъ почерка.

БАЛЛАДЫ И РОМАНСЫ.

17. Посты: 1977

Ввод

Посты: 1977

1. Ввод

Ввод

Ввод

Ввод

Ввод

Ввод

Ввод

Ввод

1. Совѣтъ отъ дочери. 1831'

H. W. V. Schlegel
1831

Часто юноша къ любезной
Ходить ночью подь окно,
Съ ней бесѣдуя до часа,
Какъ зардѣется востокъ.

Вотъ родитель, мужъ почтенный,
Мужъ почтенный, пожилой,
То узнавъ, красоткѣ-дочкѣ
Молвить слово таково:

5

„Если будешь у окошка
Ты стоять и ждать его,
По ночамъ вести бесѣды

10

И болтать съ нимъ про любовь,
Дворъ кругомъ огорожу я,
Крѣпкій выстрою заборъ,
Съ цѣпи я спущу Султана,
Чтобъ берегъ онъ лаемъ домъ,
А служанкѣ нашей старой
Ночевать велю съ тобой“.

15

Дочь въ отвѣтъ ему напротивъ

Молвить слово таково:

20

„Мой родитель, мужъ разумный,

Мужъ разумный, дорогой!

Развѣ нѣтъ къ заборамъ лѣстницъ?

Развѣ хлѣба нѣтъ для псовъ?

А служанка за подарки

25

Носить письма мнѣ давно.

Если хочешь ты, чтобъ больше

Не ходилъ онъ подъ окно,

Дочку, милый мой родитель,

Выдай замужъ за него“.

30

2. Школьникъ.

1832

~ 1833

Утромъ послѣ Красной Горки*)
Школьникъ жаловался юный;
Рѣчь его была печальна,
А еще печальнѣй дума:

„Красной Горки день постылый!

5

Миѣ совсѣмъ тебя не нужно.

Деньги всѣ, что мать прислала,

Ты развѣялъ, словно буря;

Въ кошелькѣ, недавно полномъ,

Отъ тебя вдругъ стало пусто.

10

Мой отецъ чесать затылокъ,

Мать глядѣть начнетъ угрюмо;

Попадеть миѣ денегъ мало,

А зато упрековъ куча.

Но все это я стерпѣлъ бы,

15

Это все еще не худо.

*) Въ подлинникѣ — послѣ масленицы, во время которой совершается у словѣнцевъ много браковъ.

Красной Горки день постылый!
 Миѣ совсѣмъ тебя не нужно.
 По твоей винѣ заснула
 Крѣпкимъ сномъ моя наука.
 Миѣ придется для занятій
 По ночамъ искать досуга,
 Чтобъ вернуть трудами время,
 Мною потраченное глупо.
 Но все это я стерпѣлъ бы,
 Это все еще не худо.

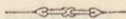
20

25

Красной Горки день постылый!
 Миѣ совсѣмъ тебя не нужно.
 Много дѣвъ ты выдалъ замужъ,
 И меня моя подруга
 Промѣняла на другого,
 Нѣмка Резика-голубка,
 За которую отдать миѣ
 Душу, жизнь и кровь не трудно.
 Что ее ты выдалъ замужъ,
 Это худо — такъ ужъ худо!

30

35

3. Докторъ. 1833

„Докторъ правъ, законникъ-докторъ!
Что за мной ты ходишь часто?
Не веду ни съ кѣмъ я тяжбы,
Чтобъ мое хранилъ ты право;
Не слыхать о смерти тетки,
Смерти тетки, дѣвы старой,
Чтобы мнѣ помогъ ты, докторъ,
Получить ея богатство;
По годамъ еще не время
Договоръ писать мнѣ брачный.
Докторъ правъ, законникъ-докторъ!
Что за мной ты ходишь часто?“.

5

10

„Не сердися, не сердися,
Нашихъ дѣвъ краса и слава!
Проживай себѣ безъ тяжebъ!
Дай Богъ вѣку теткѣ старой!
На шестнадцатомъ годочкѣ
Въ бракъ вступать какъ будто рано;

15

Что любить тебя ужъ время,
 Изъ твоихъ мнѣ взоровъ ясно.
 Не перо въ судахъ, а сердце
 Хочетъ, раненое тяжко,
 Быть въ любви тебѣ къ услугамъ,
 И оно-то силой тайной
 Взоры, помыслы и ноги
 За тобою водить часто,
 О изящнѣйшая роза,
 Нашихъ дѣвъ краса и слава!“.

20

25

4. Турьяцкая Розамунда. 1832

На дворѣ въ Турьяцкомъ замкѣ
Дубъ вздымается высоко;
За столомъ подъ нимъ изъ камня
Кругъ гостей сидитъ отборный:
То влюбленнымъ въ Розамунду
Задалъ пиръ хозяинъ снова.

5

Розамунда, гордость края,
Между дѣвъ цвѣтетъ, какъ роза;
Взоры глазъ ея, перуны —
Только съ неба голубого —
Пламя въ витязяхъ отважныхъ
Возжигаютъ вкругъ далеко.

10

Жениховъ при ней не мало:
Трое изъ страны волошской*),

*) Изъ Италіи, такъ какъ словѣнцы, вмѣстѣ со многими другими славянами, называютъ итальянцевъ влахами (ла-хами), что по-русски будетъ „волохи“.

Трое изъ страны нѣмецкой, 15
Трое — края честь родного,
Съ ними также Островерхарь,
Воинъ храбрый безъ упрека.
Онъ красою и отвагой
Тронулъ сердце дѣвы гордой 20
И узналъ, что можетъ сватать
У отца ее и рода.

И отецъ ему устроилъ
Пиръ великій и почетный,
Слово далъ за Розамунду, 25
Сватовъ слать велѣлъ, чтобъ дочка
Черезъ три недѣли съ ними
Домъ покинула отцовскій.

Вотъ пѣвецъ, кругомъ извѣстный,
Приближается къ вельможамъ; 30
Сталъ онъ витязей побѣды
Воспѣвать со струннымъ звономъ
И дѣвицъ прелестныхъ взоры,
Что сердца язвятъ жестоко.
А когда онъ пѣсню кончилъ, 35
Розамунды гордой тетка
Такъ спросила, чтобъ воздалъ онъ
Честь надъ всѣми ей высоко:

„Намъ повѣдай, такъ какъ видѣлъ
Ты краевъ различныхъ много: 40

Есть ли гдѣ дѣвица краше,
Чѣмъ предъ нами здѣсь красотка?“.

„Богъ пошли княжнѣ здоровья,
Дочерей красы такой же,
Такъ же въ свѣтѣ знаменитыхъ, 45
И сыновъ во славу рода!
Въ краѣ цесарскомъ*) нѣтъ краше,
Чѣмъ турьяцкая красотка;
Лишь сестра паши, что въ Боснѣ,
Красоты въ дни наши солнце, 50
Препрославленная всюду,
Если слухамъ вѣрить должно, —
Лишь она, быть можетъ, краше,
Чѣмъ твердынь турьяцкихъ роза“.

Это дѣвицу задѣло, 55
Не по праву ей пришлось;
Щеки вспыхнули румянцемъ,
И она, сверкая взоромъ,
Островерхарю съ досадой
Такое молвить слово: 60

„Я слыхала, что босняки
Христіанъ въ полонъ уводятъ.
Стыдно вамъ, что и понынѣ
Бѣдняковъ гнететъ неволя.

*) Въ Австріи.

Изготовься, Островерхарь, 65
 Призови друзей на помощь,
 У наши сестру добудьте,
 Если годны вы для боя.
 Земляковъ вамъ нашихъ турки
 За нее дадутъ охотно. 70
 Безъ дѣтей мой бракъ да будетъ,
 Безъ веселья дряхлый возрастъ,
 Если мужа я признаю
 И приму къ себѣ на лоно
 Прежде, чѣмъ сюда боснячку 75
 Привезешь ты, чтобы можно
 Было видѣть, такъ ли ясно,
 Какъ мы слышимъ, это солнце!“. .

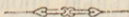
И женихъ ея, не медля,
 Кликнулъ кличъ своимъ холопамъ, 80
 По друзей послалъ сосѣднихъ,
 Опоясалъ мечъ свой острый,
 Быстро двинулся на турокъ,
 Покаясь дѣвѣ строгой.
 Колпа*) — рѣчка небольшая, 85
 Не сильна на ней сторожа;
 Отъ его руки могучей
 Прочь бѣжить босняковъ войско;
 Онъ наши разноситъ замокъ,
 Всѣхъ выводитъ изъ полона, 90

*) Рѣка на боснійской границѣ, впадающая съ правой стороны въ Саву.

И паши сестру съ собою
Забираетъ витязъ ловкій,
Дѣву прелести небесной,
Красоты въ то время солнце.

Больше самой Розамунды 95
Полюбилъ онъ Лейлу скоро;
Не въ Турьяцкій замокъ ѣдетъ
Онъ съ красавицей, а въ домъ свой.
И ея забилося сердце
Къ Островерхарю любовно. 100
Ужъ исламъ она отвергла
И обычаи Востока,
А когда она постигла
Вѣры правила Христовой,
Окрестилъ и обвѣчалъ съ нимъ 105
Капелланъ ее домовый.

Розамунда, міръ покинувъ,
Стала инокиней строгой.

5. Еврейская дѣвушка. 1845

Лѣсцы*) — слободка не бѣдна,
Красивыхъ дѣвушекъ полна;
Межъ нихъ еврейка есть одна.

Тамъ наши ходять то въ соборъ,
То на базаръ, гдѣ есть просторъ,
И тѣмъ, кто милъ, свой тѣшатъ взоръ.

5

Народа избраннаго дочь
Сидить все дома день и ночь,
Не отойдетъ отъ двери прочь.

Пришла суббота въ свой чередъ;
У насъ лишь малый ей почетъ,
Зато еврей ее блюдетъ.

10

Еврейскій храмъ отъ нихъ далекъ.
До половины день истекъ;
Насталъ ея терпѣнью срокъ.

15

„Сидѣть мнѣ тяжело день денской;
Пусти меня, родитель мой,
Гулять въ звѣринецъ городской.

*) Мѣстечко Моравскаго прихода (волости) въ Крайнѣ;
по-нѣм. Lees.

Цвѣты роскошно тамъ цвѣтутъ,
Тамъ птички весело поютъ, 20
Олени травку тамъ жуютъ“.

Пришла въ звѣринецъ городской,
Какъ вдругъ навстрѣчу ей одной
Крещеный парень молодой.

За руки бѣлыя поймалъ, 25
Къ себѣ на грудь ее прижалъ,
Слова такія ей сказалъ:

„Что люди всѣ — мои друзья,
Внушаетъ вѣра мнѣ моя;
Тебѣ, еврейка, миль ли я?“ 30

Еврейка руки отняла,
Чуть горькихъ слезъ не пролила,
Такой отвѣтъ ему дала:

„Любить меня тебѣ вольно,
Но знаемъ оба мы равно, 35
Что въ жены взять запрещено“.

Въ слезахъ пошла она домой,
Предъ Богомъ рокъ винила свой,
Что парень вѣры былъ иной.

Но въ садъ не разъ ходила вновь; 40
Что разны вѣра ихъ и кровь,
Забыть заставила любовь.

*Mr. Kline
1 Sep 11*

6. Лѣкарство отъ любви.

1837

У юноши дѣва, красавиць всѣхъ цвѣтъ,
Угасла всего восемнадцати лѣтъ.

Онъ клялся остаться ея женихомъ
И полгода плакалъ и ночью и днемъ.

И тяжело скорбѣлъ онъ и тяжело вздыхалъ,
День каждый могилу ея посѣщалъ.

5

А мать говорить: „Будь покорень судьбѣ.
Богъ далъ мнѣ трехъ братьевъ, трехъ дядей тебѣ.

„Братъ первый — купецъ; онъ лопатой трепетъ
Рубли и червонцы, забывъ имъ и счетъ.

10

„Онъ весело ѣздитъ туда и сюда;
На свѣтъ нагладишься ты съ нимъ безъ труда.

„Ступай-ка къ нему, посмотри-ка на свѣтъ:
Нигдѣ недостатка въ красавицахъ нѣтъ.

„Увидишь красивѣй, богаче, умнѣй 15
Дѣвицъ ты другихъ и забудешь о ней.

„А если тоска твоя тамъ не пройдетъ,
Назадъ возвращайся сюда черезъ годъ.

„Второй у меня есть въ обители братъ,
Твой дядя другой; онъ — ученый аббатъ. 20

„Аббатъ и монахи — то мудрый народъ;
Авось твое сердце при нихъ заживетъ.

„Молитвенникъ, постъ, одиночество, трудъ
Покой въ твою душу больную вернуть.

„А если тоска твоя тамъ не пройдетъ, 25
Назадъ возвращайся сюда черезъ годъ.

„Мой третій братъ — воинъ; въ рукахъ его рать.
Домой приходи, не снѣши унывать.

„Въ сраженіяхъ прелесть великая есть:
То — ратныхъ подруга, военная честь. 30

„И раньше еще, чѣмъ исполнится годъ,
Тоска твоя въ войскѣ безслѣдно пройдетъ“.

То тотъ, то другой приводилъ онъ предлогъ,
Но матери долго перечить не могъ.

Купецъ ободрилъ его лаской своей, 35
Червонцевъ ему не жалѣлъ и рублей,

Изъ города въ городъ съ собою возилъ,
Просилъ лишь о томъ, чтобы веселъ онъ былъ.

И, свѣтъ съ нимъ далеко кругомъ оглядѣвъ,
Повсюду не мало увидѣлъ онъ дѣвъ; 40

На умныхъ, богатыхъ, красивыхъ смотрѣлъ,
Но мертвой подруги забыть не умѣлъ.

И къ матери въ день, какъ исполнился годъ,
Съ тоской еще большей назадъ онъ идетъ.

Какъ прежде, онъ сталъ на могилу ходить, 45
Вздыхать безнадежно и слезы точить.

Пошелъ онъ въ обитель, гдѣ материнъ братъ
И дядя его былъ, ученый аббатъ.

Аббатъ и монахи, хоть мудрый народъ,
Не могутъ найти его горю исходъ. 50

Наукой, постомъ и молитвой святой
Не въ силахъ себѣ воротить онъ покой.

И къ матери въ день, какъ исполнился годъ,
Съ тоской еще большей назадъ онъ идетъ.

Какъ прежде, онъ сталъ на могилу ходить,
Вздыхать безнадежно и слезы точить.

55

„Ты къ третьему дядѣ, мой сынъ, поспѣши,
Чтобъ выгнать печаль изъ болящей души“.

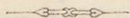
Онъ въ войско вступилъ; не страшилъ его бой;
Была его цѣль въ немъ не честь, а покой.

60

И прежде еще, чѣмъ исполнился годъ,
Письмо уже къ матери братъ ея шлетъ, —

За черной печатью листокъ роковой:

„Твой сынъ воротилъ свой душевный покой“.

7. Водяной*).

Издревле люблянки красою извѣстны,
Но Урси милѣй не бывало дѣвицы,
Красавицъ такой не бывало царицы
Изъ дѣвъ ни одной, ни одной молодежи.
Какъ между звѣздами денница свѣтла,
Такъ дѣвъ всѣхъ красивѣе Урся была.

И много тогда и невѣсть и замужнихъ
Невѣдомо слезы о томъ проливало,
Что милаго сердце по Урсѣ страдало;
Но ею плѣненныхъ все было ей мало:
Идетъ о мужчинѣ гдѣ лестная рѣчь,—
Его она силится въ сѣти завлечь.

*) Какъ видно изъ послѣдующаго, демонъ, олицетворяющій собою главную рѣку Крайны, Саву, которая беретъ свое начало тамъ же, около Бохинскаго озера (Wocheinsee), принимаетъ въ себя слѣва Кокру (Kanker) и Быстрицу (Feistritz), а справа — Сору (Zeier) и Люблянку (Laibach, куда водяной сначала и увлекаетъ свою жертву) и впадаетъ въ Дунай подъ Бѣлградомъ.

Умѣла взманить и обрѣзать умѣла,
 Быть строго-надменна и мило-свободна,
 Плѣнять молодыхъ и быть старшимъ угодна; 15
 Сполна была хитрость ей женская сродна;
 Съ холоднымъ трудовъ не жалѣла, ни силъ,
 Пока не добьется, чтобъ ей лишь онъ жилъ.

Въ одно воскресенье, ужъ послѣ обѣда,
 Плясать подъ цимбалы и трубы и скрипки 20
 Сошлись молодцы вкругъ развѣсистой липки
 И съ ними любянки, проворны и гибки.
 Межъ всѣми тамъ Урся, какъ солнце, видна;
 Но долго плясать не хотѣла она.

Хоть многіе просятъ, она несогласна, 25
 Участіе въ танцахъ свое отдаляетъ,
 Все вновь отговорки хитро измышляетъ.
 Ужъ солнце заходить, свой блескъ умалетъ,
 Ужъ пробило семь, вотъ восьмой уже часъ;
 Тогда только Урся плясать собралась. 30

Мужчинъ оглядѣвъ, плясуна выбираетъ;
 Увидѣла парня въ толпѣ молодого;
 Не сыщешь подъ солнцемъ красавца такого;
 Плясать съ нимъ любая была бы готова.
 Ужъ новое Урсю манить торжество, 35
 И съ нѣжностью смотреть она на него.

То парень замѣтилъ и къ Урсѣ подходитъ.
 „На пляску съ собой не лишай меня права:

Туда, гдѣ въ Дунай изливается Сава,
Дошла до меня красоты твоей слава. 40
Вотъ, Урся, пришелъ я изъ дальнихъ краевъ,
Вотъ, Урся, плясать я съ тобою готовъ“.

Ей такъ говоря, поклонился онъ низко.
Съ улыбкой любезной она отвѣчала:
„Не шла ни съ однимъ танцовать я сначала; 45
Скажу, не шутя: я тебя поджидала.
Подай же мнѣ руку скорѣй и пойдемъ!
Ужъ солнце садится, пустьѣть кругомъ“.

Плѣнительный юноша подаль ей руку,
И словно на крыльяхъ чета полетѣла, 50
Какъ будто коснуться земли не хотѣла;
Порхали они, какъ два духа безъ тѣла;
Не видно, какъ наземь ступаютъ ногой,
Какъ если бъ ихъ вѣтеръ носилъ круговой.

То видя, всѣ въ ужасѣ стали на мѣстѣ, 55
Смычки опустились, и скрипки молчали;
Когда же и трубы уже не звучали,
Тогда каблуки молодца застучали.
„Что скрипки и трубы мнѣ?“, крикнулъ плясунъ:
„Пусть звуки другихъ здѣсь услышу я струнъ!“ 60

Тутъ быстро нагрянули черныя тучи,
Послышалось въ небѣ громовъ рокотанье,
Послышалось вѣтровъ лихихъ завыванье,
Послышалось бурныхъ ручьевъ клекотанье,

И волосы дыбомъ поднялись у всѣхъ. 65
Охъ, Урся-красотка, ужъ это не смѣхъ!

„Не бойся ты, Урся! ступай лишь быстрѣ,
Не бойся“, сказалъ онъ, „громовъ рокотанья,
Не бойся ручьевъ ты моихъ клокотанья,
Ни вѣтровъ еоюзныхъ со мной завыванья; 70
Скорѣй лишь, скорѣй лишь вертись и не стой,
Скорѣй лишь, скорѣй лишь: пора ужъ домой“.

„Охъ, дай отдохнуть мнѣ, плясунъ несравненный,
Чтобъ на землю ногу поставить могла я“. —
„Не близко, не близко до нашего края, 75
Гдѣ Сава вливается въ воды Дуная.
Ждетъ страстно потокъ тебя, Урся, рѣчной.
Скорѣй лишь, скорѣй лишь вертись и не стой!“.

И тутъ они вдругъ завертѣлись быстрѣ,
Почти надъ землею ужъ кружиться пустились, 80
Три раза у самой рѣки закрутились,
Танцуя, въ ревущихъ волнахъ очутились.
Увидѣли кругъ рыбаки на водѣ,
Но Урси никто не видалъ ужъ нигдѣ.

1836
21.81

8. Вторичное погребеніе.

Жилъ-былъ поэтъ, хотъ бѣдный, но славный межъ
людей;

Сложилъ онъ много пѣсенъ, особенно о ней, —
О ней, своей Северѣ, безчувственной красѣ,
Которой не смягчили его творенья всѣ.

Весна пришла обратно, ликуеть цѣлый свѣтъ;

5

Ея ли чары въ поле манять тебя, поэтъ?

Зачѣмъ съ какой-то склянкой ремень поверхъ
плеча?

Быть можетъ, пьешь ты воды, недугъ въ себѣ лѣча?

Зачѣмъ ты такъ задумчивъ и робко такъ глядишь?

О ней ли, о веснѣ ли ты пѣсенку творишь?

10

Никто не зналъ, что думалъ въ то время нашъ поэтъ:

Уста его замолки, пропалъ въ ланитахъ цвѣтъ.

Нашли его лежащимъ со склянкою пустой;

Не льется кровь по жиламъ, не слышенъ сердца
бой.

Всѣ спрашиваютъ, кто бы убить поэта могъ;

15

Никто того не видѣлъ, и знаетъ развѣ Богъ.

Къ нему на погребенье спѣшать со всѣхъ сторонъ;
Ея лишь нѣтъ, въ которой души не чаялъ онъ.
Не дома ль предается слезамъ она одна?
Ахъ, нѣтъ: едва ли плакать могла по немъ она. 20

Зачѣмъ творить молитвы такъ спѣшно іерей,
Какъ будто съ отпѣваньемъ лишь кончить бы ско-
рѣй?
Сегодня будетъ свадьба — затѣмъ спѣшитъ онъ
такъ:

Красавица Севера вступаетъ съ кѣмъ-то въ бракъ.
Онъ съ вечера вѣнчалъ ихъ, до ночи пировалъ, 25
А ночью изъ-за пира ужъ навеселѣ всталъ;
Когда пришелъ къ могиламъ, гдѣ царствуетъ покой,
Онъ громкій споръ услышалъ подъ сѣнью гробовой.

Ворота отворились — поэтъ стоитъ предъ нимъ.
„Зачѣмъ мнѣ мѣсто дали подъ прахомъ вы святымъ? 30
Вѣдь я — самоубійца, и споръ ведется тамъ
О томъ, что трупъ мой отданъ быть долженъ на-
лачамъ.“

„Искалъ я смерти въ ядѣ, чтобъ милой не мѣшать;
Зачѣмъ собою мертвыхъ покоя мнѣ лишать?“
Лежалъ на утро вырыть поэтъ поверхъ земли. 35
Съ разбойниками вмѣстѣ бѣднягу погребли.

9. Нстлѣнное сердце.

1847

Могилу разрываютъ для новаго жильца;
Открылись молодого вдругъ очерки лица.
Могильщики сробѣли, попятились назадъ;
Смѣлѣйшіе межъ ними въ него вперяютъ взглядъ.

Красиво, скажетъ всякій, высокое чело, 5
Лишь облако съ него бы угрюмое сошло;
Красивъ бѣ ликъ былъ блѣдный, красивы и уста,
Когда бѣ ихъ словно гнѣва покинула черта.

На воздухѣ отъ тѣла нѣтъ вскорѣ и слѣда, 10
Лишь сердце передъ ними лежало безъ вреда.
Оно все такъ же бьется, въ немъ жаръ еще такой,
Какъ если бѣ находилось въ груди оно живой.

Всѣ знать желаютъ, кто здѣсь послѣднимъ погребенъ:

Ужъ не былъ ли святой онъ, что тлѣньемъ пощаженъ?

Отброшенный сначала замѣтили гранить; 15
Отъ мха онъ былъ очищенъ, и надпись тамъ гла-
силь,

Что преданъ погребенью здѣсь Доброславъ-поэтъ,
Кѣмъ пламень сердца нѣжный плѣнительно вос-
пѣтъ,
Воспѣта въ пѣсняхъ славныхъ любимой дѣвы честь,
Внимавшей равнодушно стиховъ умильныхъ лестъ; 20

Когда же ею избранъ былъ юноша другой,
Изъ устъ его ужъ пѣсни не вышло ни одной,
Ни въ Богѣ утѣшенья, ни въ людяхъ не искалъ,
Ни въ радости онъ смѣха, ни въ горѣ слезъ не
зналъ;

Жилъ послѣ, какъ попало, не святъ, а развращенъ, 25
Безъ исповѣди умеръ и не былъ причащенъ.
Рѣшили всѣ, что нѣтъ въ немъ святого ничего,
Рѣшили всѣ, что сердце не можетъ быть его.

„Нѣтъ, то поэта сердце“, сказалъ старикъ сѣдой:
„А будь оно святого, въ немъ кровь нашла бъ 30
покой.“

Его хранить не святость, а пѣсенъ вѣчныхъ мочь,
Которыя носилъ онъ въ груди и день и ночь.

„Его мы сердце вскроемъ, на волѣ помѣстимъ,
Пока минетъ день этотъ и ночь вослѣдъ за нимъ,

Другое солнце встанетъ и бѣлый день придетъ; 35
Тогда его посмотримъ, какъ снова разсвѣтетъ.

„Пускай его остудятъ и вѣтеръ и роса,
Пускай все то, что солнце, луна и небеса
Ему внушили въ жизни, уйдетъ своимъ путемъ;
Тогда, когда затлѣетъ, его мы погребемъ“. 40

И сердце распластали; лежало ночь и день
Оно подъ яснымъ небомъ. Когда почную тѣнь
Прогналъ надъ нимъ день новый, оно, какъ снѣгъ
въ теплѣ,
Растаяло безслѣдно, не давъ себя землѣ.

10. Рыбакъ. 1838

Всю ночь молодой разъѣзжаетъ рыбакъ;
Звѣзда ему свѣтитъ съ небесъ, какъ маякъ,
Морскіе пути ему кажутся сквозь мракъ.

Не мало ужъ лѣтъ той звѣзды красота
Душѣ его юной мила и свята,
О ней лишь живетъ въ его сердцѣ мечта.

5

Летитъ ли навстрѣчу ему ураганъ,
Грозитъ ли пожрать его сомъ-великанъ,
Разверзнетъ ли бездну предъ нимъ океанъ, —

Вездѣ выручаетъ звѣзды его свѣтъ;
Къ ней юноша чистой любовью согрѣтъ
Такъ по морю плавалъ не мало ужъ лѣтъ.

10

И вотъ межъ волнами открылся проходъ,
И въ немъ показался дѣвицъ хороводъ,
По поясъ нагія красавицы водъ.

15

Играютъ, смѣются, поютъ ему такъ:
„О вѣрное сердце, блаженный рыбакъ!
Къ ней долго ли будешь пылать ты, чудакъ?

„Признайся, рыбакъ, намъ открой безъ стыда:
Ты ждешь ли, чтобъ съ неба упала звѣзда? 20
Ты крыльевъ ли ждешь, чтобъ подняться туда?

„Въ другомъ бы изсякъ ужъ терпѣнья запасъ,
Въ другомъ бы отъ скуки ужъ пламень погасъ,
Другой бы не думалъ такъ бѣгать отъ насъ.

„Другой бы, чей взоръ по ночамъ не закрыть, 25
Узналъ, какъ къ охотнику близко стоитъ
Сама красота, что тебя такъ томить“.

Все правда (о, если бъ то было не такъ!),
Все правда въ той пѣснѣ, что слышитъ рыбакъ;
Надежда убита, въ душѣ его мракъ. 30

Налегъ онъ на весла, челнокъ свой погналъ,
И нѣтъ ему дѣла до вихрей и скаль;
Звѣзды своей въ небѣ ужъ онъ не искалъ.

И знаетъ онъ только — грести да грести;
А что его цѣль на опасномъ пути? 35
Пѣвицъ ли догнать? отъ себя ли уйти?

Боюсь, утонулъ онъ, звѣздой не хранимъ;
Такъ пусть же, кто внемлетъ совѣтамъ моимъ,
Любя безъ надежды, не ѣздитъ за нимъ!

11. Женская вѣрность.

1847

Скрипачъ былъ веселый, собой молодецъ,
Гораздый играть, да къ тому жъ и пѣвецъ.

Гдѣ свадьба, гдѣ праздникъ, гдѣ танцы идутъ,
Туда скрипача непремѣнно зовутъ.

Игрою онъ, бывало, плѣнить хотъ кого,
А дѣвушкамъ любо глядѣть на него.

5

Особенно Машенька, старосты дочь,
Очей не отводитъ отъ молодца прочь.

И чистымъ огнемъ его сердце зажгла
Богатая Маша, царица села.

10

Напрасно поклонники выются за ней:
Ему лишь сіяетъ привѣтъ изъ очей.

И въ чемъ скрипача обнадеживалъ взоръ,
То нѣжный потомъ подтвердилъ разговоръ.

Отецъ не сочувствуетъ дочкѣ ничуть,
Но можно умаслить его иль надуть. 15

Клянется она быть женой молодца
Иль въ дѣвкахъ остаться, не вѣдать вѣнца.

Чиновникъ тамъ въ городѣ — славный женихъ:
Доходъ у него — восемьсотъ золотыхъ. 20

На нихъ и на то, что онъ скопить потомъ,
Легко содержать и семейство и домъ.

По городу рыщетъ во все онъ концы:
Зовутъ его братья невѣсть и отцы.

Поклонъ отъ мамыши, отъ дочери взоръ 25
Ну такъ вотъ и тянутъ его на сговоръ.

Но что-то внезапно случилось съ нимъ:
По мѣсяцамъ въ городѣ сталъ онъ незримъ.

И скоро извѣстie всѣхъ обошло,
Что къ старостѣ онъ зачастилъ на село. 30

Вѣдь староста самъ — неотесанный пенъ;
Что дѣлать тамъ щеголю изо дня въ день?

Привѣтлива дочка его и мила;
Но сердце она скрипачу отдала.

Великія Марьи*) настали опять, 35
И Машѣ пора именины справлять.

Вотъ время себя показать передъ ней —
Устроить привѣтъ для нея поѣжнѣй.

Три скрипки гудятъ у нея подъ окномъ:
Женихъ то играетъ съ друзьями втроемъ. 40

Гудятъ подъ окномъ они три ужъ часа,
А все не является Маша-краса.

Скрипачъ налегаетъ на струны сильнѣй;
Прощается съ кѣмъ-то она у дверей.

Струна разскочилась, умолкла игра; 45
Ахъ, это, скрипачъ, не пророчить добра!

Зарекся, заклеялся скрипачъ молодой,
Что въ жизни струны не натянетъ другой.

На Малыя Марьи**), одѣта въ фату,
Хозяйкою Маша пошла ко кресту. 50

—

„Когда же ты будешь, скрипачъ, веселѣй?
Когда перестанешь стыдиться людей?

„Вѣдь дѣвка любая — пойми наконецъ —
Мечтаетъ о томъ, чтобы стать подъ вѣнецъ.

*) Успеніе. **) Рождество Богородицы.

„Зачѣмъ тебѣ было богатой искать? 55
У ней безъ тебя жениховъ благодать“.

Пріятели такъ скрипачу говорятъ,
Пока не проявился вновь его взглядъ.

Струна лишь ему отравляетъ покой:
Ее замѣнить онъ не смѣетъ другой. 60

Кто на руку ловокъ и боекъ умомъ,
Тому никакая бѣда ни по чемъ.

Опять ужъ у молодца скрипка въ рукахъ:
Онъ началъ на трехъ упражняться струнахъ.

Годъ минулъ одинъ, на исходѣ другой — 65
На трехъ ужъ играетъ скрипачъ молодой,

Какъ прежде на всѣхъ четырехъ не игралъ,
И больше чиновника денегъ набралъ.

Гдѣ свадьба, гдѣ праздникъ, гдѣ танцы идутъ,
Туда скрипача непременно зовутъ. 70

Вотъ разъ, въ понедѣльникъ, немножко хмельной,
Онъ шелъ съ именинъ на разсвѣтъ домой.

Дѣвица, что розанъ, стоитъ у дверей;
Слеза за слезою течетъ изъ очей.

„О дѣвица красная, цвѣтикъ ты мой! 75
Скажи: что случилось, бѣдняжка, съ тобой?“.

„Ахъ, батюшка боленъ въ избушкѣ лежитъ;
Похлебкой пустою не будетъ онъ сытъ“.

Скрипачъ былъ душою отнюдь не жестокъ;
Онъ дѣвицѣ полный даетъ кошелекъ. 80

Зато ему стала знакома тоска:
Влюбился онъ по уши въ дочь бѣдняка.

Не долго по ней онъ томился вдали,
И скоро у нихъ поцѣлуи пошли.

Клянется быть вѣрной она до конца; 85
Назначенъ предъ масленой срокъ для вѣнца.

Домой изъ кампаніи войско пришло;
Идетъ мушкетеръ на побывку въ село.

Успѣли минутъ ужъ два года съ тѣхъ поръ,
Какъ малаго взяли насильно въ наборъ. 90

Горючія слезы катились ручьемъ
У той, что плѣнилась теперь скрипачомъ.

Сошлись въ воскресенье подъ липой плясать;
Что видишь, скрипачъ мой? ну, какъ не сказать,

Что ржавѣть не можетъ былая любовь 95
И девять разъ въ сердцѣ появится вновь?*)

Что злобно ты взоромъ поводишь вокругъ?
Что въ струны свирѣпо ударилъ ты вдругъ?

Съ возлюбленнымъ мимо несется она;
На скрипкѣ еще отскочила струна. 100

Зарекся, заклился скрипачъ молодой,
Что въ жизни струны не натянетъ другой.

„Вѣдь глупость и бѣдность — порода одна:
Такая дѣвица тебѣ не жена.

„Возьмись-ка за скрипку, да Бога хвали, 105
Что брачныя узы тебя обошли“.

Пріятели такъ скрипачу говорятъ,
Пока не проявился вновь его взглядъ.

Струна лишь ему отравляетъ покой:
Ее замѣнить онъ не смѣетъ другой. 110

Онъ долго не сталъ по струнѣ тосковать
И скоро на двухъ научился играть.

Гдѣ свадьба, гдѣ праздникъ, гдѣ танцы идутъ,
Туда скрипача непременно зовутъ.

*) Пословица.

Справлялъ именины супруги баронъ; 115
Нашъ славный скрипачъ и туда приглашенъ.

Красивая въ замкѣ служанка была,
Бѣдовая дѣвка, — ловка и мила.

Хоть ей двадцати еще не было лѣтъ,
Она изучила до тонкости свѣтъ. 120

Слыхала она отъ госпожъ молодыхъ,
Какъ ловится въ сѣти оплошный женихъ.

Въ очахъ ея вѣрность читаетъ скрипачъ
Въ награду за горе отъ двухъ неудачъ.

Какъ ласкова съ нимъ, какъ умильна она! 125
Скрипачъ, берегись: то приманка одна.

Настать не успѣла вечерняя тьма, —
Скрипачъ отъ плутовки ужъ былъ безъ ума.

Гдѣ бъ ни былъ онъ, видѣть желалъ лишь ее
И ей посвятилъ пѣснопѣнье свое. 130

Она общается забыть о другихъ;
Твердить ей о свадьбѣ блаженный женихъ.

Назначенъ былъ въ замкѣ торжественный балъ,
Какъ младшую дочку баронъ выдавалъ.

Вотъ гости одни за другими катятъ,
Межъ ними невѣстинъ изъ города брать. 135

Шампанское пьютъ, кое-кто подгулялъ;
Такъ шель безъ помѣхъ до полуночи балъ.

И вотъ ужъ скрипачъ заигралъ котильонъ;
Всѣ спрашивать стали: гдѣ младшій баронъ? 140

Ужъ съ нимъ не случился ли казусъ какой,
Что медлить онъ пары водить за собой?

На поискъ одинъ изъ лакеевъ пошелъ,
За первымъ другой былъ отправленъ посоль.

И на ухо было рассказано всѣмъ,
Гдѣ найденъ баронъ и что дѣлалъ и съ кѣмъ. 145

Когда скрипачу объяснили скандалъ,
Съ лица его разомъ румянецъ пропалъ.

Забѣгалъ свирѣпо смычокъ по струнамъ;
Одна изъ послѣднихъ летить пополамъ. 150

Зарекся, заклился скрипачъ молодой,
Что въ жизни струны не натянеть другой.

Цѣлительно время: три года прошло, —
И снова лицо его стало свѣтло.

Ужъ онъ съ Паганини самимъ наравнѣ
Играть на одной научился струнѣ.

155

Веселый, игралъ на струнѣ онъ одной
И пѣлъ увлеченія жизни былой.

О женахъ и дѣвахъ пѣвалъ онъ всегда,
Что тѣмъ и другимъ довѣряться — бѣда.

160

Съ тѣхъ поръ не бывалъ онъ у женщинъ въ плѣну;
Воздалъ имъ артистъ благодарность одну:

„Отъ нихъ изловчаются руки у насъ,
Отъ нихъ въ головѣ прибываетъ запасъ“.

12. Органистъ. 1839

Органистъ, отдавшись Богу,
Міръ суетъ рѣшилъ оставить;
Чтобъ Творца въ пустынѣ славить,
Взялъ онъ цитру на дорогу.

Тамъ свои онъ пѣсни ладить
Средь пернатого народа
Отъ румянаго восхода
До поры, какъ солнце сядетъ.

5

Но его въ пареньяхъ духа
Соловьи смутили вскорѣ
И во всемъ крылатомъ хорѣ
Рознь, обидная для слуха.

10

Вотъ пришла весна другая;
Птицъ онъ юныхъ собираетъ
И на цитрѣ имъ играетъ,
Пѣсни разныя внушая.

15

Онъ дрозда на ладъ ученый
Августина пѣть заставилъ,

Снѣгирю напѣвъ исправилъ,
Разучивши съ нимъ каноны.

20

Все поетъ любви тревогу
И тоску ея и сладость
Соловей сердцамъ на радость;
Пѣвчій жалуется Богу:

„Дроздъ-носачъ, снѣгирь дебелий
Пѣсни бросили пустыя:
Стали гимны пѣть святыя;
Съ соловьемъ — хоть кинь все дѣло“.

25

Но не птицы правъ упорный
Богъ винилъ, а человѣка:
„Пусть поетъ, какъ пѣлъ отъ вѣка,
Соловей, лишь мнѣ покорный!“

30

„Еремія горько тужить,
Край чужой какъ сердцу тѣсенъ;
Соломону въ Пѣсни Пѣсенъ
Мощь любви предметомъ служить.“

35

„Я пѣвцу дарую силу
И напѣвъ, ему лишь сродный;
Пѣсенъ личныхъ даръ свободный
Да несетъ онъ и въ могилу!“.

40

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Звѣздочетамъ.

15/1832
10/1826

Чтобъ пусто всѣмъ вамъ было,
Врали мѣсяцеслововъ,
Слѣпые звѣздочеты,
Угадчики погоды!

Хотите вы премудро

5

Читать въ небесныхъ звѣздахъ,

Подасть ли милость солнца

Намъ годъ благопріятный,

Иль неба гнѣвъ подниметь

Бушующіе вѣтры,

10

Погубить нивы градомъ,

Суда потопить въ морѣ,

Побѣть на лозахъ грозди.

Слѣпые звѣздочеты!

Чтобъ пусто всѣмъ вамъ было!

15

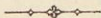
Читалъ лишь въ двухъ я звѣздахъ,

Въ очахъ своей любезной,

Читалъ въ двухъ свѣтлыхъ звѣздахъ

И въ нихъ, слѣпецъ безумный,

Дней ясныхъ видѣлъ много 20
 Съ любовію взаимной,
 Съ безоблачнымъ блаженствомъ;
 А выросли мнѣ слезы,
 И выросла забота,
 Досада, безпокойство, 25
 И стыдъ обидный выросъ.
 Двѣ, двѣ лишь обманули,
 Двѣ, двѣ лишь сбили съ толку,
 Двѣ звѣздочки мой разумъ;
 А вы хотите звѣзды 30
 Постичь на цѣломъ небѣ! —
 Врали мѣсяцеслововъ,
 Слѣпые звѣздочеты,
 Угадчики погоды,
 Чтобъ пусто всѣмъ вамъ было! 35

2. Въ память Матвѣя Чопа*). 1845

Тронулся ледъ нашъ едва; у другихъ ужъ весна
наступила;

Въ краѣ словѣнскомъ еще бурные вѣтры ревутъ.
Вотъ мы стесали свой челнъ, его съ Богомъ вру-
чили теченью;

Скаль и пучинъ избѣгать онъ научиться не могъ.
Звѣздъ мы не знали ни тѣхъ, что спасаютъ, ни
тѣхъ, что насъ губятъ;

5

Лель былъ нашъ кормчій, другой былъ онъ для
насъ Палинуръ**).

Ты нашъ челнокъ отстоялъ, паруса и кормило
поправилъ,

Ты показалъ ему путь прямо въ обитель духовъ.

*) См. предисл. стр. XV—XVI.

**) Лель — славянскій богъ любви, Палинуръ — кормчій
Энея въ его пути изъ Трои въ Италію, неожиданно уто-
нувшій въ тихую погоду, какъ Матвѣй Чопъ. Подъ Лелемъ
нѣкоторые разумѣютъ Кастельца (см. пред. стр. XVI). Вообще
о смыслѣ этого стиха спорять. Неясно и то, къ кому отно-
сятся „мы“ и „нашъ“ въ ст. 3—8 — къ одному поэту или
также къ его соплеменникамъ.

Звѣздъ, незнакомыхъ тебѣ, не имѣло поэзіи небо,
 Всѣхъ просвѣщенныхъ племенъ ты языками вла-
 дѣлъ. 10

Римлянинъ что, господинъ надъ вселенной, что
 грекъ велемудрый,

Что итальянецъ, французъ, нѣмецъ, испанецъ
 и бриттъ,
 Чехъ и полякъ и что русскій и сербъ и что родъ
 нашъ словѣнскій

Въ мірѣ искусствъ и наукъ раньше измыслить
 могли, —

Все безъ остатка усвоилъ ты, Чопъ, великанъ по
 познаньямъ! 15

Духа сокровища ты Крезовы въ жизни набралъ.
 Этотъ запасъ благородный не пряталъ подъ спудомъ
 ты дома:

Школьную имъ молодежь ты богатилъ и другихъ.
 Только взялся за перо ты, лежавшее прежде безъ
 дѣла,

Вдругъ на бѣду землякамъ, медленно бредшимъ
 вослѣдъ, 20

Въ омутѣ яростномъ Савы кончина тебя захва-
 тила,

Слово пресѣкла въ устахъ, вырвавъ изъ паль-
 цевъ перо.

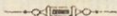
Кладъ твой отъ насъ берегаетъ земля, неподат-
 ливый сторожъ;

Матери-Славы глаза плачутъ надъ гробомъ
 твоимъ.

Влажны глаза и у насъ, у друзей, лишь тебя мы
припомнимъ, 25
Вмѣстѣ съ тобой и дары дружбы безцѣнной
твоей.

Сѣмя, что здѣсь ты посѣялъ, идетъ ужъ роскошно
въ колосья,

Намъ и за нами суля внукамъ не мало плода.
Имя и знанья твои да не будутъ, землякъ, позабыты,
Въ Крайнѣ покуда живетъ родъ тебѣ милый
словѣнь! 30

1831 Zhebelitz

3. Новая литературная школа*).

Ученикъ.

Когда ужъ всякъ въ писатели играетъ
И каждый фoфанъ съ книжкой лѣзетъ въ свѣтъ,
Тотъ нѣчто въ прозѣ, тотъ въ стихахъ мараетъ,

Теперь, что къ кучкѣ, чающей расцвѣтъ
Трудовъ словесныхъ ъзывать между нами, 5
Хочу примкнуть и я, въ томъ дива нѣтъ.

Учи меня, чтобъ былъ я признанъ вами,
Чѣмъ Крайну я въ стихахъ плѣнить могу,
Что долженъ прозы я считать красами.

Писатель.

Чтобъ числиться въ писательскомъ кругу, 10
Прими мое премудрое ученье
И заруби его въ своемъ мозгу.

*) См. предисл. стр. XII—XIII и XVII.

Коль хочешь ты у насъ имѣть значенье,
Словъ иноземныхъ бойся какъ врага,
За личное считай ихъ оскорбленье.

15

Будь проза вся безцвѣтна и нага,
Въ поэзіи ввѣрайся лишь натуѣ:
Твоя намъ будетъ муза дорога.

Коль классикомъ быть хочешь въ нашемъ кругѣ,
Ты рѣчь загни, какъ горцы, поглубѣй;
Всѣ о своемъ кричать мы будемъ другѣ.

20

Языкъ пастушьихъ изучивъ рѣчей,
Славянъ ты всѣхъ плѣнишь не безъ причины,
И воздадутъ могилѣ честь твоей:

Захватишь рѣчи ты родной пружины;
Но года на три эти брось мѣста
И удались въ овчарскія Аѳины.

25

Ученикъ.

Иль языка таится красота
У пастуховъ, которые умѣютъ
Произносить лишь прозвища скота?

30

Писатель.

Тамъ, гдѣ завѣты предковъ не слабѣютъ,
Гдѣ не мѣняютъ рѣзко языка,
Нѣмецкихъ гнусныхъ словъ не разумѣютъ.

Ученикъ.

Блаженный край! и мысль о немъ сладка.

Но тамъ, гдѣ рѣчь ужъ вовсе не богата, 35
Добыча словъ не будетъ велика.

Писатель.

Изжаренные, милый мой, цыплята

Вѣдь никому не прилетаютъ въ ротъ.

Чтобъ вѣчно жить, труда нужна затрата.

Готовыхъ словъ, ужъ годныхъ въ обиходъ, 40

Нигдѣ — хоть будь то горы, хоть долина —

Никто, не поработавъ, не найдетъ.

Прислушайся къ рѣчамъ простолюдина:

Лишь ротъ открылъ, — вся соль передъ тобой,

Всѣ языка красоты, какъ картина. 45

Тамъ корни словъ на почвѣ имъ родной;

Придай концы имъ: *-ача, -ище, -уха,*

-овъ, -овецъ, -овка или хвостъ любой —

То первый сортъ для мысли и для слуха!

Такъ всѣхъ славянъ затмишь ты безъ труда, 50

И предъ тобой Добровскій *) будетъ — муха.

Ученикъ.

Вотъ мудрость въ чемъ! прощайте, города!

*) См. предисловіе стр. X.

Какъ Аполлонъ, гуляя съ чабанами*),
Себѣ стяжаю славу навсегда.

Но Аполлонъ съ Минервой между нами 55
Жрецовъ вѣдь не имѣли искони;
Отъ римлянъ и отъ грековъ съ сѣменами

Науку попали къ намъ въ былые дни
Слова чужія; что жъ? намъ непригоже
Употреблять ихъ? вотъ что разъясни! 60

Писатель.

О, и не думай! сохрани насъ Боже!
Не порти ими нашу рѣчь никакъ!

Ученикъ.

Но у другихъ славянъ мы видимъ то же:

Татарщина у русскихъ есть, полякъ
Французить, сербъ беретъ у турокъ слово, 65
У нѣмцевъ чехъ, а онъ ли не мастакъ?

Писатель.

У нихъ по книгамъ столько, братъ, чужого
Средь стараго славянскаго зерна,
Что чистъ языкъ ихъ ужъ не станетъ снова;
А крайшница на книги такъ бѣдна, 70
Что всѣ легко обречь ихъ на сожженъе;
Фениксомъ изъ огня взлетитъ она!

*) Намекъ на преданіе о службѣ Аполлона въ пастухахъ у ферскаго (во Фракіи) царя Адмета.

Ученикъ.

Къ чему послужить книгъ уничтоженъе?
Иль ждать намъ, не ломаючи головъ,
Что словъ за нимъ начнется возрожденъе?

75

Писатель.

Просъемъ мы запасъ наличный словъ,
Зерно удержимъ, а гдѣ взятки гладки,
Тамъ изъ своихъ добавимъ мы мозговъ.

Ученикъ.

Но выдумки и старые остатки
Въ чудной смѣси — для крайнцевъ, хорутанъ, 80
Штирійцевъ будутъ темны, какъ загадки.

Писатель.

Есть у воровъ, разбойниковъ, цыганъ
Языкъ, лишь имъ понятный; рѣчь такая
Будь въ нашихъ книгахъ, — что въ томъ за
изъянъ?

Ученикъ.

Тарабарщина вамъ хоть воровская 85
Какую пользу въ книгахъ принесеть,
Когда повсюду будетъ рѣчь другая?

У васъ самихъ очистка не пойдетъ,
Отъ словъ чужихъ и ты не обезпеченъ;
Къ чему же мой боялся бы ихъ ротъ?

90

Писатель.

То разговоръ; пусть онъ не безупреченъ, —
 Лишь слуха онъ касается слегка
 И, какъ туманъ, летучъ и быстротеченъ.

Что въ книгахъ есть, то прожить вѣка,
 То и ученые прочтутъ лингвисты,
 То красоту являетъ языка.

95

Да будутъ книги у словѣнцевъ чисты!
 Когда не такъ, пусть чортъ меня возьметъ,
 Но всѣхъ поучать крайнскіе пуристы.

Чего слѣпой кружокъ вашъ не пойметъ,
 Что вашимъ забраковано совѣтомъ,
 Въ потомствѣ встрѣтитъ то себѣ почетъ.

100

Ученикъ.

Ты озарилъ мой умъ неожиданнымъ свѣтомъ.
 Чтобъ мой успѣхъ и проченъ былъ и скоръ,
 Снабди меня для пѣнія предметомъ.

105

Писатель.

Горація словамъ наперекоръ,
 Нѣтъ въ *utile et dulce**) намъ отрады:
 Намъ *utile* — зерно, а *dulce* — соръ.

*) Въ извѣстномъ стихѣ (*Ars poet.* 343): *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci* (Высшей достоинъ хвалы, кто пріятное свяжетъ съ полезнымъ.)

Ученикъ.

Теперь поють романсы и баллады,
Трагедія ужъ кѣмъ-то начата, 110
Советамъ, какъ новинкѣ, также рады.

Писатель.

Любая пѣсня мною проклята,
Которой нѣтъ славянскаго названья,
Хоть своей гнѣздо сама въ ней красота.

Любовь поють пѣвцовъ такихъ созданья 115
Во вредъ великій рѣчи и сердцамъ;
Да грянуть въ нихъ всѣ неба наказанья!

Баллады въ „Пчелкѣ“, эту гадость, срамъ,
Всѣ безпощадно истребить бы надо,
Трагедія пускай не лѣзетъ къ намъ, 120

Чтобъ краинки изъ нихъ не пили яда
И съ Юліи не брали образа,
Не ныли, не сводя съ Ромео взгляда.

Ученикъ.

Да, это было бѣ жаль: теперь сердца
Разъ шесть горять въ недѣлю, а дѣвицы 125
За перваго выходятъ молодца.

Писатель.

Баллады суть пустыя небылицы,

Но и соблазна эта вещь полна:
„Леноръ“*) гнусной всѣ онѣ сестрицы;

Трагедія, какъ и романсъ, вредна; 130
Не сочиняй ни здравицъ, ни сонетовъ:
Поетъ ихъ тотъ, чья муза нескромна.

Въ стихахъ держись хозяйственныхъ предметовъ, —
Что нужно для хлѣбовъ и для полей:
Пусть людямъ польза будетъ отъ поэтовъ! 135

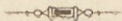
Ученикъ.

Такъ, буду пѣть по волѣ я твоей,
Картофелю что помогаетъ въ ростѣ,
Чѣмъ обезпечить рѣпу отъ червей,
Овецъ какъ лучше пользоваться въ коростѣ,
Что дѣлать, чтобъ избавиться отъ гнидъ, 140
Чтобъ на гумно не шлялись мыши въ гости.

Писатель.

Вотъ, что словесность нашу оживить!

*) Знаменитая баллада Бюргера, переведенная Преширномъ.
См. пред. стр. XVI.

4. Первая любовь.

1832

Опасные покою сердца годы,
Поры весенней годы ужъ прошли;
Видалъ расцвѣтшихъ средь чужой природы
Красавицъ я и дѣвъ родной земли;
Сердечной не былъ я лишень свободы;
Въ душѣ надежды гордыя росли,
Что не сразить любовь и не поранить
Того, кто твердо ей противостанеть.

5

Красы небесной дѣва вдругъ пришла
(Увы! зачѣмъ я этотъ образъ встрѣтилъ?);
Заря при розахъ щекъ ея тускла,
Звѣздъ пламень при очахъ ея не свѣтель;
Того навѣкъ разить любви стрѣла,
Чье сердце быстрый взглядъ ея намѣтилъ.
Кто устъ ея опишетъ красоту,
Невинныхъ персей снѣга чистоту?

10

15

Чѣмъ мнѣ къ гостямъ бѣжать, въ толпу густую,
Чтобъ тамъ забыть той женщины двойникъ,

Кого увидя въ пятницу Страстную,
Рабомъ мечты Петрарка быть привыкъ, — 20
Въ глаза ей глядя, я себя не чую,
Покуда ядъ мнѣ въ сердце не проникъ.
Съ тѣхъ поръ терплю я день и ночь мученья,
Не находя нигдѣ имъ облегченья.

Ее не тронетъ щекъ поблекшій цвѣтъ, 25
Ни стонъ умильный пѣсни сладкогласной,
Ни глазъ моихъ безъ сна потухшій свѣтъ,
Ни слезъ потокъ, сдержатъ себя не властный.
Покой исчезъ, веселья также нѣтъ,
Отчаянье кипитъ любви напрасной. 30
Такъ гордый въ мысли гибнетъ, ослабѣвъ.
Смотрѣть опасно на цвѣтущихъ дѣвъ.

Кому мила свобода золотая,
Пусть видомъ дѣвъ не тѣшитъ онъ свой взоръ!
Глаза вредили мнѣ, врага впуская; 35
Надъ ними строгій долженъ быть надзоръ:
Сквозь нихъ лежитъ любви стезя прямая,
Гдѣ разумъ нашъ не можетъ дать отпоръ.
Кто мнѣ не вѣритъ, тотъ повѣритъ дѣлу,
Мнѣ братомъ ставъ по горькому удѣлу. 40

5. Прощанье съ юностью.

1830 Feb

О дней моихъ счастливое начало,
Какъ быстро ты, о юность, пронеслась!
Цвѣтовъ отрадныхъ ты дала мнѣ мало,
И тѣ, раскрывшись, блекли въ тотъ же часъ;
Надежды солнце рѣдко мнѣ сіяло,
Ревѣли вихри ярые не разъ;
А все жъ, о юность, твой закатъ угрюмый
Привыкъ я чтить признательною думой.

5

Познанье, рано плодъ вкусилъ я твой!
Гдѣ капнетъ ядъ его, тамъ радость вянетъ.
Извѣдалъ я, какъ злобно родъ людской
Добро и честность на расправу тянетъ;
Любовь найти прямую — сонъ пустой!
Исчезнетъ онъ, какъ только день проглянетъ.
Я видѣлъ: правды, знанія, ума
Удѣлъ обычный — чуть ли не сума.

10

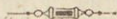
15

Я видѣлъ, какъ, съ судьбою кто не ладитъ,
По вѣтру тщетно править бѣгъ челна,

Какъ тотъ вины предъ нею не загладить,
Кого съ пелень отмѣтила она, 20
Какъ лишь деньга въ вѣнецъ безсмертья рядить,
Какъ всякому по платѣ и цѣна;
Межъ нами то лишь видѣлъ я въ почетѣ,
Чтò ложно блещетъ въ яркой позолотѣ.

И въ сердцѣ видѣ такихъ и худшихъ бѣдъ 25
Врубаль слѣды, замѣтные понынѣ;
Но и въ бѣдѣ веселость юныхъ лѣтъ
Себя мрачить не долго дастъ кручинѣ:
Изъ облаковъ ей замки шлютъ привѣтъ,
Зеленый лугъ ей грезится въ пустынѣ; 30
Вездѣ надежды животворный лучъ
Мелькаетъ ей коварно изъ-за тучъ.

Не думаетъ она, что отъ дыханья
Любого вѣтра призраки падутъ,
Позабываетъ прошлыя страданья, 35
Не помнитъ ранъ, какъ только подживутъ,
Пока года не принесутъ сознанья,
Что лишь въ бездонный лили мы сосудъ.
Зато, о юность, твой закатъ угрюмый
Я буду чтить признательною думой. 40

6. Глосса.

1833 Zhevdiz

Глупъ, кто риемы подбираетъ;
Смѣхъ на этого болвана!
Вѣчно жертва онъ обмана,
Голь живетъ и умираетъ.

Что мы слышимъ о Гомерѣ?
Онъ терпѣлъ подъ старость голодъ;
Зналъ Овидій въ Понтѣ холодъ.
На любомъ провѣрь примѣръ:
Намъ свидѣтель Алигьери,
Какъ судьба пѣвцовъ караетъ;
Всякій, кто стихи мараетъ,
Пусть припомнитъ о наградѣ
Донъ-Кихоту, Лузіадѣ...*)
Глупъ, кто риемы подбираетъ.

5

10

*) Гомера древніе представляли себѣ слѣпцомъ, снискивавшимъ свое пропитаніе пѣснями. Овидій былъ сосланъ Августомъ въ страну дикихъ гетовъ, на югъ отъ Дуная, близъ Понта (Чернаго моря), гдѣ климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ Италіи. Данте Алигьери испыталъ въ жизни много горя, какъ и авторы „Донъ-Кихота“ и „Лузіады“, Сервантесъ и Камюэнсъ.

„Въ пѣсни польза намъ какая?
 Что Петрарки, что намъ Тассы?“,
 Признается безъ прикрасы
 Встарь и нынѣ чернь тупая.
 Кто блаженствуетъ, внимая
 Отъ народнаго баяна,
 Какъ мы били оттомана,
 Кто, къ родной приверженъ лирѣ,
 Книжки „Пчелки“ чтить четыре, —
 Смѣхъ на этого болвана!

15

20

Съ коробкомъ торговецъ бродить,
 Лишь въ свой умъ лукавый вѣрить,
 Полотно и ленты мѣрить,
 Глядь — ужъ домъ себѣ заводить.
 Пусть въ Китай поэтъ уходитъ,
 Пусть идетъ до океана,
 Пусть, божественнаго сана
 Увлеченъ мечтой напрасной,
 О дѣвицѣ грезить красной, —
 Вѣчно жертва онъ обмана.

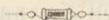
25

30

Но поэтъ при всемъ онъ этомъ.
 Быть вы можете богаты,
 Покупать себѣ палаты,
 Хоть зимой въ нихъ жить, хоть лѣтомъ.
 Вмѣсто храминъ надъ поэтомъ
 Небо кровь свой простираетъ,

35

Въ солнцѣ золото играетъ,
Серебро на травѣ влажной.
Ими счастливъ, онъ отважно
Голъ живетъ и умираетъ.

ЭПИГРАММЫ.

1-14. снзг. 12/ 1832

1. Предисловіе и оправданіе.

..... feriuntque summos
Fulmina montes.

Пусть мыслить всякій, кто стрѣлой моей задѣтъ,
Что молнія разить высокій лишь предметъ.

2. Условіе не-золотого вѣка.

Давно ужъ золотой насталь бы вѣкъ у насъ,
Когда бъ на классика давалъ намъ право классъ*).

3. Новый Пегасъ**).

Вышняне, вы куда свою улитку дѣли?
„Въ Пегасы взять ее поэты захотѣли“.

*) Въ подлинникѣ другая игра словъ — между *klasik* и *kvasi* „болтасть (вздоръ)“. У горенцевъ *i* звучитъ какъ англ. *w*.

**) Эпиграмма направлена противъ Ивана Циглера (*Ianez Cigler* 1792—1869), священника въ мѣстечкѣ Вышней Горѣ (*Višnja gora*). Жители его, вышняне, — словѣнскіе помещенцы; между прочимъ о нихъ рассказываютъ, будто они держатъ улитку на привязи. Циглеръ помѣстилъ въ „Пчелкѣ“ семь стихотвореній. Но извѣстенъ онъ не какъ поэтъ, а какъ народный писатель. Его романъ „Счастье и несчастье“ (*Sreča in nesreča*), вышедшій въ 1836 г., первый въ словѣнской письменности, охотно читается до сихъ поръ.

4. „Пчелкинымъ“ эпиграмматистамъ.

Не всякій звѣрь — лисица заодно,
Не всякое злословіе смѣшно.

5. „Пчелкинымъ“ баснописцамъ.

Въ рѣчахъ Эзоповыхъ*), отрытыхъ на кладбищѣ,
Не больше сладости, чѣмъ въ разогрѣтой пищѣ.

6. „Пчелкинымъ“ слагателямъ гексаметровъ**).

Въ гексаметръ кто, не прибавъ спондея
Иль дактиля, не прочь и отъ трохея,
Не знаетъ, гдѣ пустить цезуру,
Пегаса тотъ впрягаетъ въ фуру.

7. На стихотворенія „Пчелки“ безъ и и с***).

„Всѣ и имъ изъ стиховъ исключены,
И с въ нихъ вовсе не играетъ роли“.
Зато въ нихъ нѣтъ и никакой иѣны,
Зато они и безо всякой соли.

*) Эзопъ изъ Фригіи считается древнѣйшимъ баснописцемъ.

**) Относится къ попыткамъ сочиненія словѣнскихъ гексаметровъ по греческому образцу, о которыхъ см. предисл. стр. LXXXIV.

***) На стихотворенія Якова Жупана, написанныя въ видѣ нагляднаго возраженія на упреки иѣмцевъ словѣнскому языку за частое употребленіе звуковъ и и с.

8. „Пчелкинымъ“ пѣвцамъ времёнъ года.

Кто самъ не знаетъ, что сказать,
Тотъ хвалить иль бранить погоду;
Кто не нашелъ, что воспѣвать,
О временахъ онъ года пишетъ оду.

9. Лѣсничнику и Лѣвичнику *).

О, если бъ сладокъ былъ въ стихахъ Лѣсничникъ!
О, если бъ правъ могъ быть въ стихахъ Лѣвичникъ!

10. Прежнему поэту, потомъ гомеопату **).

Ты прежде былъ поэтъ, теперь — гомеопатъ:
Ужъ не досуга ты, а жизни супостатъ.

11. Издателю „Пчёлки“.

Зачѣмъ Кастелець мухъ ловить пошѣлъ?***)
Онъ ихъ продать замыслилъ вмѣсто пчёлъ.

*) Лѣсничникъ (отъ lesníka — дикое яблоко) — переводъ фамилии Игнатія Гольцапфеля (1799—1868), помѣстившаго въ „Пчелкѣ“ три стихотворенія. Докторъ Варооломей (Jernej) Лѣвичникъ (1808—1883), священникъ, авторъ поэмы „Католическая церковь“, напечаталъ въ „Пчелкѣ“ также три стихотворенія. Эпиграмма основана на игрѣ словъ или, скорѣе, понятій: 1) дикое яблоко кисло, 2) лѣвичникъ значитъ лѣша.

**) На Власія Поточника, священника, помѣщавшаго кое-какіе стихи въ „Пчелкѣ“, а на старости лѣтъ лѣчившаго гомеопатіей.

***) Эпиграммы Кастельца въ „Пчелкѣ“, довольно безобидныя, получили отъ самого автора заглавіе „Мухи“. „Ловить мухъ“ значитъ по-словѣски „предаваться бреднямъ“.

12. Водникъ *).

Монахъ подъ маскою я былъ,
Охотно пѣлъ, охотнѣй пилъ.

13. Равникарю **).

Горенцевъ нашихъ такъ испортилъ ты языкъ,
Что за молитвою ругается мужикъ.

14. На Ахацлевы пѣсни ***).

Конечно, поневолѣ
Нѣтъ въ пѣсняхъ этихъ соли:
Зоветь индюшекъ: „пуры, пуры!“,
Зоветь сверчковъ онъ: „шурь, муры!“.

21. 15. Нѣкоторымъ сочинителямъ духовныхъ пѣсенъ.

Ваша духовная пѣснь и духовна и все жъ не духовна:
Праздности духъ въ ней есть, Божьяго духа
въ ней нѣтъ.

*) См. предисл. стр. XIII—XV.

**) Матвѣй Равникарь (1776—1845), съ 1830 г. епископъ Триэстскій, авторъ многихъ учебниковъ и молитвенниковъ. Насмѣшка Преширна несправедлива, такъ какъ Равникарь писалъ на хорошемъ и понятномъ языкѣ, если не считать забытаго словѣцами, но употребляемаго имъ причастія *на-вишій*, которое Преширну казалось, вѣроятно, руссизмомъ.

***) Матвѣй Ахацель, математикъ и сельскій хозяинъ, въ 1833 г. издалъ сборникъ „Пѣсни, извѣстныя въ Хорутаніи и Штиріи“, гдѣ вмѣсто пѣсенъ народныхъ помѣстилъ глуповатые вирши полуграмотныхъ сочинителей. „Пура“ по-словѣски = индюшка, „муришь“ = сверчокъ, кузнечикъ.

16. Кремплю *).

Ты не въ мозги захватилъ, захватилъ ты словѣнщину
въ когти:

Духъ отъ нѣмечины слабъ, когти свободны твои.

17. Копытарь.

Голову съ честью носилъ я ученую, все поборая;
Лишь самомнѣнье и смерть я побороть не умѣлъ.

18. Денничникамъ **).

Добровскій.

„Другъ мой, идущій со свѣта, мнѣ вѣрно скажи“,
такъ Добровскій

Въ царствѣ тѣней спросилъ мудрость Копы́тареву:
„Сербскій, дубровни́скій, что ли, языкъ иль скорѣе
хорватскій

Вводитъ въ писанія Гай съ шайкой зазорной
своей?“.

Копытарь.

„Гай-то Денничникъ, Денничная шайка? по-своему
пишутъ;

Юго-славянскихъ они суть янычары земель“.

*) Кремпль (1790—1844), священникъ, родомъ штиріецъ, авторъ многихъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна популярная исторія Штирін, писалъ на родномъ нарѣчій, не заботясь о письменномъ языкѣ, однако и не унащая свою рѣчь умышленно германизмами. Но — употребительные на его родинѣ германизмы у него встрѣчаются, а его имя значитъ „коготь“, что соблазнительно для эпиграмматиста.

**) См. предисл. стр. XVIII—XIX съ примѣч.

19. Хвастуны изъ четырехъ многочисленнѣйшихъ славянскихъ народовъ*).

Чехъ лишь, полякъ, иллиріецъ и русскій — вотъ
эти народы,

Свой обработавъ языкъ, смѣютъ на немъ и писать;
Бѣлый хорватъ и словѣнецъ, руснякъ и словакъ
и другіе —

Псы межъ славянъ: ихъ удѣлъ лаять и лапы
лизать.

20. Катонъ на изнанку**).

Менѣ прочихъ славянъ и числомъ и почетомъ
словѣнцы;

Славы и выгодъ не здѣсь можно писателю ждать.
Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni:

Станко — словѣнскій бѣглець, Вразъ — на из-
нанку Катонъ.

21. Настоящія стихотворенія.

Намъ, какъ Преширновымъ, было бъ не грѣхъ
развернуться пошире***);

Но ужъ изъ самыхъ стиховъ видно, какъ тихъ
нашъ отецъ.

*) См. предисл. стр. XX примѣч.

**) См. предисл. стр. XIX—XX съ примѣч. Эпиграмма основана на извѣстномъ стихѣ Лукана *Phars. I 128* (Честь побѣдившихъ угодна богамъ, побѣжденныхъ — Катону).

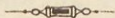
***) Въ подлинникѣ гораздо остроумнѣе, потому что *grèser* значитъ „задорный, дерзкій, надменный“.

ТАЗЕЛИ. 1833

1833

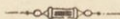
Пѣсня моя громко поеть имя твое,
Въ сердцѣ моемъ видѣть даеть имя твое.
Между славянъ западныхъ странъ вдаль на востокъ,
Сладко звуча, съ нею пройдетъ имя твое.
Въ яркомъ вѣнцѣ, въ блескѣ лучей словъ золотыхъ
Каждый народъ скоро прочтетъ имя твое.
Пусть и Харонъ въ лодкѣ своей насъ увезетъ —
Въ царствѣ тѣней вновь оживетъ имя твое.
Больше Коринтъ, Делій, Лауръ, Цинтій*) должно
Въ людяхъ имѣть вѣчно почетъ имя твое.

*) Коринна воспитана Овидіємъ, Делія—Тибулломъ, Лаура—Петраркой, Цинтія — Проперціємъ.

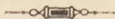
2.

Въ глазахъ найти старался я отвѣтъ,
 Могу ль тебя любить; отвѣта нѣтъ.
 Издалека ты смотришь дружелюбно,
 Вблизи принять не хочешь мой привѣтъ.
 Когда къ тебѣ я взоры обращаю, 5
 Ты не даешь очей мнѣ видѣть свѣтъ;
 Но если я на дѣвъ другихъ взираю,
 Не скроешь ясныхъ гнѣва ты примѣтъ.
 Такъ, милъ ли онъ тебѣ иль ненавистенъ,
 Узнать не можетъ бѣдный твой поэтъ. 10

3.

Всѣ кругомъ меня узнали безъ труда, что я
 влюбленъ;
 Пѣсни всѣ мои согласны въ томъ всегда, что я
 влюбленъ.
 Знаетъ ночь объ этомъ, слыша, какъ отъ вздоховъ
 мнѣ не спится,
 Знаетъ огненная зорьки борозда, что я
 влюбленъ;
 Знаетъ утро, знаетъ полдень по щекамъ моимъ
 поблекшимъ, 5
 Знаютъ сумерекъ угрюмыхъ холода, что я
 влюбленъ;
 Знаетъ то моя каморка, тишины пріютъ пустынный,
 Знаютъ улицы, гдѣ давка и ѣзда, что я
 влюбленъ;
 Знаетъ роза при дорогѣ, гдѣ возлюбленная ходитъ,
 Знаетъ птица, тамъ порхая у гнѣзда, что я
 влюбленъ; 10
 Знаетъ прахъ ея порога, всякій камень, съ нимъ
 сосѣдній,
 И троца, гдѣ пробираюсь я туда, что я
 влюбленъ;
 Знаетъ всякое созданье то, что всѣмъ узнать не
 трудно,
 И она лишь мнѣ не вѣритъ никогда, что я
 влюбленъ.

4.

Знаю, какъ ты дамскимъ хоромъ обо мнѣ извѣ-
щена, —

Что любовь моя ни разу не была еще вѣрна,
Какъ за кофеемъ по пальцамъ всѣхъ дѣвицъ, лю-
бимыхъ мною,

Да и тѣхъ, что не любилъ я, счесть снѣшать онѣ
сполна.

Но услышь мое признанье: скажешь ты, что я не-
виненъ, 5

Что одна лишь ты виновна, если въ этомъ есть вина.
До расцвѣта пышной розы на фіалку, на гвоздику,
На душицу и на ландышъ высоко стоитъ цѣна.

Для того, кто самъ не слышалъ переливовъ со-
ловьиныхъ,

Пѣсня чижики, щегленка и малиновки звучна. 10

Прежде, чѣмъ кружка царица въ немъ покажется,
возможно ль

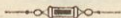
Чтобъ была она, какъ должно, на престолъ воз-
ведена?

Раньше нравиться другія намъ могли, но ты какъ
только

Расцвѣла межъ нихъ, не можетъ насъ плѣнять ужъ
ни одна.

Не сердись, а то размысли, что, какъ солнце я
увидѣлъ, 15

Съ глазъ моихъ, незрячихъ прежде, тьмы слетѣла
пелена.

5.

Межъ дѣтьми играла въ прошломъ ты году — про-
 ходятъ дни;
 Нынѣ здѣсь сердца ввергаешь ты въ бѣду — про-
 ходятъ дни.
 За тобой вослѣдъ повсюду взоры юношей спѣшать,
 И по спутникамъ ужъ видно намъ звѣзду — про-
 ходятъ дни.
 Ганнибалъ теперь при Каннахъ всепобѣдный образъ
 твой, 5
 Мы же Римъ, себѣ не къ славѣ, а къ стыду — про-
 ходятъ дни *).
 Дѣва гордая, подумай, какъ непроченъ всякій
 цвѣтъ:
 Осень дунетъ, и ужъ розы нѣтъ въ саду — про-
 ходятъ дни.
 Благосклонна будь къ поэту, уязвленному тобой,
 Иль въ годахъ самихъ лѣкарство я найду — про-
 ходятъ дни. 10
 Вѣдь изъ пѣсни лишь извѣстно, какъ Еленина краса
 Вовлекла троянъ и грековъ во вражду — про-
 ходятъ дни.

*) Римляне, потерпѣвъ отъ Ганнибала въ 216 г. пораже-
 ніе при Каннахъ, опасались, что онъ двинется оттуда на
 Римъ, оставшійся почти безъ защиты.

6.

Земледѣль, сбереть ли съ нивы плодъ своей, не
 знаетъ самъ;
 Лѣсоводъ, пойдутъ ли вѣтви отъ корней, не знаетъ
 самъ;
 Тяжко трудится кочевникъ безъ приюта круглый
 годъ;
 А прокормить ли жену онъ и дѣтей, не знаетъ
 самъ;
 И купецъ по свѣту бродить, а получить-ли барышъ, 5
 Онъ, не выяснивъ торговли счета всей, не знаетъ
 самъ;
 И солдатъ, когда на битвы трубный звукъ его зо-
 веть,
 Чтò добудетъ за тревоги многихъ дней, не знаетъ
 самъ.
 Такъ, пѣвецъ газелей этихъ, ихъ читаешь ты или
 нѣтъ,
 Поддаешься ль обаянью ихъ рѣчей, не знаетъ
 самъ, 10
 Также, знаешь ли, что ты же вѣщій пламень
 въ немъ живишь,
 И дерзнетъ ли объясниться онъ позднѣй, не знаетъ
 самъ.

7.

Всѣ, цѣня мои творенья, судять разногласно:
Тотъ похвалить, этотъ съ гнѣвомъ закричить:
„Ужасно!“.

Тотъ велить писать сонеты, а другой — баллады,
Третій Пиндара*) укажетъ: „Вотъ-моль, чтò пре-
красно!“.

Можетъ-быть, иной газели встрѣтитъ благосклонно, 5
По другимъ, не подражалъ я Воднику**) напрасно.
Вольнодумцу эти пѣсни черезчуръ невинны,
А послушай лицомъбра — ихъ читать опасно.
Я же правиться тебѣ лишь, милая, желаю,
А другихъ всѣ бредни слушать буду безучастно. 10

*) Греческій поэтъ V в. до Р. Х., прославившійся своими одами въ честь побѣдителей на общественныхъ играхъ (состязаніяхъ).

**) Смотри пред. стр. XIII—XV.

С О Н Е Т Ы.

COHEN P.

Отъ нашихъ предковъ славные примѣры,
Хранимые сказаньемъ съ давнихъ поръ —
Какъ Августу Метуль*) давалъ отпоръ,
Какъ намъ то ясны были дни, то сѣры,

Какъ родина была оплотомъ вѣры,
Какъ мусульманъ упившихся задоръ
Подъ Сискомъ бѣгства испыталъ позоръ**) —
То наши вамъ повѣдаютъ Гомеры.

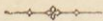
5

Чтобъ войны пѣтъ, мой голосъ слишкомъ тихъ;
Пою красы землячекъ я своихъ
И съ ней твою, безжалостная, славу,
Пою любви несчастія своей, —
Какъ, изъ небесныхъ пущена очей,
Стрѣла разить, вливая въ жизнь отраву.

10

*) Метуль (*Μέτουλον* или *Μετοῦλον*) — городъ иллирійскаго племени іаподовъ или іапидовъ въ области нынѣшнихъ словѣнцевъ, по взятіи котораго Августомъ край былъ присоединенъ къ Римской имперіи.

**) Сисекъ — городъ при впаденіи Колны въ Саву — былъ въ 1593 г. осажденъ турками, которые затѣмъ были разбиты Андреемъ Ауэрспергомъ. Что они были при этомъ пьяны, о томъ упоминается, можетъ-быть, въ какой-нибудь народной пѣснѣ; ср. у Штрекеля 39—44.

2.

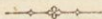
1831

Сверхъ солнца свѣтятъ солнцъ намъ мириады
По всѣмъ дорогамъ неба голубымъ,
И, свѣточемъ покинута своимъ,
Земля подъ мракомъ ищетъ въ нихъ отрады.

Но, блѣдныхъ тучекъ позлащая гряды, 5
Заря ведетъ его къ краямъ земнымъ;
Земля вниманья не даритъ ужъ имъ,
Къ любимцу страстно устремляя взгляды.

Что въ небѣ — звѣздъ, въ Люблянѣ — красныхъ
дѣвъ;

На васъ глядѣтъ пріятно, какъ румяны, 10
Какъ свѣжи вы, красавицы Любляны!
Но я, ко всѣмъ для милой охладѣвъ,
При ней не вижу ни одной дѣвицы,
Прикованъ весь къ чертамъ своей царицы.

3.

1831

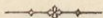
Какъ вашихъ звѣздъ на темномъ кругозорѣ,
О Диоскуры, жаждетъ мореходъ
Среди грозы, при плескѣ бурныхъ водъ,
Когда играетъ вѣтеръ на просторѣ, —

Затѣмъ, что вы появитесь — и вскорѣ
Эоль смиритъ свой бѣшенный народъ,
Разъяснится небесъ лазурный сводъ,
И смолкнутъ вихри на затихшемъ морѣ, —

5

Такъ точно звѣздъ избранницы своей
Я страстно жду, — нѣтъ! съ большею тоскою
Увидѣть жажду блескъ ея очей:
Когда они сіяютъ предо мною,
Какъ ни крути судьбы меня Борей,
Ясиѣтъ небо надъ моею ладьею.

10

4. 1832

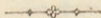
Упалъ мой взглядъ, привыкшій зрѣть обманы,
На двухъ сестеръ: одна — совѣмъ юна,
А та — вполнѣ расцвѣтшая жена,
И обѣ — гордость и краса Любляны.

Я побѣждалъ, какъ лань отъ рукъ Діаны,
Когда, стрѣлкою ужъ разъ уязвлена,
Толпу ловцовъ зеленую она
Увидить вдругъ, причину старой раны.

5

Хотите знать, откуда этотъ страхъ?
Меня пронзилъ, безъ промаха сражая,
Стрѣлокъ-Амуръ, съ нимъ — мать его родная.
Объ этихъ двухъ и вспомнилъ я богахъ:
Въ меньшей сестрѣ Амуръ грозилъ мнѣ злобно,
Была Венерѣ старшая подобна.

10

5.

1831

Амуръ и мать, она жъ твоя товарка!
 Себя водить я за носъ ужъ не дамъ;
 Бесплатно пѣть хвалы не буду вамъ
 До самой смерти, какъ бѣднякъ Петрарка.

Довольно лѣтъ ужъ напярала мнѣ Парка, 5
 А чѣмъ обязанъ я своимъ стихамъ?
 Все ходъ закрыть къ дѣвичьимъ мнѣ сердцамъ.
 Нѣтъ, отъ меня не ждите впредь подарка!

Посуламъ вашимъ вѣрить не могу;
 Неблагодарныхъ тѣшить нѣтъ охоты; 10
 Остатокъ дней отъ васъ я сберегу:
 Изъ тяжель стану лишь ковать деньги
 И, отдыхая на ночь отъ работы,
 Съ друзьями буду гнать виномъ заботы.

6.

1847

Шель съ той поры, какъ ангеловъ полеть
 Быль слышенъ съ гимномъ въ утреннемъ туманѣ
 Надъ яслями Христа въ пастушьемъ станѣ,
 Годъ тридцать третій дважды девятьсотъ.

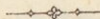
Въ святѣйшую изъ всѣхъ въ году субботъ,
 Когда въ гробу зрятъ Бога христiane,
 Въ десятый часъ я, по церквамъ въ Люблянѣ
 Бродя, въ Терново*) свой направилъ ходъ.

5

О память мнѣ Тернова роковая!
 Мое все горе зародилось тамъ,
 Изъ двухъ очей огнистыхъ истекая.
 Когда она вошла въ блестящій храмъ,
 Мнѣ въ сердце пала искра огневая,
 Упорная къ усилямъ и годамъ.

10

*) См. пред. стр. LX.

7.

Сонетный вѣнокъ.

1847

I.

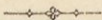
Вѣнокъ пѣвецъ твой новый вѣтъ для свѣта:
Пятнадцать въ немъ сонетовъ сплетено,
И магистраль, послѣднее звено,
Связуетъ рѣшмы каждаго сонета.

Три раза эта пѣсня въ немъ пропѣта;
Въ немъ звенья всѣ: гдѣ кончилось одно,
Другое тѣмъ же съ первымъ скрѣплено.
Вѣнку подобно мышленье поэта.

5

Одной любви плоды его мечты;
Онѣ, гдѣ ночью сонъ прерветъ ихъ нынѣ,
Начнутся завтра вновь на половинѣ.
Ты магистраль мой, и твои черты
Я сохраню стихомъ и по кончинѣ:
Въ немъ будутъ жить любовь моя и ты.

10

II.

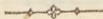
Въ немъ будутъ жить любовь моя и ты
Среди славянъ грядущихъ поколѣній,
Когда найду я отдыхъ отъ мученій
Подъ ранней сѣнью гробовой плиты.

Тогдашнихъ дней царицы красоты,
Услыша голосъ этихъ цѣсноцѣній,
Постигнутъ цѣну вѣрныхъ увлеченій
И будутъ чужды гордой суеты.

5

Дождется Крайна своего призыва,
Блеснутъ ей кротче звѣзды съ высоты,
И зацвѣтетъ поэзіи въ ней нива.
Быть можетъ, рокъ спасетъ мои листы,
Значенье ихъ еще пребудетъ живо:
Изъ сердца эти выросли цвѣты.

10

III.

Изъ сердца эти выросли цвѣты:
Оно сдержать любви не можетъ страстной.
Такъ Леонору Тассо*) пѣль злосчастный;
Съ нимъ у меня есть общія черты.

Уста его невольной нѣмоты
Печать хранили, но, молчать не властный,
Хоть сокровенно въ пѣсни сладкогласной
Онъ выражалъ влюбленные мечты.

Не стихнетъ пламень мой, пока привѣта
Я не прочту себѣ въ твоихъ очахъ;
Но предъ тобою уста смыкаетъ страхъ.
Мучительность безмолвнаго запрета
Хотятъ въ унылыхъ выразить стихахъ
Признанія несчастнаго поэта.

*) Торквато Тассо, знаменитый итальянскій поэтъ (1544—1595), былъ, говорятъ, влюбленъ въ Леонору д'Эсте, сестру Альфонса II, герцога Феррарскаго. Впрочемъ вѣрность этого преданія подвержена сильному сомнѣнiю.

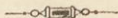

IV.

Признанія несчастнаго поэта
Разоблачаютъ сердце все до дна,
А въ немъ любовь бросаетъ сѣмена
Печальныхъ пѣсенъ, въ коихъ ты воспѣта.

Ты — солнце имъ, причина ихъ расцвѣта. 5
Но, милый лучъ, ни дома у окна,
Ни на прогулкахъ ты мнѣ не видна,
Ни въ мѣстѣ зрѣлищъ, ни въ забавахъ свѣта.

По городу я, не жалѣя силъ,
Скитался часто, но нигдѣ предмета 10
Моихъ желаній взоръ не находилъ.
Одинъ, въ тоскѣ я плачу безъ отвѣта.
Зато и пѣсенъ звукъ моихъ унылъ:
Онѣ взошли въ странѣ, гдѣ нѣтъ разсвѣта.

V.

Онѣ взошли въ странѣ, гдѣ нѣтъ разсвѣта, —
 Не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ твой сіяетъ взоръ,
 Гдѣ всѣ печали въ немъ найдутъ отпоръ,
 Гдѣ скорбь душа забудетъ, имъ пригрѣта,

Тамъ, гдѣ на лицахъ радость безъ завѣта, 5
 Гдѣ замолкаетъ внутренній раздоръ,
 Гдѣ вдохновенью полный данъ просторъ,
 Гдѣ бодръ и строгъ звукъ въ груди поэта,

Гдѣ отъ любви всѣ лучшія мечты, 10
 Всѣ блага сердца цвѣтъ даютъ нездѣшній,
 Какъ вызываетъ листья воздухъ вешній.
 Нѣтъ, не изъ тѣхъ краевъ мои цвѣты:
 Они всходили безъ поддержки вишней,
 Ихъ ростъ не зналъ дыханья теплоты.

VI.

Ихъ ростъ не зналъ дыханья теплоты:
 На похвалу твою, о дорогая,
 Чтобъ расцвѣсти, надежды возлагая,
 Не чуяли, бѣдняжки, ихъ тщеты.

Боюсь, что дѣвы здѣсь и съ ними ты, 5
 Лишь по-нѣмецки мысли выражая,
 Холодные къ дарамъ родного края,
 Отвергнуть эти скромные листы.

Камены*) наши, намъ самимъ постылы,
 Досель въ забвеньи жили, сироты; 10
 Намъ лишь чужія пѣсни были милы.
 Росли у насъ поэзіи цвѣты,
 Какъ на вершинахъ, — рѣдки и унылы;
 Ихъ окружали дикихъ горъ хребты.

*) Музы.

VII.

Ихъ окружали дикихъ горъ хребты,
Какъ тѣ, гдѣ пѣлъ въ дали многовѣковой
Орфей народамъ Эраки суровой,
Чаруя лирой Гема*) высоты.

О, если бы средь нашей пустоты
Посоль небесъ, Орфей явился новый,
И намъ и всѣмъ славянамъ вокругъ готовый
Навѣять ихъ достойныя мечты!

Когда бы въ насъ была имъ разогрѣта
Любовь къ отчизнѣ, смолкла бы вражда,
Слились бы всѣ славяне навсегда,
Настало бъ царство мира и совѣта
И озарила радости звѣзда
Край буйныхъ вѣтровъ, вѣчно чуждый лѣта!

*) Naemus — древнее названіе Балкана. Тамъ жилъ, по преданію, Орфей, увлекавшій за собою своими пѣснями не только дикихъ звѣрей, но и деревья.

VIII.

Край буйныхъ вѣтровъ, вѣчно чуждый лѣта —
Таковъ былъ нашъ, какъ сталъ намъ незнакомъ
Твой, Само*), духъ, и вѣтъ надъ холмомъ
Твоимъ могильнымъ вѣтеръ безъ запрета.

Пріяли мзду раздора и навѣта
Отцы славянъ съ Пипиновымъ**) ярмомъ,
А дальше — смуты, мусульманъ погромъ***),
Бой Витовца****) — вотъ тѣхъ временъ примѣта.

5

Нѣтъ счастья, нѣтъ славы боевой,
Нѣтъ подвиговъ, достойныхъ восхваленья;

10

*) Создатель крупнаго славянскаго государства въ VII в., которое онъ составилъ изъ Чехіи, Моравіи и сосѣднихъ съ ними земель послѣ успѣшной борьбы съ аварами и франками.

**) Пипинъ Короткій, пользуясь раздорами юго-западныхъ славянъ между собою и съ сосѣдями, подчинилъ ихъ себѣ около 750 г.

***) Турецкое нашествіе въ концѣ XIV в. и послѣдовавшія за нимъ войны съ турками.

****) Янъ Витовець, родомъ чехъ, замѣчательный полководецъ, удачно воевавшій съ нѣмецкимъ императоромъ Фрид-

Безъ нихъ замолкли звуки гѣснопѣнья.
И тѣ цвѣты, что нашъ Парнасъ родной
Уже взрастилъ на мѣстѣ заустѣнья,
Воспитаны стenanьемъ и слезой.

рихомъ III, съ мадырами и поляками, служилъ сначала гра-
фамъ Цильскимъ (въ Штиріи), потомъ Фридриху III, помогая
ему въ подавленіи его враговъ съ неменьшимъ усердіемъ,
чѣмъ прежнимъ своимъ господамъ. Умеръ около 1463 г.

IX.

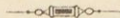
Воспитаны стenanьемъ и слезой
И моего Парнаса эти розы:
Изъ-за любви къ тебѣ лилися слезы,
Изъ-за любви къ отчизнѣ дорогой.

Я зналъ: о благѣ матери родной
Теперь словѣнцу чужды стали грезы;
Въ любви къ тебѣ мнѣ умъ шепталъ угрозы,
Что мнѣ нельзя любиму быть тобой.

5

Желалъ себѣ единой я награды,
Чтобъ были славны вмѣстѣ я и ты —
И въ сладкихъ пѣсняхъ вылились мечты;
Желалъ я всѣмъ славянамъ, чтобъ преграды
Къ ихъ счастью пали — и мои цвѣты
Растутъ, но взору не даютъ отрады.

10

Х.

Растутъ, но взору не даютъ отрады;
Такъ роза въ дни февральскаго тепла
Вдругъ оживетъ и вотъ — ужъ зацвѣла,
И лепестки лучамъ весеннимъ рады.

Но не найдетъ она себѣ пощады,
Какъ дунетъ вѣтеръ, небо скроетъ мгла,
Въ травѣ сверкнетъ морозная игла
И, поблѣвъ, завянутъ лугъ и гряды.

5

И мнѣ сіяло солнце красоты,
Лучами мнѣ твои служили взгляды,
И принялись любви моей цвѣты.
То былъ обманъ: безъ солнца, безъ ограда
Отъ непогодъ остались сироты;
Надъ ними тучъ скопились громады.

10

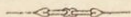
XI.

Надъ ними тучъ скопилися громады,
И жилъ всѣ дни во мракѣ твой поэтъ;
Противна жизнь ему, надежды нѣтъ,
Лишь неудачи зналъ онъ и досады.

Какъ нѣкогда Діанины обряды
Уму Ореста возвратили свѣтъ*),
Такъ отъ тебя на страсть мою отвѣтъ
Больную грудь исполнилъ бы улады.

Исчезъ безслѣдно этотъ сонъ пустой;
Одинъ лишь мигъ сіять пришлось надеждѣ,
И стала ночь еще темнѣй, чѣмъ прежде.
Съ тѣхъ поръ забылъ я счастье и покой;
Моимъ ли розамъ въ пышной быть одеждѣ?
Зато теперь и видъ у нихъ больной.

*) Орестъ, сынъ Агамемнона и Клитемнестры, за убіеніе своей матери былъ пораженъ безуміемъ, но получилъ исцѣленіе отъ упавшаго съ неба изваянія Артемиды (Діаны) въ Тавридѣ (Крыму), гдѣ жрицей оказалась его сестра Ифигенія.

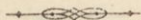

ХП.

Зато теперь и видъ у нихъ больной;
Въ нихъ нѣтъ ни силы, ни красы для взора.
Растутъ такъ скудно розы безъ призора
Средь камней стѣнъ развалины пустой.

Кропива душитъ ихъ и цѣлый рой 5
Презрѣнныхъ травъ, ползущихъ изъ-подъ сора;
Но въ садъ понавъ, гдѣ много имъ простора,
Онѣ природной зацвѣтутъ красой.

Такъ близъ тебя, близъ солнца, близъ отрады 10
Моей души могли бы веселѣи
Расти цвѣты поэзіи моей;
И если хочешь ты, чтобъ были рады
Они цвѣсти во всей красѣ своей,
Пусть ясный лучъ пошлутъ твои имъ взгляды.

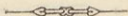

ХІІІ.

Пусть ясный лучъ пошлютъ твои имъ взгляды!
 Дай мнѣ вкусить очей благую мочь!
 Они одни прогнать умѣютъ ночь,
 Внѣ ихъ не знаю бурямъ я преграды.

Исчезнуть всѣ невзгоды и досады, 5
 Заботъ оковы я отброшу прочь;
 Съ тобою все я въ силахъ превозмочь,
 Въ твоей любви за все я жду награды.

Вновь будетъ ясенъ мрачный образъ мой,
 Въ груди надежда поселится снова, 10
 Изъ устъ живой потокъ польется слова,
 Начнется въ сердцѣ новый жизни строй,
 Отрадна станетъ думъ моихъ основа,
 И будетъ весель цвѣтъ ихъ молодой.

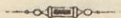

XIV.

И будетъ весель цвѣтъ ихъ молодой,
Какъ завязъ розъ, когда прошли метели,
Дары весны природу разодѣли,
Въ лѣсу цвѣты бѣлѣютъ межъ листвою,

Тепло на лугъ манить пчелиный рой,
Пастухъ съ утра играетъ на свирѣли,
Въ кустахъ раскаты соловьиной трели,
Вездѣ восторгъ и свѣжихъ силъ прибой.

О, мнѣ извѣстно, что награда эта
Была бъ чрезмѣрна для цвѣтовъ моихъ:
Лишь бы не въ тягость былъ тебѣ мой стихъ!
Но все же ты ихъ не лишай привѣта:
Чтобъ облегчить тоску свою, изъ нихъ
Вѣнокъ пѣвецъ твой новый вѣтъ для свѣта.

Магистралъ.

XV.

Вѣнокъ пѣвецъ твой новый вѣтъ для свѣта:
Въ немъ будутъ жить любовь моя и ты;
Изъ сердца эти выросли цвѣты,
Признанія несчастнаго поэта.

Они взошли въ странѣ, гдѣ нѣтъ разсвѣта, 5
Ихъ ростъ не зналъ дыханья теплоты,
Ихъ окружали дикихъ горъ хребты,
Край буйныхъ вѣтровъ, вѣчно чуждый лѣта.

Воспитаны стenanьемъ и слезой,
Растутъ, но взору не даютъ отрады; 10
Надъ ними тучъ скопилися громады;
Зато теперь и видъ у нихъ больной.
Пусть ясный лучъ пошлють твои имъ взгляды,
И будетъ весель цвѣтъ ихъ молодой.

8.

1847

Дворянчикъ нѣкій (онъ имѣлъ тупыя
Способности) начало лишь одной
Молитвы зналъ — въ честь Дѣвы Пресвятой;
Но вѣрилъ въ эти онъ слова простыя.

Какъ духъ его оковы свергъ земныя,
Изъ сердца роза (слухъ идетъ такой)
Пробилась сквозь земли могильной слой,
На ней же надпись: „Радуйся, Марія!“.

Съ утра, пока погаснетъ свѣточъ дня,
И ночью пѣснь моя молчанье будить,
Тебѣ единой въ похвалу звеня.
Прости: покуда смерть любовь остудить,
Уже вѣнокъ изъ сердца у меня
Возросъ, и цвѣсть твое въ немъ имя будетъ.

9.

1847

Мнѣ снилося, что счастье безъ предѣла
Въ раю вкушали оба мы съ тобой;
Земная жизньъ, что дѣлится, какъ стѣной,
Насъ временемъ и мѣстомъ, отлетѣла.

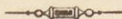
Съ Лаурой ты, ей равная, сидѣла;
Дневникъ лежалъ изъ васъ предъ каждой свой;
Вы разговоръ о томъ вели живой,
Какъ слава каждой межъ людей гремѣла.

5

Съ Петраркою сонеты я свои
Клалъ на вѣсы святого Михаила*),
И пѣснь его мою высоко взбила.
Но мы красы Лауры и твои
Придали къ грузу — и привѣска сила
Его стихи сравнила и мои.

10

*) По католическому повѣрью (кажется, только народному) архангелъ Михаилъ при входѣ въ рай вѣшаетъ души на вѣсахъ для опредѣленія ихъ права на доступъ туда. Въ словѣскихъ народныхъ пѣсняхъ (у Штрекеля 386 и 389) прибавочнымъ грузомъ для препровожденія души въ рай являются слезы Богородицы.

10.

1836

Ms. C

О Тогенбургъ*), прославленъ ты Преданьемъ
За жребій тяжкій; мой еще лютѣй:
Разъ въ день изъ кельи милая своей
Все жъ на тебя глядѣла съ состраданьемъ.

Съ утра вечернимъ впереди свиданьемъ
Ты утѣшался на послѣдокъ дней,
И въ смертный часъ былъ взоръ твоихъ очей
Къ ея окну направленъ съ ожиданьемъ.

5

Изъ неба глазъ ея, когда на немъ
Остановлю свой взоръ, чета мелькаетъ
Миѣ херувимовъ съ огненнымъ мечомъ.
Ихъ гнѣвъ меня на бѣгство обрекаетъ
Предъ яснымъ взглядомъ милаго лучомъ;
Въ мой темный уголь свѣтъ не проникаетъ.

10

*) Въ извѣстной балладѣ Шиллера дѣвушка, любимая Тогенбургомъ, идетъ въ монастырь, но для утѣшенія влюбленнаго рыцаря разъ въ день показывается ему въ окнѣ своей кельи.

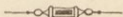
11.

1836

Ты, Моисей, былъ въ Ханаанъ отъ рока
Вождемъ птенцовъ Іудина гнѣзда;
Придетъ ли счастье, иль придетъ бѣда, —
Своей ты цѣли вѣренъ безъ упрека.

Желанный край ты видишь издалека; 5
Тѣмъ воздана тебѣ за скорби мзда,
Оплаченъ путь, исполненный труда,
И смерть тебѣ казалась не жестока.

Къ одной твоихъ красотъ и чаръ хвалѣ
Отъ рока я назначенъ на землѣ, 10
Пока во мракъ не погружусь могильный.
Когда бъ лишь видѣть образъ милый твой —
За скорбь ночей и дней съ самимъ собой
И то наградой счелъ бы я обильной.

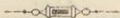
12.

1847

На небѣ мѣсяцъ блещетъ кроткимъ свѣтомъ; .
Гдѣ ликъ его проглянетъ золотой,
Кристаллы льда и снѣга тамъ зимой,
Росы алмазы тамъ сверкають лѣтомъ.

Озарена лучей его привѣтомъ, 5
Сіяетъ ночь негаданной красой;
Ему не данъ, какъ солнцу, лютый зной,
Не можетъ браннымъ онъ вредить предметамъ.

Не бойся ты, ни милый твой, ни мать
Стиховъ того, кто развѣ лишь въ могилѣ 10
Твою красу не будетъ воспѣвать;
Въ нихъ то же свойство, что въ ночномъ свѣтилѣ:
Отъ нихъ ты будешь ярче лишь сіять,
А съ сердца ледъ согнать имъ не по силѣ.

Разъ въ жизни путь священный совершая,
Иной идетъ въ Терсать и въ Римъ пѣшкомъ,
Иль гдѣ святой Антоній со Христомъ,
Иль гдѣ во славѣ Дѣва Пресвятая*).

Въ изображеньяхъ онъ блаженство рая 5
Стремится зрѣть; любви палящей въ немъ
Стихаетъ жаръ, когда предъ алтаремъ
Стоитъ онъ, тѣнь страпъ горнихъ созерцая.

Ахъ, такъ, чтобъ снимокъ съ милой зрѣть моей, 10
Ея красы небесной отраженъе,
Мечту иль призракъ, чуть лишь сходный съ ней,
Меня въ твой домъ влечетъ любви велѣнье:
Отчаянья порывы тамъ слабѣй,
Спокойнѣй вздохъ, скорѣй часовъ теченье.

*) Церковь въ Терсатѣ, близъ Рѣки (Fiume), привлекаетъ къ себѣ много словѣнскихъ богомольцевъ, такъ какъ сюда, по преданію, ангелы перенесли изъ Назарета, попавшаго въ турецкія руки, домъ Пресвятой Дѣвы, который впоследствии они же перемѣстили въ Лорето въ средней Италіи, близъ Анконы. О другихъ мѣстахъ поклоненія Богородицѣ, излюбленныхъ словѣнцами, будетъ сказано ниже. О святомъ Антоніи Падуанскомъ есть у словѣнцевъ даже народныя пѣсни, въ которыхъ между прочимъ говорится, что при его рожденіи присутствовалъ самъ Христосъ (у Штрекеля 416—418). О чьемъ домѣ здѣсь рѣчь, см. предисл. стр. LXIV.

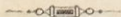
14.

1847

Бываетъ такъ, что разомъ мусульмане
Съ буддистами въ Китаѣ и браминъ
Въ своемъ краю день празднуютъ одинъ
И плѣнные межъ ними христіане.

У тѣхъ веселье, шумъ и при тимпанѣ
Звучать свирѣль, труба и тамбуринъ,
А эти чтутъ святыню годовщинъ
Мольбой втиши, во тьмѣ, въ глухомъ чуланѣ.

Въ день именинъ твоихъ былъ шумъ и громъ:
Въ кругу друзей, подругъ твоихъ широко
Шли танцы, пѣнье, весь сіялъ вашъ домъ.
Я этотъ день справлялъ со влажнымъ окомъ
И отъ души о счастьи твоёмъ
Въ своемъ жильѣ молился одинокомъ.

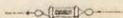
15.

1836

Мой взоръ лишь къ ней искалъ себѣ дороги,
Уста о ней лишь знали разговоръ,
Рукъ дѣломъ былъ лишь буквѣ ея узоръ,
Лишь по ея слѣдамъ ходили ноги.

Я къ искушенью всякіе предлоги 5
Имъ запретилъ — и отвернулся взоръ,
Уста замолкли, рукъ и ногъ задоръ
Пропалъ, и внѣшній слѣдъ исчезъ тревоги.

Такъ съ безнадежной страстію своей, 10
Которой тщетно я ищу лѣченья,
Боролся я, какъ могъ, не мало дней.
Но непослушны мысли и влеченья:
Домамъ, горамъ, рѣкамъ, деревьямъ къ ней
Не задержать ихъ бурнаго теченья.

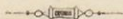

16. 1836

Когда больному опытность врачей
Кончину неизбѣжную пророчить,
Запрета нѣтъ ему пить, ѣсть, что хочетъ,
Нѣтъ горькихъ зелей на послѣдокъ дней.

Реветъ ли вихрь часъ-отъ-часу грознѣй, 5
И валъ морской ярится и клокочетъ,
О направленьи кормчій не хлопочетъ,
Не видя толку въ помощи своей.

Слезъ горькій кубокъ пить мнѣ надоѣло;
Мечты и взоры, вамъ я волю дамъ: 10
Когда спасенья нѣтъ, что мнѣ за дѣло?
Открыть вамъ путь туда, гдѣ любо вамъ;
Ядъ, полный сласти, испивайте смѣло,
Хоть разорветъ онъ сердце пополамъ.

17.

1837

msl

Послѣдній судъ борцамъ за рай успѣшнымъ
Отворить входъ въ небесный свѣтлый градъ,
И будетъ слава неземныхъ наградъ
Видна вблизи стоящимъ слѣва грѣшнымъ.

Тѣмъ видомъ больше, чѣмъ огнемъ кромѣшнымъ 5
И муками, которыхъ полонъ адъ,
Устрашены, бѣгутъ они назадъ
Съ отчаяньемъ, навѣки безутѣшнымъ.

Изобличая сердца тайный пылъ,
Предъ избраннымъ ея сіяли очи; 10
Четы блаженной зрителемъ я былъ.
Тотъ взоръ мнѣ виденъ и во мракѣ ночи,
И прочь бѣгу я дальше, и не милъ
Мнѣ цѣлый свѣтъ, и жизнь терпѣть нѣтъ мочи.

Какъ впредь писать намъ: *kaŭa* или *kasha**)?

Одни свои къ намъ вводятъ письмамена,

Другимъ угодна въ буквахъ старина;

Чья внизъ должна вѣсовъ склониться чаша?

По разуму вотъ мысль объ этомъ наша:

5

Пусть будетъ *kaŭa* лучшаго зерна,

Вкуснѣй, чѣмъ *kasha*, болѣе сочна —

Тогда пиши не *kasha*, а ужъ *kaŭa*.

Но какъ отъ буквы той или иной

Нѣтъ перемѣны въ блюдѣ никакой,

10

То намъ, словѣнцамъ, чуждымъ этихъ преній,

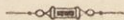
Борцы за буквы распрею своей

Напомнили абдерцевъ прежнихъ дней

Въ извѣстномъ спорѣ объ ослиной тѣни**).

*) Преширнъ долго держался стариннаго правописанія, въ которомъ чуждые латинской азбукѣ звуки передавались не особыми знаками, а сочетаніями уже готовыхъ латинскихъ буквъ. Прежде, чѣмъ словѣнцы усвоили себѣ отъ чеховъ письмо, дополненное знаками, измѣняющими звуковое значеніе основной буквы, у нихъ были попытки введенія чужихъ буквъ въ привычную имъ латинскую азбуку. Такимъ образомъ звукъ нашего *ш* словѣнцы выражали послѣдовательно посредствомъ *sh*, *ŭ* (еврейскаго) и *ſ*. Впрочемъ второй способъ (Метелка) не принятъ. См. пред. стр. XV.

**) Т.-е. о томъ, принадлежитъ ли тѣнь осла исключительно его владѣльцу, или ею могутъ пользоваться и другіе. Абдера — городъ во Оракин, славившійся у грековъ глупостью своихъ жителей.

Чего зѣвать намъ? въ книгахъ москвитянскихъ,
Мои горенцы, пищу мы найдемъ;
Какъ братъ, что любо, мы примѣръ возьмемъ
У богмеевъ**) съ предѣловъ оттоманскихъ.

Отъ шкипетаровъ***) до краевъ шаманскихъ,
Какъ на гнѣздо сорока, нанесемъ
Отвсюду словъ и ими уберемъ
Новѣйшую иллировъ****) рѣчь славянскихъ.

Народы всѣ признають нашъ успѣхъ:
Межъ языковъ языкъ древнѣе всѣхъ
Произойдетъ изъ мѣсива такого,
Затѣмъ что будутъ такъ болтать у насъ,
Какъ Вавилонъ залопоталъ въ тотъ часъ,
Когда Господь смѣсилъ тамъ людямъ слово.

*) См. пред. стр. XX примѣч.

**) Богмеи — граничары, хорватская стража на турецкой границѣ, отъ божбы „Бог ме“. Въ постоянной войнѣ съ турками, они приучились къ грабежу.

***) Албанцевъ, арнаутовъ.

****) Предки нынѣшнихъ албанцевъ, жившіе тамъ, гдѣ теперь часть сербо-хорватовъ и словѣнцы. Но здѣсь разумѣются литературные „иллирійцы“, о которыхъ см. пред. стр. XVIII—XIX.

20. 1833

На судъ картину Апеллесъ*) поставилъ,
Лишь истины ища, а не похвалъ,
И, скрытый, слушалъ все, что толковалъ
Знатокъ и что невѣжда противъ правилъ.

Съ колодками сапожникъ взоръ направилъ 5
На обувь и ошибку отыскалъ:
„Наборъ ремней“, сказалъ онъ, „больно малъ“.
И недостачу Апеллесъ добавилъ.

Сапожника вновь вздумалось судьбѣ 10
Туда послать; чѣмъ брестъ своей дорогой,
Надъ икрами творить ужъ судъ онъ строгій.
Но Апеллесъ ему и съ нимъ тебѣ,
Непризванный суда надъ ближнимъ мытарь,
Сказалъ: „Лишь обувь знай себѣ, Копытарь!“ **)

*) Знаменитый греческій живописецъ IV в. до Р. Х.

**) Имя извѣстнаго слависта — отъ kopito „копыто, са-
пожная колодка“. См. пред. стр. LXVI.

21. 1833

О Вербѣ, гдѣ я отчій домъ оставилъ,
О родина блаженная моя!
Когда бъ меня, какъ хитрая змѣя,
Науки свѣтъ въ путь дальній не направилъ!

Во всемъ, за что я міръ заранѣ славилъ,
Мнѣ не предстала бъ горечь бытія,
Въ себѣ сомнѣнья не узналъ бы я
И сердце бы свое отъ бурь избавилъ.

Любовь по гробъ съ прилежною рукой
Взамѣнъ богатаго при бракѣ дара
Мнѣ принесла бы избранная мной,
Меня щадила бъ рока злого кара,
Хранилъ бы мой сосѣдъ, самъ Маркъ святой*),
Отъ града хлѣбъ, а домъ мой отъ пожара.

*) Церковь во имя св. Марка въ Вербѣ. См. пред. стр. VI.

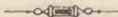

22. 1833

Зашедъ въ пустыню въ Африкѣ, дорогу
Утратилъ путникъ; смерклось; ночь темна;
Пока изъ тучи выглянетъ луна,
Онъ на траву прилежъ, забывъ тревогу.

Но вотъ луна открылась понемногу; 5
Предъ нимъ нора, свирѣпыхъ змѣй полна,
Здѣсь гриву льва, встающаго отъ сна,
Тамъ видитъ онъ съ тигрятами берлогу.

Такъ юношѣ бываетъ силъ не жаль,
Чтобъ дней текущихъ знать исходъ возможный, 10
Пока туманна будущности даль.
Свѣтлѣетъ ночь — и видитъ взоръ тревожный
Всю мерзость жизни, бѣды и печаль,
Обрывъ глубокой безъ тропы надежной.

23.

1833

Дубъ, зимнимъ вихремъ вырванный и сбитый,
Когда весны повѣтъ духъ живой,
Мѣстами вновь одѣнется листвою,
Хранимъ на время силою, въ немъ сокрытой.

Но не спасется онъ ея защитой:
Когда въ лѣсу растаетъ снѣгъ другой,
На дубъ вѣтки нѣтъ ужъ ни одной,
И онъ лежитъ, гнѣя, какъ трупъ забытый.

Такъ тотъ, кому судьбины гнетъ знакомъ,
Предъ ней стоитъ, пока изъ тверди ясной
Его сразить ея могучій громъ.
Ждетъ смерти онъ — не скорой, но всечасной;
Свѣтильникъ жизни гаснетъ съ каждымъ днемъ;
Вотъ масла нѣтъ — и конченъ вѣкъ злосчастный.

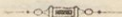

24. 1833

Кому судьба въ удѣлъ дала невзгоды,
Кто такъ, какъ я, съ враждой ея знакомъ,
Тотъ благъ земныхъ не наживетъ трудомъ,
Будь онъ гигантъ сторукий отъ природы.

Пойдетъ онъ, — терномъ зарастутъ проходы, 5
Осѣсть замыслить и поставить домъ, —
Напастей море набѣжитъ кругомъ,
И въ стѣны быють бушующія воды.

Ему нигдѣ покоя нѣтъ ничуть;
Вездѣ нужда, вездѣ забота душитъ; 10
Отъ нихъ нигдѣ ему не ускользнуть.
Лишь тамъ, гдѣ сна ничто ужъ не нарушить,
Въ той тѣмѣ, куда ведетъ послѣдній путь,
Кончина потъ чела ему осушить.

25. 1833

Жизнь есть тюрьма, въ ней время — злой палачъ,
Съ нимъ юная всегда жена — тревога,
Скорбь — неусыпный сторожъ у порога,
Мучители — отчаянье и плачь.

О другъ нашъ смерть, скорѣй свой срокъ назначь! 5
Ты ключъ, ты дверь, ты чающимъ дорога
Съ земли, что такъ печальна и убога,
Туда, гдѣ тлѣнье — всѣмъ недугамъ врачъ,

Гдѣ непріязнь когтей намъ не покажетъ,
Гдѣ мы обидъ не слышимъ за собой, 10
Гдѣ смертный узы всѣ свои развяжетъ, —
Туда, въ постель подъ черною землею,
Гдѣ спать такъ крѣпко, кто въ нее приляжетъ,
Что сна прервать не можетъ бѣдствій вой.

26.

1833

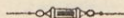
Изъ устъ моихъ ужъ впредъ, о рокъ суровый,
Не вырветъ жалобъ ненависть твоя;
Ударамъ всѣмъ земного бытія
Я, слава Богу, предстою готовый.

Привыкли плечи къ ношѣ, ужъ не новой,
Уста — къ глотанью горькаго питья;
Подошвой кожа сдѣлалась моя,
И не страшить меня вѣнецъ терновый.

5

Сталь твердъ и грубъ составъ моихъ костей,
Покрылось сердце каменной корою,
Смирился духъ подъ гнетомъ черныхъ дней,
Исчезъ и страхъ съ надеждою пустою.
Теперь, о рокъ, ласкай меня иль бей, —
Бездушный пенъ найдешь передъ собою.

10

27.

1832

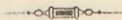
Memento mori *).

Намъ жизни срокъ на свѣтѣ данъ лишь краткій;
Ужъ сколько спитъ знакомцевъ подъ землей!
Ждетъ днемъ и ночью входъ насъ гробовой;
Но часъ узнать впередъ нельзя догадкой.

Не отвратить намъ смерти кожей гладкой,
Не закупить богатою казной,
И не отступитъ жизни воръ лихой
Предъ шумомъ пира или пѣснью сладкой.

Помысли то, любитель суеты,
Лишь радостей срывающій цвѣты,
Что твой чередъ — какъ знать? — наступитъ вскорѣ. 10
Быть можетъ, кто теперь, смѣясь, поетъ,
Тотъ будетъ прежде, чѣмъ сей день пройдетъ,
Безъ словъ гласить въ гробу: „Memento mori“!

*) Помни о смерти.

28. 1836

Матвѣю Чопу

(посвященіе поэмы „Крещеніе при Савицѣ“).

Усопшій другъ, мечты своей созданье
Я тѣни ранней въ даръ несу твоей;
Съ нимъ по тебѣ печаль была сносиѣй,
Въ тоскѣ разлуки легче мнѣ страданье.

На брѣнность узъ земныхъ въ немъ указанье:
Что мало намъ дано веселыхъ дней,
Что съ Богомиллой должно намъ моей
Перенести за гробъ все упованье.

Какъ Чертомиръ, забылъ я думъ полетъ,
Души вотще потраченныя силы
И всякій здѣсь на счастіе расчетъ.
Кончаетъ ночь день ясный, день унылый;
Въ скорбяхъ ли сердце, въ радости ль живетъ,—
Оно покой найдетъ во тѣмѣ могилы.

КРЕЩЕНІЕ ПРИ САВИЦѢ^{*)}.

1836 р 64

*) Савица — рѣка, текущая съ высочайшей изъ краинскихъ горъ, Триглава, въ Бохинское озеро, при входѣ въ которое образуетъ водопадъ (смотри къ Балл. и ром. 7). Не вдалекѣ холмъ, называемый Идолъскимъ Городищемъ (точнѣе: языческимъ городкомъ — Ajdovski gradec), хотя никакихъ развалинъ теперь тамъ нѣтъ. Верстахъ въ 25 лежитъ Бледское озеро въ живописныхъ, по большей части гористыхъ берегахъ. Надъ нимъ возвышается на отвѣсной скалѣ замокъ, построенный въ средніе вѣка тогдашними владѣтелями этого мѣста, бриксенскими епископами, а теперь принадлежащій частному лицу. На озерѣ островокъ, а на немъ — три дома и маленькая церковь во имя Богоматери, куда многіе ѣздятъ на богомолье. О томъ, чтобы здѣсь былъ когда-либо храмъ богини Живы, о которомъ говоритъ Преширнъ, ничего не извѣстно. Дѣйствіе, изображаемое въ поэмѣ, происходитъ въ концѣ VIII в. по Р. Х.

Введеніе.

Вальхунъ, сынъ Кайтимаровъ¹⁾, бой кровавый
Ведеть давно ужъ за законъ Христовъ.
Паль Дрохъ предъ нимъ, Аврелій²⁾ палъ со славой,

И съ ними сотни полегли головъ;
Пролитой крови въ Крайнѣ, въ Хорутанахъ 5
Достало бы на множество ручьевъ.

Гниютъ безъ погребенья на полянахъ
Погибшіе вожди и людъ простой.
Съ отрядомъ небольшимъ, забывъ о ранахъ,

Лишь Чертомиръ, воитель молодой, 10
За вѣру предковъ, за боговъ родимыхъ,
За Живу³⁾ красную подъемлетъ бой;

Съ толпой язычниковъ неукротимыхъ
Бѣжитъ онъ въ Бохинъ, къ Быстрицкимъ доламъ,
Въ твердыню на скалахъ, чуть достижимыхъ. 15

Развалина видна доселѣ тамъ,
Что Идольскимъ острожкомъ называютъ;
Ей Чертомиръ владѣлъ въ то время самъ.

Разъ въ девять бѣльшимъ войскомъ окружають
Его враги и, ставъ со всѣхъ сторонъ,
Подмоги ни откуда не пускають;

20

Осадныхъ башенъ строй сооружень,
Подъ стѣны ходъ ведутъ, ворота рубятъ;
Но держится упрямый гарнизонъ.

Ужъ полгода они другъ друга губятъ,
Безъ сожалѣнья брата рѣжетъ братъ.
Себя какъ мало люди въ ближнихъ любятъ!

25

Но не топоръ, лопата и булатъ
Рѣшили дѣло, а бѣда другая:
Явился голодъ, лютый супостатъ.

30

Тутъ Чертомиръ, напасти не скрывая,
Товарищамъ на сходкѣ молвилъ такъ:
„Не мечъ насъ гонить, а судьбина злая.

„Запасъ ѣды у насъ почти изсякъ.

Одни мы долго бились безъ завѣта;
Васъ не держу я: сдаться воленъ всякъ;

35

„Терпѣть изъ васъ кто хочетъ до разсвѣта,
Влачить ночамъ подобныхъ бремя дней,
Тому съ зарею нѣтъ на то запрета.

„Съ собой же я зову богатырей,
Которымъ тяжки рабскія оковы.
При бурѣ мракъ ночной еще страшнѣй;

40

„Враги едва ль свои покинуть кровы;
Не трудно намъ, прошедъ чрезъ вражій станъ,
Еще во тьмѣ достигнуть той дубровы. 45

„Обширенъ долженъ быть удѣлъ славянъ!
Себѣ приютъ найдемъ въ краю далекомъ,
Гдѣ нашъ законъ не будетъ ужъ погранъ.

„А если смерть назначена намъ рокомъ,
Не такъ ужасна ночь во тьмѣ могилъ, 50
Какъ съ яснымъ солнцемъ дни въ плѣну же-
стокомъ“.

Ему никто въ бѣдѣ не измѣнилъ;
Оружіе свое все молча взяли;
Во всехъ равно былъ живъ военный пылъ.

Но вдругъ, ворота отворивъ, попали 55
Въ бой,—нѣтъ, скорѣй на бойню къ мясникамъ:
Вальхуна силы все имъ предстояли.

На сонъ враговъ разсчитывалъ онъ самъ,
Чтобъ по стѣнѣ забраться въ укрѣпленье
И прежде, чѣмъ замѣтятъ, быть ужъ тамъ. 60

Сквозь бурныхъ вѣтровъ грозное гудѣнье
Зоветь подмогу стража у воротъ,
И началось кровавое сраженье.

Какъ горный ключъ, раздувшись, вдругъ съ высотъ
Въ долину побѣжить волною жадной, 65
Все на пути съ разлета злобно бьетъ

И прежде, чѣмъ разбить оплотъ досадный,
Войти не хочетъ снова въ берега, —
Таковъ Вальхунъ бушуетъ безпощадный.

Воюетъ онъ, пока вся кровь врага 70
Не пролита и дышитъ хоть единый
Изъ тѣхъ, кому такъ вѣра дорога.

Когда заря блеснула надъ долиной,
Тамъ груды тѣль; ихъ больше, чѣмъ въ жнитво 75
Увидишь конень, идя десятиной.

Но стоило Вальхуну торжество
Полвойска слишкомъ. Ищетъ онъ напрасно
Межъ трупами язычниковъ того,

Кто былъ виной рѣзни такой ужасной.

Крещеніе.

Людей и тучь война и мракъ nocturnal
Минули вмѣстѣ; лучъ разсвѣта нѣжный
Забрезжилъ надъ вершиною тройной
Царя сѣдого крайнской цѣпи снѣжной*).
По озеру Бохинскому покой
Разлить и ночи нѣтъ слѣда мятежной,
Но подъ водою сомовъ идетъ война
И хищниковъ другихъ, питомцевъ дна.

5

То озеро, гдѣ ты стоишь угрюмо,
О Чертомиръ, не есть ли образъ твой?
Военнаго уже не слышно шума,
Но у тебя въ груди все длится бой,
Въ душѣ встаетъ знакомая ужъ дума
И — если въ горѣ вѣренъ опытъ мой —
Терзаетъ умъ, зоветъ къ убійству руки;
Всѣхъ мукъ лютой отчаянія муки.

10

15

Исконный быть славянскій потрясенъ,
Во прахѣ вѣра предковъ и уставы;

*) Триглавъ.

Страной вертеть баварець Тассилонъ⁴⁾,
 Подъ тяжкимъ игомъ стонуть дѣти Славы;
 Лишь чужаки живутъ тамъ безъ препонъ,
 Зато, въ сознаньи силы, величавы.
 Иль ты, чтобъ этихъ впредь не видѣть бѣдъ,
 Пойдешь Катону младшему вослѣдъ?*)

20

Такихъ невзгодъ, въ душѣ такого ада
 Не перенесъ бы мужъ преклонныхъ лѣтъ;
 Но въ юности могучая преграда
 Къ самоубійству есть надежды свѣтъ.
 Тебѣ что въ жизни, Чертомиръ, отрада,
 На то въ твоёмъ прошедшемъ есть отвѣтъ,
 Когда не вѣры лишь старинной сила
 Тебя на воды Бледскія манила.

25
30

Теперь на островъ тотъ, среди воды,
 Къ Маріи ѣздимъ мы на богомолье.
 На заднемъ планѣ снѣжныхъ горъ ряды;
 Налѣво Бледскій замокъ и раздолье
 Полей и нивъ, цвѣтущихъ, какъ сады;
 Гряда холмовъ замкнула справа вполѣе.
 Гдѣ въ Крайнѣ есть такой волшебный край,
 Какъ эта часть, земной для взоровъ рай?

35
40

*) Катонъ младшій послѣ того, какъ Юлій Цезарь разбилъ республиканскія войска при Тапсѣ (въ Аффрикѣ) въ 46 г. до Р. Х., лишилъ себя жизни, чтобы не пережить республики.

На островѣ въ далекія тѣ поры
 Стояль богини Живы истуканъ;
 Влюбленные искали въ ней опоры
 Своимъ мечтамъ; красавицы славянъ
 Съ молитвою къ ней простирали взоры, 45
 Источникъ вѣрный намъ сердечныхъ ранъ;
 Тамъ Старославъ святилища блюль двери
 При помощи своей прелестной дщери.

По красотѣ съ абидской жрицей*) споръ
 Принять могла успѣшно Богомила; 50
 Невинностью ея сіяетъ взоръ;
 Своей красы она лишь не цѣнила
 И яду лестныхъ словъ наперекоръ
 Невинность въ сердцѣ чистомъ сохранила.
 Шестнадцать лѣтъ ей минуло тогда; 55
 Ея душѣ любовь была чужда.

Съ обычными дарами для божницы
 Разъ Чертомира лодка принесла;
 Въ ней дань отъ стадъ, хлѣба, плодовъ кошницы,
 Произведенья зѣмка и села. 60
 Здѣсь онъ при взглядѣ на черты дѣвицы,
 Себѣ не чая никакого зла,

*) Геро (*Ἡρώ*), жрица Афродиты, жила, по общепринятому преданію, въ Сестѣ, городѣ на европейскомъ берегу Геллеспонта (Дарданельскаго пролива), а въ Абидѣ, на азіатскомъ берегу, жилъ ея возлюбленный, Леандръ, однако такъ называемая „Башня Геро“ находилась близъ Абида.

Быль пораженъ изъ глазъ ея стрѣлою
И съ той поры „прости“ сказалъ покою.

О, какъ ты счастливъ, Чертомиръ! твой взоръ 65
Зажегъ огонь и въ сердцѣ дѣвы скромной.
Опущенъ взглядъ, прерывистъ разговоръ,
Охваченъ духъ мечтой какой-то темной;
Какъ блескъ зари предъ вѣдромъ темя горъ,
Такъ залилъ щеки ей румянецъ томный; 70
Ея рука въ твоей рукѣ давно —
Зачѣмъ? не знаетъ; какъ? ей все равно.

Пусть вамъ иной поэтъ опишетъ счастье,
На цѣлый годъ доставшееся имъ,
Къ жилищу дѣвы юноши пристрастье, 75
Отца при нихъ возвратъ къ мечтамъ былымъ,
Хмель двухъ сердецъ, пока войны ненастье
Не разнесло ихъ радостей, какъ дымъ, —
Иной поэтъ, не я, не безутѣшный,
А кто въ любви блаженствуетъ успѣшной. 80

О Чертомиръ! насталъ разлуки срокъ.
Реветь трубы призывъ неумолимый.
Чтобъ жечь кумирни, за собой привлечь
Толпы враговъ Вальхунъ непримиримый.
Ужъ въ сборѣ, кто себя на бой обрекъ 85
За вѣру матери твоей родимой,
За вѣру ту, которой столпъ — она,
Къ кому любви душа твоя полна.

О, какъ тяжель и горекъ часъ разлуки!
 Они стоятъ, свободу давъ слезамъ, 90
 Сомкнувъ одинъ кругомъ другого руки,
 Прильнувъ устами трепетно къ устамъ.
 Отецъ, сознавъ, что боль душевной муки
 Таить не въ силахъ, съ ними плачетъ самъ
 При видѣ ихъ смертельнаго томленья, 95
 Которому не знаетъ утѣшенья.

Когда бъ онъ вѣрилъ въ мощь страны своей,
 Онъ ободрилъ бы ихъ побѣды славой;
 Но угрожалъ чрезъ Кокру Крайнѣ всей
 Вальхунъ, набравъ тьму воиновъ за Дравой*); 100
 Кто шель на бой за вѣру и друзей,
 Тотъ не побѣдъ, а смерти ждалъ кровавой.
 Горить село, а тамъ горить ропать**);
 О Чертомиръ, пора итти на рать!

И онъ пошелъ, въ борьбѣ не видя прока, 105
 Однако славу рода поддержалъ:
 Махнеть мечомъ — и во мгновенье ока
 Лежать тѣла убитыхъ наповаль
 Иль чуть живыхъ, пораненныхъ жестоко.
 Но мечъ и стѣны и твердыня скаль 10
 Поборникамъ отцовскаго закона
 И ихъ богамъ, увы! не оборона.

*) Въ Баваріи. Драва течетъ черезъ Тироль, Хорутанію, Штирію, Хорватію и Славонію и впадаетъ въ Дунай.

**) Кумирня.

Одинъ, склоняся на мечъ кровавый свой,
 При озерѣ стоитъ онъ, побѣжденный;
 Блуждаетъ взоръ его надъ глубиной; 115
 Ужасныхъ мыслей полонъ умъ смятенный.
 Убийствомъ кончить онъ хотѣлъ съ собой,
 Но былъ удержанъ силой сокровенной;
 То, Богомила, память о тебѣ,
 Ему про жизнь шептавшая въ борьбѣ. 120

Увидѣть вновь онъ жаждетъ образъ милый,
 Мѣстамъ любимымъ свой снести привѣтъ;
 Пощажена ль она враждебной силой?
 Ему хранить ли вѣрность или итѣть?
 Иль, можетъ-быть, взята уже могилой? 125
 Иль сдѣлалъ празднымъ плѣнъ ея обѣтъ?
 Жива ль она? погибла ли? объ этомъ
 Развѣдавъ, онъ простится ужъ со свѣтомъ.

Рыбакъ знакомый виденъ на водѣ;
 Сознанье онъ въ безумцѣ воскрешаетъ, 130
 Сказавъ, какъ ищетъ врагъ его вездѣ,
 Какъ плѣннымъ страхъ Вальхунъ къ себѣ внушаетъ,
 Какъ здѣсь легко подвергнуться бѣдѣ;
 Его къ себѣ онъ въ лодку приглашаетъ,
 Чтобъ отвезти подъ безопасный кровъ; 135
 И Чертомиръ съ нимъ тотчасъ въ путь готовъ.

Гдѣ быстрая вливается Савица,
 Въ тотъ озера конецъ они гребутъ,

Гребутъ — и ихъ челнокъ летить, какъ птица:
 Вослѣдъ имъ вѣтеръ облегчаетъ трудъ; 140
 Но рыбаку враговъ мелькаютъ лица;
 Въ густой тѣни лишь миль ему приютъ.
 Когда онъ мнитъ, что ѣсть пора герою,
 Ему даетъ онъ то, что взялъ съ собою.

О платѣ мыслить витязь, хоть войной 145
 Поглочены его всѣ деньги были;
 Но на храненье прежде кладъ большой
 Онъ Старославу далъ и Богомилѣ;
 Ему сыскать ихъ онъ велитъ и свой
 Вручаетъ перстень, чтобъ, довѣривъ силѣ 150
 Его, они съ посломъ свели расчетъ;
 Пусть золота онъ четверть принесетъ.

Но Богомила — главная забота:
 Еще ли солнца блескъ доступенъ ей?
 Цѣла ль она средь воднаго оплота? 155
 Иль скрылась гдѣ отъ яростныхъ гостей?
 И о пути онъ требуетъ отчета,
 Какъ до нея дойти ему вѣрнѣй.
 На завтра ждать онъ будетъ при Савицѣ
 Вѣстей дурныхъ или добрыхъ о дѣвицѣ. 160

Онъ утромъ слышитъ водопада громъ,
 И мыслить: какъ рѣка, стремясь къ простору,
 Бѣснуетъ, какъ въ берегъ бьетъ ключомъ,
 Какъ сотрясаетъ въ основаньи гору,

Какъ сквозь утесы рвется напроломъ, 165
 Какъ пѣнится! Такъ юноша задору
 Границъ не знаетъ; но придеть и миръ.
 Такую думу думалъ Чертомиръ.

Но вдругъ онъ слышитъ говоръ отдаленный 170
 Людей, несущихъ золото съ собой.
 Узналъ онъ обликъ рыбака почтенный;
 Идетъ съ нимъ кто-то по лугу чужой;
 Таларъ и стола*) — признакъ несомнѣнный
 Того, что онъ — Христа слуга святой.
 Десница витязя ужъ мечъ схватила, 175
 Но тутъ предъ нимъ явилась Богомила.

„Въ мои объятья, милая, приди!
 Конецъ заботъ, бѣдствію, печали!
 Отъ счастья все дрожить въ моей груди,
 Когда черты твои мнѣ вновь предстали. 180
 Хотя бъ насъ ждали бури впереди,
 Хотя бы тучи небо облегали,
 Мнѣ все равно, что бъ ни было кругомъ,
 Лишь ты была бы на сердцѣ моемъ!“.

Отсторонивъ его отъ шеи руки, 185
 На ближній камень сѣла вдругъ она.

*) Таларъ — длинная одежда католическаго священника (soutane), стола — шелковая полоса въ пядь ширины съ крестами по срединѣ и по концамъ, болѣе широкимъ, надѣваемая на шею и ниспадающая до колѣнъ.

Ея отвѣта нѣжны были звуки,
 Но твердость въ немъ влюбленному слышна:
 „Теперь не брака время, а разлуки;
 Стезя своя быть каждому должна. 190
 Чтобъ наши вновь сошлись пути — не нынѣ,
 А послѣ — видишь здѣсь меня въ пустынѣ.

„Ты долженъ знать, что я ужъ крещена:
 Во мнѣ, какъ въ ясный полдень иней бѣлый,
 Язычества исчезли сѣмена; 195
 Крестился мой родитель престарѣлый;
 Богиня Жива въ глубь погружена
 Маріи читателей деревней цѣлой.
 Какъ я Христа постигла благодать,
 Мой Чертомиръ, хочу тебѣ сказать. 200

„На островѣ, въ пустынѣ безотвѣтной,
 Какъ унесла отъ насъ тебя ладья,
 Я думала: ужель волною тщетной
 Союзъ нашъ канетъ въ бездну бытія?
 Ужель конецъ мечтѣ двухъ душъ завѣтной 205
 Положить тьма подземнаго жилья?
 Ужель нигдѣ въ предѣлахъ мірозданья
 Четѣ сердець нѣтъ вѣчнаго свиданья?

„Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушелъ на лютый бой,
 Меня все та же мучила тревога. 210
 Я знала: смерть витаетъ надъ тобой,
 А мнѣ къ тебѣ заказана дорога.

Такъ свой я весь утратила покой,
 Ни въ чемъ не видя къ лучшему залога.
 Отчаянье душило ужъ меня. 215
 Какъ въ этой тьмѣ ждала я свѣта дня!

„Разъ я свою покинула обитель,
 Чтобъ разузнать объ участи твоей;
 Тамъ предъ толпой вѣщаль святой учитель,
 Стоящій здѣсь почтенный іерей, 220
 Какъ создалъ насъ Богъ Вышній, Вседержитель,
 Какъ грѣхъ проникъ съ Адамомъ межъ людей,
 Какъ сталъ не чуждъ Сынъ Божій ихъ природы,
 Чтобъ возвратить къ блаженству всѣ народы,

„Что Богъ любви Богъ горнихъ есть высотъ, 225
 Что любить Онъ равно свои творенья,
 Что этотъ міръ, міръ горя и заботъ,
 Есть искушенья край, что мы рожденья
 Небеснаго, что тотъ же Богъ даетъ
 Намъ какъ веселье, такъ и огорченья, 230
 Что дивно Онъ ведетъ къ себѣ людей,
 Что не желаетъ гибели ничьей,

„Что къ небу наше насъ зоветъ начало,
 Гдѣ славы Божьей совершенный храмъ,
 Не зрѣло око, ухо не слыхало 235
 Утѣхъ, какія ждутъ блаженныхъ тамъ,
 Что имъ, какъ бремя плоти лишь отпало,
 Даются блага всѣ по ихъ мольбамъ,

Что тамъ навѣкъ Божественныя узы
Скрѣпляютъ все земныя души союзы. 240

„Задумчива вернулась я домой;
Пришелъ и онъ, кто свѣтомъ сталъ мнѣ новымъ;
Какъ со своей, бесѣдовалъ со мной;
Сказалъ, что былъ друидомъ онъ суровымъ,
Что онъ идетъ, законъ принявъ святой, 245
Нашъ край ученьемъ просвѣщать Христовымъ;
Съ собой въ обходъ окрестныхъ деревень
Зоветь меня, когда погаснетъ день.

„Отцу и мнѣ открылъ онъ въ поясненье,
Какой что древле предсказалъ пророкъ, 250
Какъ Евы и Адама прегрѣшенье
Загладилъ крови на крестѣ потокъ;
Изобразилъ намъ свѣтопреставленье
И чудеса, какъ истины залогъ;
Намъ, сколько нужно, передавъ познаній, 255
Очистилъ насъ по вѣрѣ крестной баней.

„Но нестерпимо думать было мнѣ,
Что ты въ числѣ возставшихъ противъ Бога.
Тебя не разъ видала я во снѣ
Недвижнымъ у могильнаго порога. 260
Боялась я, что смертию на войнѣ
Тебѣ закрыта будетъ въ рай дорога.
Но Божій мужъ меня утѣшилъ тѣмъ,
Что верхъ беретъ молитва надо всеѣмъ.

„Потомъ молилась часто я со страстью,
Заступницѣ вѣрятся вѣщи: 265

„Не покарай, Господь, его напастью!
Не злоба грѣхъ его, а мракъ души.
Не дай врагамъ надъ нимъ кичиться властью!
Его своей защиты не лиши!“ 270

И дивно Богъ тебя въ ту ночь избавилъ,
Какъ всѣхъ своихъ ты мертвыми оставилъ.

„О Чертомиръ, отъ сначки пробудись,
Разстанься съ долгимъ, страшнымъ заблужденьемъ,
Въ грѣховной тѣмѣ безцѣльно не трудись, 275
Не раздражай небесъ сопротивленьемъ.
И жизни льготой такъ распорядись,
Чтобъ кончилась разлука единеньемъ,
Чтобъ тамъ блеснулъ любви намъ вѣчной свѣтъ,
Гдѣ ни болѣзни, ни печали нѣтъ“. 280

Чертомиръ.

„Чѣмъ отплачу тебѣ я, Богомила,
За всю твою заботу и любовь?
Такой восторгъ ты въ душу миѣ вселила,
Что трудно миѣ прійти къ сознанью вновь.
Пока миѣ не измѣнитъ жизни сила 285
И не изсякнетъ вся до капли кровь,
Твоимъ пребуду весь я безъ раздѣла:
Будь миѣ владыкой вѣры, мысли, дѣла!

„Какъ могъ бы съ волей спорить я твоей
И поступить не такъ, какъ ты желала? 290

Но вспомни лишь Вальхуновых мечей
Слѣды и стрѣлъ его смертельныхъ жала, —
Что крови пролилось по Крайниѣ всей,
Какъ христіанъ рука насъ истязала,
И миѣ скажи: не больше ли въ крови 295
Изъ всѣхъ боговъ замаранъ Богъ любви?“.

Священникъ.

„Да будетъ миръ и въ людяхъ и въ природѣ!
Такъ ангелы съ небесной вышины
Вѣщали при Мессииномъ приходѣ.
Что всѣ Отца мы одного сыны, 300
Что братья всѣ въ людскомъ намъ цѣломъ родѣ, —
Вотъ свѣше мы чему научены.
Лишь на своемъ безумномъ произволѣ
Стоитъ Вальхунъ, а не на Божьей волѣ“.

Чертомиръ.

„Любви и мира вѣру я готовъ 305
Принять: твоя то вѣра, Богомила.
Я знаю: намъ обряды и боговъ
Ихъ слугъ самихъ лишь хитрость породила.
Въ нихъ только чтить обычай я отцовъ;
Его теперь меча низвергла сила. 310
А если буду я, какъ ты, крещень,
Когда другъ съ другомъ свяжетъ насъ законъ?“.

Богомила.

„Не много дней живутъ на свѣтѣ розы,
Когда покровъ знобить ихъ снѣговой

Иль вешніе падуть на нихъ морозы; 315
 Такъ дѣвушка, утратившей покой
 И съ юныхъ лѣтъ познавшей жизни грозы,
 Не долгій путь бываетъ данъ земной.
 Дадимъ ли мы на мигъ другъ другу руки,
 Чтобъ вѣкъ потомъ бояться вновь разлуки? 320

„Затѣмъ, чтобъ Богъ отъ вражескихъ мечей
 Тебя хранилъ и для восторговъ вѣчныхъ
 Твою любовь соединилъ съ моей,
 Я отъ желаній отреклась сердечныхъ,
 Я отреклась отъ счастья жизни сей, 325
 Соблазны узъ отвергла быстротечныхъ.
 На небѣ былъ услышанъ мой обѣтъ;
 На бракъ со мной тебѣ надежды нѣтъ!

„Маріи я и Сыну посвятила
 Навѣкъ свою дѣвичью чистоту; 330
 Хотя бы долго я въ себѣ влачила
 Тоску любви и райскую мечту,
 Не помѣшаетъ никакая сила
 Миѣ быть невѣстой вѣрною Христу,
 Храня отъ скверны брачныя одежды. 335
 На бракъ со мною нѣтъ тебѣ надежды!“.

Тогда сказалъ ему священникъ такъ:
 „Тому при бракѣ счастье невозможно,
 Кѣмъ такъ, какъ мною и тобой, землякъ
 Былъ укрѣпляетъ въ слѣпотѣ безбожной: 340
 Друидомъ сѣялъ я въ народѣ мракъ,

А ты когда бѣ въ защиту вѣры ложной
Не выступишь, ея бы пробилъ часъ,
И вдовѣ такъ много не было бѣ у васъ.

„Отправься въ Аквилею*): санъ духовный 345
Отъ патріарха можешь тамъ принять,
Чтобъ тѣмъ, кого, держа во тѣмъ грѣховной,
Губилъ, какъ я, принесъ ты благодать.
На югѣ много жатвы есть церковной;
Иди туда и не лѣнися жать! 350
Но прежде въ Аквилею, гдѣ при санѣ
Получишь власть къ законной душѣ охранѣ“.

Чертомиръ.

„Да, счастье я къ себѣ не поверну:
Оно всегда казало мнѣ лишь спину.
Отецъ безъ счастья долго велъ войну 355
И въ битвѣ жизнь утратилъ и дружину.
Едва укрылась мать, чтобъ не въ плѣну
Пришлось ей встрѣтить раннюю кончину.
Заря любви блеснула мнѣ изъ тучъ,
И вдругъ погасъ ея отрадный лучъ. 360

„Раскаты трубъ гудятъ надъ цѣлымъ краемъ;
Меня отъ милой въ бой зоветъ ихъ громъ;
Вальхуна мы, какъ можемъ, отражаемъ —

*) Городъ недалеко отъ Триэстскаго залива. Епископы его съ половины VI в. по 1751 г. носили титулъ патріарховъ. Съ конца XI в. до первой четверти XIII Крайна была имъ подчинена даже политически.

Напрасный трудъ! всѣ гибнуть подѣ мечомъ;
Ушелъ лишь я, врагомъ незамѣчаемъ.
Моя надежда — бѣгство, лѣсъ — мой домъ.
Себя со мною связывать нелѣпо,
Когда судьба гнететъ меня такъ слѣпо“.

365

Богомила.

„Нѣтъ, тотъ любви не вѣдаетъ прямой,
Кто мыслить, что въ бѣдѣ она остынетъ;
Горитъ во мнѣ огонь ея святой,
Пока душа обузу тѣла скинетъ;
Но въ бракѣ жить мѣшаетъ бракъ другой:
Его мой духъ вовѣки не отринетъ.
Узнаешь ты за гробомъ, какъ тверда
Моя любовь, и какъ ей ложь чужда.“

370

375

„Чтобъ ты успѣшно сѣялъ Божье сѣмя,
Въ славянскія отправься племена.
Пока должна нести я жизни бремя,
Останусь Богу и тебѣ вѣрна;
Черезъ краткое тебя ждать буду время
Съ отцомъ въ раю невѣстой безъ пятна
До той поры, какъ паствы всей слезами
Оплаканный, ты явишься межъ нами“.

380

Вдругъ солнца ликъ сверкнулъ изъ облаковъ,
И радуга взошла надъ Богомилой,
Вкругъ блѣдныхъ чертъ игрой блестя цвѣтовъ;
Лучи вѣнцомъ объяли образъ милый.

385

Въ восторгѣ, плакать юноша готовъ.
 Тому, что житель онъ земли унылой, 390
 А не небесъ, не можетъ вѣрить онъ;
 Такъ этимъ видомъ былъ онъ пораженъ.

Когда жъ онъ думать о мірскомъ былъ въ силѣ,
 Даль рыбаку онъ мзду, изъ клада взявъ,
 И также тѣмъ, что золото носили. 395
 „Раздай сиротамъ все, что Старославъ
 Мнѣ сохранилъ“, сказалъ онъ Богомилъ;
 Потомъ, ее отъ всей души обнявъ,
 Ей на прощанье молча подаль руку;
 Лишь токи слезъ его являли муку. 400

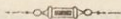
„Постой немного: просьба есть одна
 Еще къ тебѣ“, она ему сказала:
 „Чтобъ безъ тебя мнѣ жизнь была сносна,
 Чтобъ сердце мнѣ забота не терзала,
 На вѣчныя отвергни времена 405
 При мнѣ обманъ язычества сначала:
 Крещеньемъ грѣхъ сними съ души своей;
 Вода близка и тутъ же іерей“.

Онъ подчинился ей безъ возраженій.
 Священникъ съ нимъ пошелъ на водопадъ 410
 И тамъ подъ звукъ торжественныхъ моленій
 Надъ нимъ свершилъ крещенія обрядъ.
 Всѣ зрители поверглись на колѣни;
 Святымъ восторгомъ блещетъ дѣвы взглядъ,

Оплотомъ бывшей прежде вѣры лживой,
Творившей жертвы предъ богиней Живой.

415

Онъ въ Аквилеѣ смысломъ овладѣлъ
Христова непреложнаго ученья;
Принявъ священство, сердцемъ онъ сгорѣлъ
Для благъ мірскихъ; потомъ пошелъ въ селенья 420
Родныхъ словѣнцевъ и за ихъ предѣлъ,
Борясь до смерти противъ заблужденья.
Осталась дѣва дома у отца;
Такъ ихъ разлука длилась до конца.

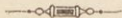
Примѣчанія Преширна.

1) Вальхунъ, называемый у латинскихъ писателей Valhunnus или Valdungus, былъ герцогомъ хорутанскимъ и главнымъ гонителемъ невѣрныхъ. Уже его отецъ Кайтимаръ (Chetimar) сильно старался о распространеніи христіанской вѣры въ Хорутаніи и Крайнѣ; но словѣнцы крѣпко держались старой вѣры и преслѣдовали христіанъ, особенно миссіонеровъ. Смотри Вальвазоря „Ehre des Herzogthums Krain“ 7-ой книги 2-ую главу.

2) Аврелій, Дрохъ (Aurelius, Drohus) — два вождя невѣрныхъ. Смотри Вальвазоря въ указанномъ мѣстѣ.

3) Жива — богиня любви, славянская Венера.

4) Баварецъ Тассилонъ, Тесель (Tassilo), герцогъ баварскій, съ тремя отрядами воиновъ привелъ назадъ и снова навязалъ словѣнцамъ Вальхуна, котораго они въ первые годы его правленія выгнали изъ страны. Смотри Вальвазоря въ указанномъ мѣстѣ.

1. Монашенка.

Монашенка

Насколько я знаю, это стихотворение,

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(не напечатанныя Преширномъ, хотя отчасти написанныя до
выхода изданія 1847 г.).

Камерею.

Скучно бы и грустно, твой советъ

На камерныхъ улахъ безвкусно вѣдъ.

Гдѣ прощаю мнѣ прощанья на свѣтѣ,

Гдѣ жалью, вѣсно, дѣлю, гдѣ грѣхъ, вѣснѣхъ и вѣдъ.

Гдѣ вѣснѣхъ не видѣю, вѣснѣхъ,

Гдѣ вѣснѣхъ не вѣснѣхъ, не вѣснѣхъ,

Гдѣ вѣснѣхъ не вѣснѣхъ, не вѣснѣхъ.

У вѣснѣхъ, вѣснѣхъ, не вѣснѣхъ, не вѣснѣхъ,

Вѣснѣхъ, вѣснѣхъ, не вѣснѣхъ, не вѣснѣхъ,

Вѣснѣхъ, вѣснѣхъ, не вѣснѣхъ, не вѣснѣхъ.

1. Монашенка.

1849. 12

Монашенка.

*Gräfin
Angelika
v. M.*

Веселая вновь пробудилась весна,
Моя канарейка-подруга!
Въ зеленую рощу летѣть ты вольна,
Тебя не держу, не закрою окна;
Ищи себѣ гнѣздышка, друга;
Покинь монастырь для природы,
Отвѣдай счастливой свободы.

5

Канарейка.

Охотно бы я приняла твой совѣтъ
Въ канарскихъ краяхъ безмятежныхъ,
Гдѣ предки мои появились на свѣтъ,
Гдѣ вѣчно весна лишь, гдѣ грозъ вашихъ нѣтъ,
Гдѣ вихрей не видано снѣжныхъ,
Гдѣ нѣтъ ни мороза, ни града,
Гдѣ тайно не ждетъ насъ засада.

10

У васъ холодна мнѣ по рощамъ роса,
Веснѣ вашей краткой не вѣрю,
Здѣсь зиму и лѣто грозятъ небеса,

15

И ястребы сверху, а снизу лиса
Опасны и птицѣ и звѣрю,
И ваши жестокиа дѣти
Ихъ ловятъ въ капканы и сѣти.

20

Я вывелась въ клѣткѣ и въ кельѣ росла
Вдали отъ толпы и отъ муки;
Въ тебѣ лишь, дѣвица, я друга нашла,
Отъ грозной судьбы не извѣдала зла,
Твои меня холили руки;
Могу ли терпѣть я невзгоды?
Какъ жить мнѣ одной средь природы?

25

Монашенка.

Да, это все правда; покой свой цѣня,
Останься въ монашеской кельѣ.
Я буду съ тобой, какъ до этого дня;
Ты, милая, пой мнѣ, скачи вокругъ меня,
Души охраняй мнѣ веселье!
Лишь келью запремъ отъ народа;
На что намъ мірская свобода?

30

35

2. Старая дѣва. 1866

Дѣва престарѣлая,
Ужъ заматерѣлая,
Изливала жалобы
Такъ, что жаль всѣмъ стало бы:

„Что я за несчастная!
Прежде дѣва красная,
Красная и милая,
Одного плѣнила я.

5

„Крѣшко онъ любилъ меня,
Вѣкъ бы не забылъ меня;
Я ломалась много лѣтъ,
Не сказавъ ни „да“, ни „нѣтъ“.

10

„Залетѣла птичка въ сѣтъ;
Тутъ ее бы и поддѣтъ.
Мальчикъ брать ее нейдетъ:
Все добычи лучшей ждетъ.

15

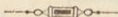
„Птичка скрылась между тѣмъ;
Мальчуганъ идетъ ни съ чѣмъ,
Плачетъ съ горя и со зла:
Птичка славная была.

20

„Тѣмъ пренебрегала я,
Лучшихъ поджидала я;
Но и этотъ спрятался
И къ другой присватался.

„Такъ и молодость прошла —
Все напрасно я ждала.
Вотъ я дѣва зрѣлая,
Ужъ заматерѣлая“.

25

3. Здравница 1848

(при встрѣчѣ 1844 года).

Друзья, вотъ снова дали
Намъ лозы сладкое вино;
Лѣкарство отъ печали,
Источникъ силы намъ оно,
Духъ бодрить,
Веселить,
Надежду робкую живить.

5

Пирушку начиная,
Кому мы дружно выпьемъ въ честь?
Цвѣти страна родная,
И всѣ славяне, сколько есть!
Всѣ равны,
Всѣ родны
Намъ Славы-матери сыны.

10

Враговъ славянства ярыхъ
Перуномъ Божій гнѣвъ карай!
Вѣковъ свободу старыхъ

15

Да узрѣть вновь славянскій край!
 Пусть падѣтъ
 Всякій гнѣтъ,
 Что вольно жить намъ не даѣтъ!

20

Пусть вновь царятъ межъ нами
 Единство, счастье и покой!
 Сплетемся всѣ руками,
 Какъ дѣти матери одной,
 Чтобъ сильна
 И славна
 Была предъ міромъ вновь она!

25

Да здравствуютъ славянки,
 Всѣхъ дѣвъ и женъ краса и цвѣтъ!
 Имъ равной иностранки
 Нигдѣ во всей вселенной нѣтъ.
 Будь ихъ плодъ
 Въ свой чередъ
 Опасный врагамъ народъ!

30

35

И вамъ съ заздравной чашей
 Привѣтъ, о юноши, приемъ:
 Любовь къ отчизнѣ нашей
 Пусть чистымъ въ васъ горитъ огнемъ,
 Чтобъ изъ васъ
 Послѣ насъ
 Борцовъ былъ вѣрный ей запасъ!

40

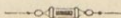
Всѣмъ тѣмъ народамъ слава,
 Что страстно ждуть разсвѣта дня,
 Когда во имя права
 По всей землѣ замрѣтъ рѣзня,
 И безъ бѣды
 Не во вредъ
 Сосѣду будетъ жить сосѣдъ!

45

А нынѣ, въ заключенье,
 Друзья, налить стаканъ пора,
 За наше единенье
 Въ желаньи общаго добра!
 Дай Богъ жить,
 Не тужить
 Всѣмъ, кто привыкъ добру служить!

50

55

cf. Thomas Moore,
St. Senanus
and the lady

4. Святой Сенанъ.

1848

Сенану былъ страшенъ плѣнительный полъ;
Сенанъ отъ соблазна на островъ ушелъ;
Валы ударяють кругомъ въ берега,
И женская тамъ не ступаетъ нога.

Нагрянула буря, и вѣтеръ реветъ;
Пловецъ уstraшенный святыхъ всѣхъ зоветъ;
На вздущемся морѣ и ропотъ и плескъ,
Въ трепещущемъ небѣ и рокотъ и блескъ.

5

Вотъ къ острову лодку прибило волной,
И дѣва выходитъ красы неземной;
Намокшіе видны и перси и станъ.
Не знаетъ, что дѣлать, смущенный Сенанъ.

10

„Къ тебѣ загнала меня буря съ пути;
Въ дому своемъ, отче, меня пріюти;
Пока посушусь я, ты къ Богу съ мольбой
Взывай, чтобъ послалъ Онъ намъ вѣтеръ иной“.

15

„Молить о погодѣ“, сказалъ онъ, „я радъ,
Но ты отправляйся, не медля, назадъ:
Монахъ и дѣвица не сходны никакъ.
Проворнѣй отсюда: ужъ близится мракъ“.

20

Онъ къ Богу моленіе о вѣдрѣ вознесъ,
И въ морѣ волненіе тотчасъ улеглось;
Разъяснилось небо, сіяетъ луна,
И мокрую дѣву уноситъ волна.

Ночь каждую снится Сенану съ тѣхъ поръ,
Что видитъ онъ дѣвы и перси и взоръ,
Что гибель отъ стужи — бѣдняжки удѣлъ;
А онъ исповѣдать ее не успѣлъ.

25

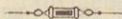
Лишь на морѣ вѣтеръ опять загудитъ,
Не видно ль гдѣ лодки, вокругъ онъ глядитъ;
Толкнись къ нему женщина снова въ жилѣ,
Готовъ онъ принять, исповѣдать ее.

30

Но попусту ждетъ онъ, и скорбенъ и сиръ.
Сенанъ наконецъ возвращается въ міръ.

Отъ женщинъ монахи съ тѣхъ поръ не бѣгутъ
И смѣло ихъ душу и плоть стерегутъ.

35

5. Небесная процессія.

1848

Сверхъ осьмнадцати столѣтій
Тридцать пятый стукнулъ годъ
Съ той поры, какъ въ этомъ свѣтѣ
Христіанскій есть народъ.

На престолѣ возсѣдаетъ
Самъ Господь среди горнихъ силъ;
День великій Онъ справляетъ:
Всѣхъ святыхъ то праздникъ былъ*).

Посадилъ съ собой Онъ Сына,
И при Немъ же Духъ Святой;
Вся небесная дружина
Собралась вокругъ толпой,

*) 1 ноября; а на другой день — поминовение всѣхъ скончавшихся вѣрныхъ (*commemoratio omnium fidelium defunctorum*), чѣмъ объясняется связь этихъ дней съ душами покойниковъ.

Чтобъ смотрѣть, какъ въ мигъ тотъ самый
 Души избранныя шли,
 Изъ чистилища и прямо
 Въ рай ведомыя съ земли.

15

Всѣ украшены вѣнцами,
 За четой чета, идутъ
 Со священными вѣтвями,
 Славу Господу поютъ.

20

На хоругвяхъ Агнецъ Божій,
 Шей съ четками у всѣхъ,
 Съ чѣмъ, какъ съ вѣрною сторожей,
 Ихъ боялись чортъ и грѣхъ.

Душъ не меньше милліона
 Тамъ идетъ, за рядомъ рядъ.
 Богъ, склоняясь на ручку трона,
 Грустный въ нихъ вперяетъ взглядъ.

25

Вотъ еще ихъ вереница,
 Вождь — люблянскій Христофоръ*).
 Богъ велитъ остановиться,
 Съ нимъ вступаетъ въ разговоръ:

30

„Словно Я для побирушекъ
 Лишь однихъ, да для крестьянъ,
 Для монаховъ и старушекъ
 Создалъ радость горнихъ странъ!

35

*) Патронъ Любляны.

„Тѣ да развѣ лишь калѣка
 Не хотятъ потѣть въ аду,
 А почище человѣка
 Въ рай давно Я тщетно жду.

40

„Потому всегда съ любовью
 На отрядъ смотрю Я твой:
 По господскому сословью
 Все жъ тамъ числится иной.

„Населяютъ христіане
 Вѣну, Трестъ, Парижъ и Римъ,
 Но такъ много, какъ Люблянѣ,
 Въ рай господъ не выслать имъ.

45

„Церкви есть и виѣ Любляны
 И священники при нихъ;
 Отчего жъ такой охраны
 Не довольно для другихъ?“.

50

„Вѣкъ Тебѣ да будетъ слава!“,
 Отвѣчаетъ Христофоръ:
 „Мыслию я: у насъ лукавый
 Видитъ въ томъ себѣ отпоръ,

55

„Что въ театрѣ нашемъ холодъ,
 Бѣдность, вонь и тьма и пыль,
 Въ танцевальномъ залѣ голодъ,
 Скука, чинность, плѣсень, гниль.

60

„Пить бурду тамъ, заѣдая
 Чахлой птицей — что за прокъ?
 Есть ли радость въ томъ какая —
 Судь извѣдать злыхъ сорокъ?

„А стрѣльбище — чуть не въ полѣ; 65
 Плясъ идетъ у нищихъ здѣсь,
 Здѣсь швеи царять на волѣ,
 Отрубей съ мякиной смѣсь.

„Потому всегда люблянцы 70
 Чаще ходять въ Божій храмъ,
 Чѣмъ на зрѣлища, на танцы
 Праздникъ праздновать чертямъ“.

Бѣсь у скважины замочной
 Все подслушаль, подсмотрѣль
 И люблянцамъ путь порочный 75
 Проложить тотчасъ сумѣль.

Тайнымъ онъ внушилъ приказомъ
 Имъ *казино* смастерить,
 Чтобъ сынковъ и дочекъ разомъ
 Съ матерями — *исказить*. 80

Ради пущаго скандала
 Онъ кого-то научилъ,
 Чтобъ господъ, какихъ попало,
 Тотъ въ стрѣльбище залучилъ.

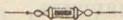
Приказалъ еще поставить 85
Колисеумъ хитрый бѣсъ,
 Чтобъ его могли тамъ славить
 Всѣ люблянцы до небесъ.

Долженъ рушить колисеумъ 90
 Связь крещенныхъ съ Божествомъ:
 Пусть тамъ трется въ *колесъ умъ!*
 Будетъ новый тамъ Содомъ.

Долженъ быть театръ устроень. 95
 Бѣсъ, едва минуетъ годъ,
 Можетъ быть за насъ покоень:
 Весь почититъ его народъ.

Возгордись призваньемъ лестнымъ,
 О Любляна нашихъ дней!
 Станешь ты гнѣздомъ извѣстнымъ
 Властелина всѣхъ чертей. 100

Слава ждетъ тебя большая:
 Лѣтъ чрезъ десять Христофоръ
 Ни одной души для рая
 Не найдетъ уже въ наборъ.

6. Пѣснь о построеніи церкви на Марьиной горѣ*). 1866

I.

Дѣвушка.

Я шла и сбилася съ пути;
Впередъ, назадъ — куда итти?
Тебя, пустынный, Богъ послалъ,
Чтобы ты путь миѣ показалъ,
Миѣ путь на верхъ горы крутой,
Гдѣ въ замкѣ баринъ молодой,
Гдѣ баринъ, вѣрно, нездоровъ,
Когда ужъ мой забылъ онъ кровь,
Хоть я изъ всѣхъ имъ избрана
И стать женой его должна.

5

10

Пустынный.

О дочь моя, о дочь моя!
Тебя бы здѣсь оставилъ я:
Смотри, какъ вечеръ тѣнь сгустилъ,
А ты ужъ выбилась изъ силъ.

*) Марьяна гора (точнѣе: Святомарьинская — Šmarna gora) есть одинокій холмъ верстахъ въ 10 на сѣверъ отъ Любляны, съ церковью Богоматери на вершинѣ. Туда люблянцы отправляются не только на богомолье, но и для загородной прогулки.

Дѣвушка.

О нѣтъ, спасибо за пріютъ!
Ничто мнѣ ночь, ничто мнѣ трудъ.
Покой ко мнѣ и сонъ нейдетъ,
Нейдетъ отъ горя и заботъ.

15

Пустынникъ.

Войди ко мнѣ со мною въ домъ.
По высямъ горъ рокочетъ громъ.
Какъ грозенъ мрачныхъ видъ небесъ,
И какъ зловѣще стонетъ лѣсъ!

20

Дѣвушка.

О нѣтъ, спасибо за пріютъ!
И громъ и вихри пусть ревутъ:
Ахъ, злѣйшій вихрь, еще страшнѣй,
Реветь теперь въ душѣ моей.

25

Пустынникъ.

Прими, дѣвица, мой совѣтъ:
Тебѣ итти расчета нѣтъ:
Пока достигнемъ мы воротъ,
Привратникъ, вѣрно, спать уйдетъ.

30

Дѣвушка.

О нѣтъ, спасибо за пріютъ!
Пускай всѣ слуги спать уйдутъ:
Кого впускала я не разъ,
Велитъ впустить меня тотчасъ,

Пустынникъ.

Останься, дочь: твой молодецъ —
Знай, не страдалецъ онъ, а лжецъ;
Нѣтъ, онъ на стукъ не встанетъ твой:
Онъ сладко съ новой спитъ женой.

35

Дѣвушка.

О, будь ты проклять, дѣвства тать!
Уже семь мѣсяцевъ я мать.
Ты вспомнишь, баринъ молодой,
Что грѣхъ узнала я съ тобой.

40

Такія вымолвивъ слова,
Она упала, не жива;
Явился мальчикъ вдругъ на свѣтъ,
Но до него ей дѣла нѣтъ.

45

II.

Средь розъ, на травкѣ шелковѣй
Могилу роетъ мужъ святой.
Шель мимо баринъ полевать,
Могилу видитъ, сына, мать.
Чтобъ старику замазать ротъ,
Червонцевъ горсть ему даетъ:
„Что есть со мной“, сказалъ онъ, „на!
Лишь не узнала бы жена“.

50

Пустынникъ.

О господинъ, плохой успѣхъ 55
 Доставить плата вамъ за грѣхъ.
 Лишь на обѣдни дайте вкладъ
 И въ пользу безпріютныхъ чадъ,
 Чтобъ изъ чистилища скорѣй
 Открылся въ небо доступъ ей. 60
 Сынка, рожденнаго на свѣтъ,
 Должны мы здѣсь растить семь лѣтъ;
 Когда семь лѣтъ пройдетъ, я съ нимъ,
 Я съ нимъ отправлюсь въ школу въ Римъ.

III.

Бѣда, измѣнникъ молодой! 65
 Тебя гнететъ проступокъ твой;
 Неправдѣ каратель и обидѣ,
 Жестоко Богъ тебя казнить:
 Жена потомства не дарить,
 И вѣчно мыслью ты томимъ, 70
 Что замокъ свой отдашь чужимъ.

Чрезъ двадцать лѣтъ пришелъ домой
 Изъ Рима старецъ тотъ святой;
 Священникъ юный съ нимъ идетъ;
 То былъ любви грѣховной плодъ. 75

Хвораетъ баринъ, силъ ужъ нѣтъ;
 Пустынникъ далъ ему совѣтъ:

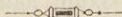
„Скорбите вы, что кровь родной
И ваше все возьметъ чужой.
Маріи домъ бы вамъ отдать
И Ей во славу храмъ создать,
Чтобъ сынъ за васъ молился тамъ,
Чтобъ богомольцы шли въ тотъ храмъ“.

80

Маріи домъ рѣшилъ онъ дать
И Ей во славу храмъ создать;
Въ немъ сынъ его молитвы пѣлъ
За лучший матери удѣлъ.

85

Гдѣ встарь былъ замокъ, нынѣ тамъ
Маріи Дѣвы горный храмъ.

7. Марьи́на гора. 1848

Благо тѣмъ, съ кѣмъ ходъ шель крестный
Къ верху Марьиной горы
Въ честь Невѣсты Пеневѣстной!

Но бѣда, кто до поры
Отлагаль тотъ путь безбожно
И не шель, пока возможно,
Пѣть молитвы, литаніи,
Воздавать хвалу Маріи!

5

Въ ночь, какъ поздніе напѣвы
Всѣмъ святымъ уже замрутъ,
Прежде, чѣмъ во славу Дѣвы
Храмы утромъ звонъ начнутъ,
Въ гору — то не небылицы —
Ходятъ мертвыхъ вереницы
Пѣть молитвы, литаніи,
Воздавать хвалу Маріи.

10

15

Шлютъ ихъ всѣ народа классы,
Всякъ на свой наряженъ ладъ:

Лицѣ духовныхъ видны рясы,

Шолкъ, дерюга — все подѣ рядѣ.

20

Чьи вы тѣни? видѣть странно

Васѣ, ходящихъ неустанно

Пѣть молитвы, литаніи,

Воздавать хвалу Маріи.

„Мы, въ духовномъ облаченіи,

25

Въ людяхъ сѣяли обманъ

И въ грѣховномъ увлеченіи

Совращали христіанъ;

Изъ чистилища мы ходимъ,

За собою грѣшныхъ водимъ

30

Пѣть молитвы, литаніи,

Воздавать хвалу Маріи.

„Богомольцевъ полкъ за нами —

Сколько ихъ, не перечесть —

Это тѣ, что вѣрять сами

35

Захотѣли въ нашу ложь;

Съ нами каюсь, въ ту же пору

На святую ходятъ гору

Пѣть молитвы, литаніи,

Воздавать хвалу Маріи.

40

„Въ Крайнѣ кто ноги не двинетъ

Въ это мѣсто до конца,

Тотъ не прежде будетъ принять

Въ домѣ Вѣчнаго Отца,

Чѣмъ возможетъ въ срокъ законный,
Съ нами здѣсь онъ, сокрушенный,
Пѣть молитвы, лitanіи,
Воздавать хвалу Маріи“.

4

Пусть же уши всякъ отворить,
Слыша скорбныхъ душъ отчетъ,
Прежде, чѣмъ его побореть
Смерть и духъ его возьметъ!

50

Пусть одинъ иль съ ходомъ крестнымъ
Вверхъ идетъ путемъ извѣстнымъ
Пѣть молитвы, лitanіи,
Воздавать хвалу Маріи!

55

Всякій, кто сюда приходитъ,
На Марію уповай!

Бѣсъ ему не загородитъ

Въ смертный часъ дороги въ рай:
Онъ, претавясь безупречно,
Будетъ съ ангелами вѣчно
Пѣть молитвы, лitanіи,
Воздавать хвалу Маріи.

60

8. Ярмо любви. 1866

О вы, кто гнетъ любовнаго ярма
Не больше знаетъ, чѣмъ истоки Нила*),
Кому извѣстна денегъ только сила, —
Что дать торговля, что поля, дома!

Сомнительно для вашего ума, 5
Чтобъ не корысть меня къ струнамъ манила,
И чтобъ я зналъ, что не пройдетъ отъ пыла
Моихъ стиховъ въ душѣ ея зима.

А вотъ еще смотрите силъ затрату:
Въ Америкѣ рабовъ тѣхъ черныхъ рядъ 10
Ужель корыстно трудится за плату?
Любовь меня гнететъ на худшій ладъ,
Чѣмъ если бъ въ плѣнъ попалъ я къ супостату;
Какихъ могу я ждать себѣ наградъ?

*) Вопросъ о томъ, гдѣ беретъ свое начало Нилъ, возбуждалъ любознательность грековъ и римлянъ, но былъ разрѣшенъ всего лѣтъ за 30 съ чѣмъ-нибудь до настоящаго времени. Потому истоки Нила служили въ древности символомъ непроницаемой тайны.

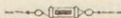
9. Михаилу Кастильцу^{*)}.

Запущены Парнаса были гряды:
Вездѣ стебли кропивы, лебеды;
Не стали видны въ нихъ Каменьъ слѣды;
Слухъ тщетно ждалъ отъ лирныхъ струнъ улады.

Манили крайнцевъ пышныя ограды,
Краса цвѣтовъ, доступные плоды,
Дорожекъ ширь и гладь; понасть въ ряды
Пѣвцовъ нѣмецкихъ наши были рады.

Ты пробудилъ, собралъ насъ въ горькій часъ;
Мы принялись полоть холмы и доли, —
И оживаетъ нашъ родной Парнасъ:
Лужокъ ужъ виденъ кое-гдѣ веселый,
Звукъ пѣсенъ сладкій слышится у насъ,
Цвѣтутъ цвѣты, и медъ ужъ несутъ „Пчелы“.

^{*)} См. пред. стр. XVI.

10. „Будь счастливъ жребій
твой“. 1875

Очей, люющихъ свѣтъ,
Твоимъ подобныхъ нѣтъ;
Одна ты мнѣ была
И будешь вѣкъ мила.
Будь счастливъ жребій твой,
Хоть съ нимъ иль хоть со мной!

5

Когда ты прочь нейдешь
И видѣть мнѣ даешь
Очей небесныхъ лучъ,
Къ сердцамъ всѣмъ вѣрный ключъ, —
Будь счастливъ жребій твой
Не съ нимъ, а лишь со мной! .

10

Когда жъ, забывъ меня,
Свой взоръ, свѣтило дня,
Поводишь ты кругомъ
Съ заботой лишь о немъ, —

15

Будь счастливъ жребій твой,
Но съ нимъ, а не со мной!

Прерветъ ли пѣсенъ стонъ
Моихъ твой чуткій сонъ, 20
И ты, на ложѣ сѣвъ,
Ихъ слушаешь напѣвъ, —
Будь счастливъ жребій твой
Не съ нимъ, а лишь со мной!

Когда жъ ты ищешь вновь, 25
Презрѣвъ мою любовь,
Въ бесѣдѣ съ нимъ утѣхъ
И слышу я вашъ смѣхъ —
Будь счастливъ жребій твой,
Но съ нимъ, а не со мной! 30

Помыслию ль, хоть во снѣ,
Какъ сладко было бѣ мнѣ
Твой станъ рукой обнять,
На грудь тебя прижать, —
Будь счастливъ жребій твой, 35
Не съ нимъ, а лишь со мной!

Когда жъ, его обнявъ,
Къ плечу его прижавъ,
По залѣ съ нимъ вдвоемъ
Порхаешь ты кругомъ, — 40
Будь счастливъ жребій твой,
Но съ нимъ, а не со мной!

Нѣтъ, впредь не быть тому!

Отказъ дай одному:

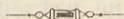
Безъ счастья лучше жить,

45

Чѣмъ съ нимъ его дѣлить.

Будь счастливъ жребій твой,

Хоть съ нимъ ужъ, хоть со мной!

11. Надпись на памятникъ Матвѣю Чопу *).

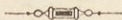
1866

Всѣ языки Европы просвѣщенной
Тотъ, кто здѣсь спитъ, какъ свой родной по-
зналъ;
Любилъ науку онъ: не удѣленный
Ей каждый часъ потеряннымъ считалъ;
Свидѣтели Любляна, Львовъ и Рѣка,
Какъ забывалъ для школы онъ покой;
Когда бъ на то его достало вѣка,
Писаньями училъ бы край онъ свой.
Чуть за перо взялся, чтобъ древней Славы
Сыновъ будить, въ волнахъ погибъ онъ Савы.

5

10

*) См. пред. стр. XV—XVI.

12. Божьи и бѣсовы дома въ Люблянѣ.

1849

Въ храмахъ приходскихъ пяти поклоняются Богу
въ Люблянѣ,

Столько жъ обманщику въ ней бѣсу притоновъ
дано:

Насъ Николай призываютъ съ Петромъ и съ Іако-
вомъ къ Богу,

Въ небо Креститель Иванъ и Богоматерь зовутъ;
Но колесеумъ, театръ и казино, редутъ и стрѣль-
бище

Бѣсъ захватилъ, чтобы въ нихъ рыбку свою же
ловить.

НѢМЕЦКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Жалобы поэта. /833-34

I.

Et getico scripsi sermone libellum.

За пѣсенъ даръ въ изгнаньи изнывая,
Камень латинскихъ баловень, Назонъ*),
Не могъ и тамъ покинуть лиры звонъ:
Ему невмочь была тоска нѣмая.

Усвоивъ рѣчь себѣ чужого края, 5
Онъ изливаль души скорбящей стонъ
На языкъ не томъ, что зналъ съ пленъ,
А что звучаль на берегахъ Дуная.

И я бы лиру бросить не сумѣлъ;
Но не почетъ я пѣснею родною, 10
А ненависть себѣ стяжалъ въ удѣлъ.
И вотъ свой гнѣвъ, котораго не скрою —
Простите мнѣ — какъ онъ, излить хотѣлъ
Я не родимой рѣчью, а чужою.

*) Овидій; въ ссылкѣ онъ выучился гетскому языку и написалъ на немъ нѣсколько стихотвореній, до насъ, къ сожалѣнію, не дошедшихъ. Ср. къ Разн. стих. 6.

II.

Блаженъ, кто не вкусилъ неосторожно
Познанія грѣховнаго плода!
Зачѣмъ завѣса пала навсегда
И я смотрю на истину тревожно?

Казалось мнѣ, что жить еще возможно;
Но лишь слѣпцу надежда не чужда,
Что добрыхъ цѣлей, чистаго труда
Не очернять, не истолкуютъ ложно.

Слѣпецъ, безумецъ вѣрою живетъ,
Что не тому, кто свой талантъ откроетъ,
Грозить бѣда, а кто его зароетъ;
Слѣпцу доступенъ замысловъ полетъ;
Онъ за добро въ борьбу еще поидетъ
И немощю себя не успокоитъ.

5

10

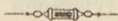

III.

Зачѣмъ она, ¹достойная привѣта
 Пѣвцовъ всѣхъ странъ отъ древности сѣдой
 За то, что не уступить ни одной
 Изъ тѣхъ, кому звучала пѣснь поэта, —

Она, кѣмъ такъ душа моя согрѣта,
 Что невозможенъ пламень ей иной,
 Въ моихъ стихахъ лишь рѣчью мнѣ родной,
 А не нѣмецкой наравнѣ воспѣта? 5

Языкъ нѣмецкій здѣсь, какъ рѣчь владыкъ,
 Въ числѣ господскихъ значится отличій, 10
 Словѣнскій — то прислуги есть языкъ.
 Слѣпой любви безправной ставъ добычей,
 Нести я службу тяжкую привыкъ
 И не посмѣлъ нарушить тотъ обычай.

2. Любовь въ уподобленіяхъ.

I.

1834.

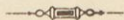
„Весна идетъ; рѣка, гора, дуброва —
Все, все въ природѣ шлетъ ей свой привѣтъ;
Хвалу находитъ всякій ей поэтъ,
Всегда ей пѣсня лучшая готова.

Лишь у тебя нѣтъ для нея ни слова,
На лѣто, осень также пѣсни нѣтъ;
Одна любовь — стиховъ твоихъ предметъ,
Твоихъ и слезъ и радостей основа“.

5

Въ зеркальной глади дремлющихъ озеръ
Мелькаютъ звѣздъ небесныхъ хороводы,
Луна и солнце и прибрежный боръ;
Но лишь нависнетъ сумракъ непогоды, —
Гдѣ отраженья прежде видѣлъ взоръ,
Тамъ видны только вздувшіяся воды.

10

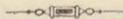

II.

Какъ тотъ, кто былъ въ борьбѣ стихій жестокой
Лишень всего, что въ путь забралъ съ собой,
И, отъ могилы ускользнувъ морской,
Одинъ попалъ на островъ одинокій,

На каждый холмъ вокругъ всходя высокій, 5
Глядитъ, корабль не виденъ ли какой,
И наконецъ ликуетъ всей душой,
Когда примѣтитъ судна флагъ далекій,

Такъ я, кому сдается жизнь моя,
Въ ней если мнѣ твои не блещутъ глазки, 10
Скалой, лишенной солнца и жилья,
Бываю радъ, когда не безъ опаски
Кругомъ всѣ зорко осматрѣвъ края,
Твоей хоть шляпки вижу вдругъ завязки.

III.

Какъ страстно жаждеть, кто во мракѣ свода
Сидить глубоко замкнуть подь землей,
Лазурь увидѣть неба, свѣтъ дневной
И солнце, чьимъ лучомъ живетъ природа!

Когда жъ ему возвращена свобода, 5
Онъ, сразу твердь увидя надъ собой,
Отъ блеска взоръ закрытымъ держить свой,
Тюремного не покидая входа.

О, какъ я жажду звѣздъ ея очей,
Свѣтилъ мнѣ жизни внутренней, незримой, 10
Дающихъ день и ночь душѣ моей!
Но, ахъ! когда она проходитъ мимо,
Вкругъ тихій свѣтъ лія своихъ лучей,
Мой взоръ стремится внизъ не удержиимо.

3. Въ память

1835

императорско-королевскаго лицейскаго библіотекаря въ Люблянѣ

М а т в ѣ я Ч о п а.

“Ον οἱ θεοὶ φιλοῦσιν, ἀπο-
θνήσκει νέος.

Brunk, Poetae gnomici.

„Кто милъ богамъ, тотъ умираетъ молодъ“ —
Свидѣтель — ты, и то же на твоёмъ
Лицѣ запечатлѣлъ кончины холодъ.

Оно сіяло тихимъ торжествомъ,
Уста улыбкой намъ какъ бы вѣщали: 5
„Оконченъ бой! нужды нѣтъ больше въ немъ“.

Такъ я засталъ тебя, когда въ печали
Явился, вѣсть ко мнѣ лишь принеслась,
Что друга мы навѣки потеряли.

Скорбь сердце жжетъ и будетъ жечь не разъ, 10
Но кажется сноси́те мнѣ утрата,
Когда помыслиу твой послѣдній часъ.

Багряный лучъ прохладнаго заката
 Луговъ зеленыхъ золотилъ просторъ,
 А далѣе, вершинами богата,

15

Цѣпь краинскихъ тебѣ виднѣлась горъ;
 Тебя качали тихо Савы волны,
 Журча кругомъ, лаская слухъ и взоръ,

И облака по небу, словно челны,
 Неслися вдаль; твоя вздымалась грудь,
 Твои мечты восторга были полны.

20

Не думалъ ты, что твой законченъ путь;
 Великій Духъ вдругъ генія отпавилъ,
 Чтобъ въ свѣтлый свой чертогъ тебя вернуть;

Онъ въ чистомъ водѣ кристаллѣ предоставилъ
 Угаснуть искрѣ и предъ тѣмъ, какъ взялъ,
 Ее отъ грязи жизненной избавилъ.

25

Ты въ упоеньи землю покидалъ,
 Во цвѣтѣ силъ, не видя, какъ уныло
 Теперь твои стоять, и старъ и малъ.

30

Твое чело горячее остыло,
 Сомнѣній больше нѣтъ въ твоей груди,
 Страданье въ ней съ раскаяньемъ почило,

Надеждъ обманъ не страшенъ впереди,
 Ни лишь затѣмъ влекущія стремленья,
 Чтобъ намъ сказать: „Смирись и пропади!“.

35

Не ты, а мы достойны сожалѣнья,
Твой милый край родимый и они,
Юнцовъ, тобой учимыхъ, поколѣнья.

Какъ много взять могли бъ не мы одни
Изъ клада знаній, замкнутого нынѣ,
Но міръ, все люди въ будущіе дни!

40

Безъ устали къ научной благостынѣ
Стремясь, ты твердо къ цѣли шель своей
И не хотѣлъ почить на половинѣ.

45

Ты языки позналъ Европы всей:
Въ писаньяхъ грековъ, римлянъ что прекрасно,
Что бриттъ воспѣлъ изящнѣй и сильнѣй,

Что португалець и испанецъ страстный,
Что итальянецъ, нѣмецъ и французъ
Изобразили въ пѣсни сладкогласной, —

50

Все это ты на языкахъ ихъ музъ
Умѣлъ узнать. Когда вступилъ въ духовный
Ты съ братьями полочными союзъ,

Тебѣ Мицкевичъ пѣлъ единокровный,
И чеховъ, сербовъ, русскихъ весь Парнасъ
Усвоилъ ты съ заботою любовной.

55

Чтобъ съ родиной ты свой дѣлилъ запасъ,
Тебя благословила Мнемосина*):
Ты отъ избытка одарилъ бы насъ!

60

*) Мать Музъ.

И вотъ тебя взяла у насъ кончина;
Хоть весело всходили ужъ хлѣба,
Несжатою осталась десятина.

Затѣмъ-то намъ и кажется судьба,
Тебя такъ рано взявшая, жестокой,
И такъ трудна съ печалью намъ борьба. 65

Я знаю: былъ бѣднякъ ты одинокій,
Тебѣ, какъ мнѣ, невѣдомъ былъ покой,
И отдохнешь въ могилѣ ты глубокой.

Да будетъ миръ блаженный надъ тобою! 70
Но на твою столь раннюю кончину,
На то, что рано ты оплаканъ мной,

Пока живу, я жалобъ не покину.

4. Словѣнцамъ, пишушимъ стихи по-нѣмецки. 1838

О вы, хоть родомъ истые славяне,
Кому давно пришлось покинуть мать,
А чтобъ наукъ васъ молокомъ питать,
Врученные, какъ я, нѣмецкой нянѣ!

Виновны ль тѣмъ въ измѣнѣ вы, въ обманѣ, 5
Что нѣмкѣ честь привыкли воздавать?
Но матери ее предпочитать —
Какъ можетъ сердце быть въ такомъ туманѣ?

Не равная ей съ матерью цѣна;
Но нашей воспитательницѣ вѣрной 10
Награда быть достойная должна:
Изъ лучшей бронзы, не изъ глины скверной
Да будетъ даръ! богачка вѣдь она;
Хламъ ей внушить лишь смѣхъ высокомерный.

5. Юной поэтессѣ.

1844

Когда, страдая въ вѣчномъ съ жизнью спорѣ,
Ты къ творчеству влекома божествомъ,
Удѣлъ твой ясенъ: нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что съ Сапфо*) стать въ одномъ должна ты хорѣ,

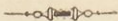
Должна извѣдать даръ свой на просторѣ,
Хоть не узнала бъ ты любви вдвоемъ,
Хоть грянулъ бы въ твои надежды громъ
И ты сама нашла бъ кончину въ морѣ.

5

Но если духъ въ тебѣ такъ не кипитъ,
Направь свои на лучший жребій грезы:
Пока румянецъ свѣжъ твоихъ ланитъ,
Тебѣ любви благоухаютъ розы;
Пусть миртовый вѣнокъ тебя манитъ,
Не лавровый, дающій только слезы!

10

*) Знаменитѣйшая изъ греческихъ женщинъ-поэтовъ, жила въ VII в. до Р. Х. на островѣ Лесбосѣ и, по преданію, утопилась въ морѣ вслѣдствіе несчастной любви къ нѣкому Фаону.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе переводчика	IV
Пѣсни	XLVI
Баллады и романсы	LI
Разныя стихотворенія	LV
Эпиграммы	LVII
Газели (1833)	—
Сонеты	LIX
Крещеніе при Савицѣ (1836)	LXVII
Посмертныя стихотворенія	LXIX
Нѣмецкія стихотворенія	LXXII
Пѣсни	LXXVI
Баллады и романсы	LXXIX
Различныя стихотворенія	LXXXII
Эпиграммы	LXXXIII
Газели	LXXXVI
Сонеты	LXXXVII
Крещеніе при Савицѣ	XC
Посмертныя стихотворенія	—
Нѣмецкія стихотворенія	XCI

Словѣнскія стихотворенія.

Пѣсни.

1. Струнамъ	5
2. Дѣвицамъ	7
3. Подъ окномъ	9

	<i>Стран.</i>
4. Просьба	11
5. Куда	13
6. Приказы	14
7. На прощанье	16
8. Сила памяти	18
9. Утраченная вѣра	20
10. Морякъ	22
11. Рекрутская	24
12. Въ память Валентина Водника	26
13. Въ память Андрея Смолета	28
14. Желѣзная дорога	30
15. Покинутая	34
16. Незамужняя мать	36
17. Поэту	38

Баллады и романсы.

1. Совѣтъ отъ дочери	41
2. Школьникъ	43
3. Докторъ	45
4. Турьяцкая Розамунда	47
5. Еврейская дѣвушка	52
6. Лѣкарство отъ любви	54
7. Водяной	58
8. Вторичное погребеніе	62
9. Неглѣнное сердце	64
10. Рыбакъ	67
11. Женская вѣрность	69
12. Органистъ	78

Разныя стихотворенія.

1. Звѣздочетамъ	83
2. Въ память Матвѣя Чопа	85
3. Новая литературная школа	88

4. Первая любовь	96
5. Прощанье съ юностью	98
6. Глосса	100

Эпиграммы.

1. Предисловіе и оправданіе	105
2. Условіе не-золотоу вѣка	—
3. Новый Пегасъ	—
4. „Пчелкинымъ“ эпиграмматистамъ	106
5. „Пчелкинымъ“ баснописцамъ	—
6. „Пчелкинымъ“ слагателямъ гексаметровъ	—
7. На стихотворенія „Пчелки“ безъ <i>ц</i> и <i>с</i>	—
8. „Пчелкинымъ“ пѣвцамъ временъ года	107
9. Лѣсничику и Лѣвичнику	—
10. Пржему поэту, потомъ гомеопату	—
11. Издателью „Пчелки“	—
12. Водникъ	108
13. Равникарю	—
14. На Ахацлевы пѣсни	—
15. Нѣкоторымъ сочинителямъ духовныхъ пѣсенъ	—
16. Кремлю	109
17. Копытаръ	—
18. Денничникамъ	—
19. Хвастуны изъ четырехъ многочисленнѣйшихъ славянскихъ народовъ	110
20. Катонъ на изнанку	—
21. Настоящія стихотворенія	—

Газели.

1. Пѣсня моя громко поетъ	113
2. Въ глазахъ найти старался я отвѣтъ	114
3. Всѣ кругомъ меня узнали безъ труда	115

4. Знаю, какъ ты дамскимъ хоромъ обо мнѣ извѣщена	116
5. Межъ дѣтьми играла въ прошломъ ты году . . .	117
6. Земледѣль, сберетъ ли съ нивы плодъ своей . .	118
7. Всѣ, цѣня мои творенья, судятъ разногласно . .	119

Сонеты.

1. Отъ нашихъ предковъ славные примѣры	123
2. Сверхъ солнца свѣтятъ солнцъ намъ мириады . .	124
3. Какъ вашихъ звѣздъ на темномъ кругозорѣ . .	125
4. Упалъ мой взглядъ, привыкшій зрѣть обманы . .	126
5. Амуръ и мать, она жъ твоя товарка!	127
6. Шель съ той поры, какъ ангеловъ полетъ . . .	128
7. Сонетный вѣнокъ.	

I. Вѣнокъ пѣвецъ твой новый
вѣтъ для свѣта	129
II. Въ немъ будутъ жить любовь
моя и ты	130
III. Изъ сердца эти выросли цвѣты	131
IV. Признанія несчастнаго поэта .	132
V. Онѣ взошли въ странѣ, гдѣ
нѣтъ разсвѣта	133
VI. Ихъ ростъ не зналъ дыханья
теплоты	134
VII. Ихъ окружали дикихъ горъ
хребты	135
VIII. Край буйныхъ вѣтровъ, вѣчно
чуждый лѣта	136
IX. Воспитаны стеномъ и сле-
зой	138
X. Растутъ, но взору не даютъ
отрады	139
XI. Надъ ними тучъ скопились
громады	140

XII. Зато теперь и видъ у нихъ больной	141
XIII. Пусть ясный лучъ пошлютъ твои имъ взгляды	142
XIV. И будетъ веселье цвѣтъ ихъ молодой	143
XV. Магистраль	144
8. Дворянчикъ нѣкій...	145
9. Мнѣ снилося, что счастье безъ предѣла	146
10. О Тогенбургъ, прославленъ ты преданьемъ	147
11. Ты, Моисей, былъ въ Ханаанъ отъ рока	148
12. На небѣ мѣсяцъ блещетъ кроткимъ свѣтомъ	149
13. Разъ въ жизни путь священный совершая	150
14. Бываетъ такъ, что разомъ мусульмане	151
15. Мой взоръ лишь къ ней искалъ себѣ дороги	151
16. Когда больному опытность врачей	153
17. Послѣдній судъ борцамъ за рай успѣшнымъ	154
18. Какъ впредь писать намъ: <i>каша</i> или <i>kasha</i> ?	155
19. Чего зѣвать намъ? въ книгахъ москвитянскихъ	157
20. На судъ картину Апеллесъ поставилъ	157
21. О Вербѣ, гдѣ я отчій домъ оставилъ	158
22. Зашедъ въ пустыню въ Африкѣ, дорогу	159
23. Дубъ, зимнимъ вихремъ вырванный и сбитый	160
24. Кому судьба въ удѣлъ дала невзгоды	161
25. Жизнь есть тюрьма, въ ней время—злой палачъ	162
26. Изъ устъ моихъ ужъ впредь, о рокъ суровый	163
27. Memento mori	164
28. Матвѣю Чопу	165

Крещеніе при Савицѣ.

Введеніе	169
Крещеніе	173

Посмертныя стихотворенія.

	<i>Стран.</i>
1. Монашенка	195
2. Старая дѣва	197
3. Здравѣца	199
4. Святой Сенанъ	202
5. Небесная процессія	204
6. Пѣснь о построеніи церкви на Марьиной горѣ	209
7. Марьиная гора	214
8. Ярмо любви	217
9. Михаилу Кастельцу	218
10. „Будь счастливъ жребій твой“	219
11. Надпись на памятникъ Матвѣю Чопу	222
12. Божьи и бѣсовы дома въ Люблинѣ	223

Нѣмецкія стихотворенія.

1. Жалобы поэта.	
I. За пѣсень даръ въ изгнаньи изнывая	227
II. Блаженъ, кто не вкусилъ неосторожно	228
III. Зачѣмъ она, достойная привѣта	229
2. Любовь въ уподобленіяхъ.	
I. Весна идетъ; рѣка, гора, дуброва	230
II. Какъ тотъ, кто былъ въ борьбѣ стихій жестокой	231
III. Какъ страстно жаждетъ, кто во мракѣ свода	232
3. Въ память Матвѣя Чопа	233
4. Словѣнцамъ, пишущимъ стихи по-нѣмецки	237
5. Юной поэтессѣ	238

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изданіе типографіи
Г. Лисенера и А. Гешеля,
Москва, Крестовоздвиженскій пер.,
домъ Лисенера.

NARODNA IN UNIVERZITETNA
KNJIŽNICA

00000218112

CS1803 8

